

М. Прилежаева

ТРЕТЬЯ ВАРЯ

*Издательство
"Детская литература"*

М. Прилепина

ТРЕТЬЯ ВАРЯ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Ю. Ракутина

Издательство "Детская литература"
Москва - 1964

Третья Варя — московская школьница — семиклассница. В школе последние дни занятий, и вдруг Варе приходится уехать. Дед купил билеты, и они едут в село Привольное на Оке. Почему так внезапно? Зачем?

Об этом вы узнаете, прочитав повесть. Вы узнаете, почему подруги и учительница Валентина Михайловна называют Варю Лыкову третьей Варей. Узнаете, что случилось с ней в селе Привольном за эти два дня, в течение которых проходит действие повести.

Для среднего и старшего возраста

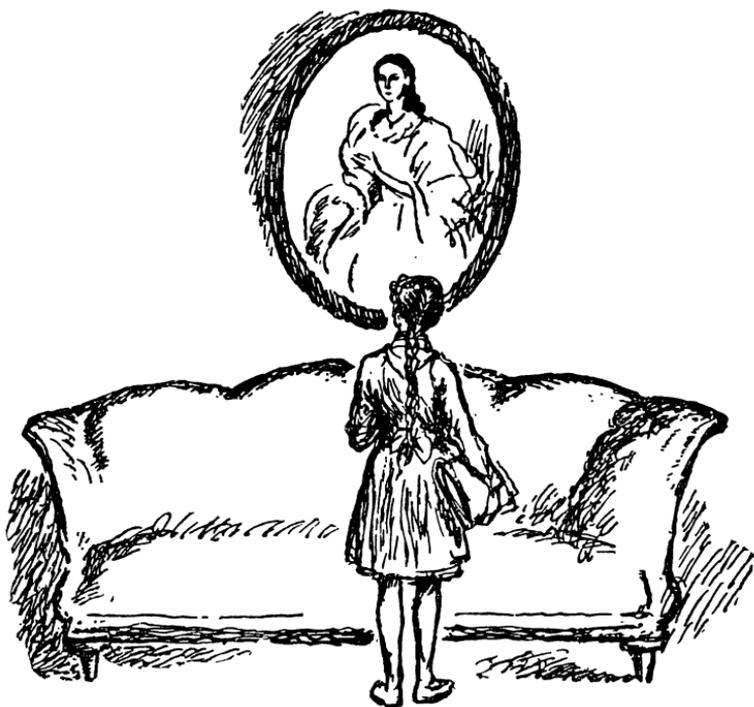
Прилежаева Мария Павловна

ТРЕТЬЯ ВАРЯ

Ответственный редактор З. С. Карманова. Художественный редактор Б. М. Гуркова. Технический редактор З. М. Кузьмина. Корректоры Л. М. Короткина и Т. П. Лейзерович. Сдано в набор 21/XII 1963 г. Подписано к печати 2/III 1964 г. Формат 84×108¹/₃₂. 4 печ. л. 6,56 усл. печ. л. (7,03 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. ТП 1964 № 367. Цена 31 коп. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 5902.

1

Варе шел пятнадцатый год, когда произошли события, о которых рассказывается в этой повести. Лето только наступило. Оставалось три дня занятий, после чего семиклассников без экзаменов переведут в восьмые классы, при условии, разумеется, приличных отметок. Варе беспокоиться не приходилось. Училась она хорошо. Более того: «Исключительно ответственная девочка!» — хвалила Варю учительница истории Валентина Михайловна.

— Исключительно ответственная, редкой примерности! — говорила она Вариному деду, Арсению Сергеевичу, когда он приходил в школу на родительские собрания.

Густые, как щетки, белые брови деда лезли на лоб. Лицо принимало язвительное выражение:

— Что за штука примерность?

— Ну... скромность.

— Копейка цена вашей скромности, ежели ничего кроме нету, — отвечал Варин дед.

— Но как же... Другая бы па ее месте...

— Значит, дура эта ваша другая.

Валентина Михайловна не спорила. Валентина Михайловна была молода, основной чертой ее характера была романтичность, оттого к Варю и Варипому деду она питала особое чувство, нечто вроде влюбленности.

Варин дед в Отечественную войну был начальником войсковой разведки армии, теперь полковник в отставке. Мать умерла. Варю не было году, когда она умерла, а отец... Видно, отец был плохим человеком, если мама от него ушла. Во всем белом свете у Вари был один дед.

Но, конечно, у романтической Валентины Михайловны были особые причины относиться особенно к семье полковника в отставке Арсения Сергеевича Лыкова. Об этом речь впереди.

В день, с которого начинается наша повесть, Варину школу посетила иностранная делегация.

В Москве постоянно гостят делегации из разных стран. Некоторые из них интересуются постановкой школьного дела в Советском Союзе. Так как Варина школа была в Министерстве просвещения на хорошем счету, гостей нередко направляли сюда. Учителя и ребята привыкли к таким посещениям, им даже надоели эти визиты. Особенно сейчас, к концу года, иностранная делегация вовсе была не ко времени, но отказаться принять гостей невозможно — долг гостеприимства требует. Да и министерство!

В седьмой класс на урок Валентины Михайловны делегация пришла незадолго до звонка. Директор без предупреждения привел ее и торопливо бросил учительнице:

— Побеседуйте с нашими зарубежными друзьями, пока я вернусь, — и исчез, озабоченный делами: надвигающимися экзаменами, успеваемостью, ремонтом, производственной практикой и прочим.

— Здравствуйте, дорогие друзья! — любезно приветствовала Валентина Михайловна.

Директор не сказал, откуда они прибыли, но это неваж-

но. Важно, что друзья. Ласковость так и лилась, так и струилась из жизнерадостно сияющих глаз Валентины Михайловны, — как не заулыбаться в ответ! Иностранные гости заулыбались, закивали, и сразу, как пишут в газетах, создалась теплая атмосфера взаимопонимания.

Гостей было трое — пожилой, тихий мужчина и две женщины средних лет в пестрых джемперах, темноволосые, смуглые и любопытные. Мужчина молчал, видимо не все понимая в разговоре, а женщины хорошо знали по-русски и быстро вступили в оживленное общение с учительницей.

— Да, да! — кивали они, слушая ее.

Валентина Михайловна, как обычно, давала положительную характеристику классу: дружный, способный, на втором месте в школьных соревнованиях по спорту, участвует в олимпиаде по физике, а через три дня, когда окончатся уроки, весь бывший седьмой, как один, всем коллективом, отправится на практику (наш метод воспитания — труд!): мальчики — на завод, а девочки — в цветочное хозяйство Ве-Де-Эн-Ха.

— Да, да! — кивали иностранные гости.

— Да-а? — вопросительно протянула одна, услышав «Ве-Де-Эн-Ха».

— Выставка достижений народного хозяйства, — жизнерадостно расшифровала Валентина Михайловна. — Возможно, многие девочки в результате практики в цветочном хозяйстве изберут профессию цветоводов. Красивая профессия — украшать землю цветами, правда? — Валентина Михайловна любила произносить трогательные слова.

Одна гостья, с тонким лицом мадонны и блестящими черными, низко опущенными вдоль щек волосами, притронулась к локтю учительницы:

— У нас в стране есть Долина Роз. Вы идете, идете и видите красные, желтые, белые розы... черные розы...

Валентина Михайловна покачала головой:

— Чудеса!

Наступила короткая пауза.

— Варька, сейчас тебя будут показывать, — шепнула Варина подружка по парте.

Действительно, Валентина Михайловна, кашлянув для торжественности, позвала:

— Теперь, Варя Лыкова, выйди сюда.

Пока Варя шла между партами к доске, гости дружелюбно ее рассматривали, а та, у которой гладкие черные волосы были низко начесаны на щеки, с улыбкой сказала:

— Мы, болгары, очень сердечно, всей душой любим советские и русские люди!

— Всей душой! — подтвердила вторая болгарка, горбоносая, с темным влажным взглядом из-под темных ресниц.

— Вы из Болгарии? — вскричала Валентина Михайловна. — Что вы говорите, вы из Болгарии? Ребята, ребята! Кто, какой наш великий классик...

— Тургенев! «Накануне»! Инсаров! — завопили ребята.

— Но Тургенев не всё. Но вы даже догадаться не можете! — ахая и возбужденно терзая платочек, заговорила Валентина Михайловна. — У нас впервые болгарская делегация. Такое стечение обстоятельств! Вы не представляете! Нет, это... Вот посмотрите, вот Варя Лыкова... Слушайте, это удивительно, слушайте!

И она рассказала о Варе. Вернее, не о ней, а, как обычно, о Вариной прабабке Варваре Викентьевне, которая...

Варя привыкла, что после рассказа слушатели старались всячески ее приласкать, оказать какие-то знаки внимания.

На этот раз произошло по-другому. Случилось нечто неожиданное. Первая болгарка, с тонким лицом и блестящими черными волосами, отзывавшаяся на все активнее и быстрее других, приблизилась к Варе, оперлась ладонью ей на плечо и проникновенно сказала:

— Я много знаю о Варваре Викентьевне!

— Как? — задохнулась Варя. — Как?! — воскликнула она одновременно с учительницей.

Все замерли. Класс из тридцати учеников весь обратился в слух и внимание.

— Я знаю одного товарища, одну... которая много знает о Варваре Викентьевне, — ответила болгарка.

— Чудеса! — растерянно проговорила Валентина Михайловна.

Варя во все глаза глядела на болгарку. А она торопливо припалась что-то рассказывать своим спутникам; они кивали, улыбались и хмурились, даже тихий пожилой мужчина разговорился на своем болгарском языке, в котором слышались знакомые слова, но, в общем-то, непонятном.

— Чудеса, чудеса! — изумленно повторяла Валентина Михайловна. — До сих пор, кроме нас, никто не знал о Варваре Викентьевне! Нельзя поверить, фантастика! Я как историк не могу сразу все это переварить.

— Тоже Варя? — кивая на Варю, спросила болгарка с блестящими волосами.

— У них во всех поколениях первую дочь называют Варварой, — сказала учительница.

— Поезд уходит в шесть, — сказала болгарка. — Как жаль, что мы поздно увиделись! Только увиделись и сегодня в шесть уезжаем.

— А Хадживасилева, ай-ай! — сожалея, проговорила вторая. — Если бы мы пришли сюда, в школу, вчера!

— Если бы мы пришли вчера, Хадживасилева была бы с нами!

— Хадживасилева не знает, что есть еще одна Варя, как удивительно!

— Мы не знали, что есть еще одна Варя, — говорили болгарки, целуя и обнимая ее. — Такая встреча! Хадживасилева будет жалеть. Это она нам рассказала о прабабушке Вари, — говорили они.

Первая болгарка вынула из сумочки открытку, написала что-то на обороте и дала Варе:

— На память о нашей встрече в Москве. Шипка.

«Откуда Хадживасилева знает?» — хотела спросить Варя. Но зазвенел звонок, ребята повскакали с мест, окружили Варю.

Открытка уплыла из ее рук и пошла гулять по рукам. Открытка изображала массивную четырехугольную башню на вершине пустынной горы, с одного края которой высились зубчатые скалы. Над горой низко нависло сумрачное, серое небо, дымясь облаками; края облаков цеплялись за башню. Это был памятник воинам русско-турецкой войны и болгарским дружинникам, погибшим на Шипке. Что-то торжественное, величаво одинокое было в пустынности неба и Шипки.

— На туру похожа, — сказал один мальчик, Витька Шустиков. — Там, я читал, тучи всегда над Шипкой. Зимой снегу навалит. А турки вон откуда лезли, по крутизне, из-за скал...

В седьмом классе, где историю преподавала Валентина Михайловна, ребята знали о Шипке. Еще бы им не знать!

Дайте только освоиться, уж они найдут, о чем потолковать с болгарской делегацией!

Вернулся директор. Он освободился от своих срочных дел и намерен был продолжать демонстрацию достопримечательностей школы—кабинетов, мастерских, физкультурного зала.

Но гости утомились. Они переполнены впечатлениями, они тронуты, счастливы! Великая Россия, великая Москва! Спасибо.

А сейчас они спешат в отель «Советская» на Ленинградском проспекте. Очень спешат! Времени в обрез. Кое-как уложить чемоданы. Сегодня в восемнадцать ноль-ноль, то есть ровно в шесть вечера, болгарские гости уезжают домой, в столицу Болгарии—Софию. Жалко, что они попали в школу так поздно и одни, без Хадживасилевой Клавдии. Она уехала из Москвы, у нее другие дела, жаль! Варя было бы интересно встретиться с Клавдией.

— Как ее зовут? — переспросила Варя бледнея. Сердце рванулось и застучало испуганными толчками.

— Ее зовут Клавдия. Она приехала с нами. Она из Долины Роз, — сказала болгарка.

— Как странно! — сказала учительница, кидая на Варю исполненный величайшего изумления взгляд.

— Клавдия Хадживасилева наша видная специалистка по разведению роз, — объясняли болгарки, обнимая и целуя на прощание Варю. — До свиданья, Варя! Приезжай к нам в Болгарию! Увидишь наши виноградники, наши розы. А какие горы у нас, в кудрявых кустарниках, как волны, по всей стране! Приезжай. Приезжайте к нам, дети!

Они заспешили. Директор пошел проводить делегацию.

— У-ди-ви-тельно! — сказала Валентина Михайловна, прижимая ладони к пухлым пылающим щекам. — Она им рассказывала о твоей прабабке, и ее зовут Клавдией. Ты поняла что-нибудь?

— Нет.

— Из поколения в поколение на вашей семье лежит печать необыкновенности, — мечтательно сказала Валентина Михайловна.

— Эй ты, необыкновенная, айда до дому! — позвал Витька.

Варя не пошла. Им было по дороге с Витькой, но она с ним не пошла. Сегодня она возвращалась из школы одна.

Липы на бульваре едва раскрыли листочки. Солнце светило сбоку, поверху крыш, листочки отбрасывали на желтый песок узорчатую, как кружево, тень. Солнце кружилось в кружевной тени. Варя закинула голову. Новорожденные листочки шевелились от ветра.

На боковой дорожке двое мальчишек играли в футбол. Мяч полетел на Варю, она отбила его портфелем.

— Классно! — похвалил мальчишка.

— А ты думаешь! — сказала Варя.

Она шла, помахивая портфелем и стараясь не наступать на узорчатые отражения листьев под ногами. Походка получалась зигзагами. Со стороны это выглядело странно.

— Как она идет! Как она идет! — осуждающе сказала старая женщина, отдыхавшая с полной авоськой на скамейке под липами.

Варя не слышала. Она была рассеяна сегодня. Рассказ учительницы в классе, да еще при чужих, о прабабке Варваре Викентьевне выбил ее из колеи. Этот рассказ поднимал в ней тревогу. Какие-то смутные желания просыпались в ней. А встреча с болгарами, такая непонятная встреча! И весна на бульваре, воробьины? гвалт в липах, ветерок...

Неизвестно, лежала ли на Варе печать необыкновенности, как уверяла Валентина Михайловна, но в иные дни, как сегодня, ей безумно хотелось чего-то особенного! Стать героиней, прошуметь на весь мир! Ей мерещились необыкновенные, опасные подвиги. Она полна была неясных, бесформенных мыслей, мечты ее были туманны. Варя не могла бы точно определить, чего хочет и ждет, куда ее зовут порывы...

Но вот она увидела на перекрестке уличные часы и прибавила шаг. Дед требовал, чтобы Варя являлась к обеду минута в минуту. Дед воспитывал ее по-спартански. Варя спала на тонком, как блин, твердом, как доска, тюфячке. Беспощадный будильник поднимал ее утром задолго до школы. Она вскакивала делать зарядку и обливалась ледяной водой из-под крана. Гриппы и насморки были ей незнакомы. Она была крепкой девочкой, с ярким румянцем, золотисто-каштановой косой и серыми спокойными глазами. Она мечтала быть похожей на прабабушку

Варвару Викентьевну, чей портрет в овальной раме из красного дерева висел в комнате над старинным, из коричневой кожи диваном. Такие диваны и овальные рамы демонстрируют в краеведческих музеях как экспонаты усадебного быта прошедших столетий.

Портрет писал знаменитый художник. Прабабка была изображена совсем молодой, с высокой шеей и белыми плечами, слегка прикрытыми газовым шарфом; серебристый шелк платья падал к ногам волнами складок.

Возвращаясь из школы, Варя на секунду подходила к портрету: «Красивая! Здравствуй!»

Она не могла называть ее прабабушкой. Прабабка — эта юная нарядная девушка?! Какой нежный и задумчивый у нее взгляд! О чем она думает?

Сегодня после встречи с болгарями Варя подошла к портрету на цыпочках, чтобы никто не услышал. Поставила портфель к ногам и внимательно стала глядеть на «нее». На «нее» не надоедало смотреть. Она прекрасна! Как восхитительно, чуть заметно она улыбается уголками розовых губ! Какое-то праздничное чувство поднималось у Вари! Но за дверью раздались шаги. Дверь в комнату распахнулась, Майя толкнула ее снаружи ногой, неся из кухни горячую кастрюлю с супом.

— Идет!

Она поставила кастрюлю на стол и взбила сухие, бесцветные от перекиси волосы. Майе шел двадцать седьмой год, она была домработницей и одновременно училась в школе взрослых, которую никак не могла окончить — намерение выйти замуж отвлекало ее от учебы. Жених объявлялся внезапно, начиналась суета, приготовление приданого, назначался день свадьбы, как вдруг торжество по неизвестным причинам расстраивалось. Дня три Майя прятала набухшие от слез глаза, затем все входило в норму, о женитхе не вспоминали.

— Идет!

И из своего кабинета появился дед. Он там работал, пока Варя училась в школе. Стол в кабинете был завален журналами, справочниками, кипами бумаг, записными книжками и тетрадами. Дед писал книгу для военного издательства.

Высокий, прямой, с жесткой щеткой белых волос, жесткими белыми бровями, тщательно выбритый, дед, хотя

и в отставке, всегда был подтянут. В военной форме, в погонах с тремя крупными звездочками.

— Итак? — говорил дед, видя Варю.

Он никогда не называл ее «милочкой» или «деткой», избегая нежностей. За обедом он сообщал ей и Майе политические новости. Об Ираке и Конго и других странах на Ближнем Востоке и в Африке. О провокациях Пентагона и наглостях Уолл-стрита. О гордой и пламенной Кубе. О забастовках дворников и вагоновожатых в Брюсселе.

Дед любил героическое и был по-солдатски неприхотлив в пище, что было на руку Майе — она не увлекалась стряпней.

— Дед, — сказала Варя, выслушав его коротенький доклад о международном положении, — погляди, дед!

Она положила возле его тарелки подаренную болгаркой открытку с видом Шипки. Дед знал Шипку. И Варя знала, она ясно представляла ее, будто видела своими глазами.

Если бы вам приходилось слышать такое множество рассказов о Шипке, как Варя, вы представляли бы ее так же ясно.

Шипкинский перевал, важнейший на Балканских горах, или по-болгарски Стара-Планине, открывает путь с севера Болгарии в плодородную Фракийскую низменность, пересекавшуюся когда-то древнеримской дорогой. Древние греки и римляне, византийцы и турки владели благодатной землей. Болгары были под игом. Это в прошлом. Сейчас черная жирная фракийская почва родит для Болгарии дивные сорта винограда, сочные гранаты и бархатные персики, ароматные табаки, пьяный хмель, драгоценные масличные розы. Шипкинский перевал с севера Болгарии открывает путь к морю. Царственно высится над перевалом Шипка, пологая с одной стороны, с другой — каменная, дикая, круто обрываясь над пропастью. На Шипке не растут леса и кустарники, не бьют из-под земли прозрачные ключи, не шумит, прыгая по камням, ручей, не рыщут волки, не протрубит во время весеннего гона могучий лось, воинственно потрясая венцом из рогов. Звери опасаются открытых просторов пустой, одинокой, издали видной вершины. Днем и ночью, зимой и летом мчатся и мечутся ветры над Шипкой, свистят разбойничьим свистом. Окутывают Шипку густые туманы, разливаясь по склонам белыми реками. Качаются, плывут вниз, редуют

и рвутся там, ключьями повисая на лапах хмурых елей у подножия горы.

...Дед перевернул открытку и на обратной стороне прочитал: «Приезжай к нам в Болгарию, где мы любим дружную прекрасную Вареньку и желаем нашим детям и тебе быть такой».

— Что это значит? — спросил дед, поднимая брови.

— К нам в класс приходила делегация из Болгарии.

— Ну? Что они тут пишут? О ком?

Варя повернула голову к портрету в овальной раме:

— О ней.

Дед положил ложку и некоторое время молча смотрел на Варю.

— Ты не того? — спросил он наконец, постучав себя пальцем в лоб.

— Они всё о ней знают. Им рассказывала Клавдия.

— Кто-о-о?

— Дед! — с испугом воскликнула Варя. — Что ты, дед? Ты думаешь... Они сказали: Клавдия Хадживасилева... Разве... Та была Клавдия Климанова... Разве... Та — Клавдия Климанова. Де-душка! — жалобно пискнула Варя.

Она пугалась, когда на него накатывал гнев. Ни разу в жизни дед не тронул ее пальцем, но она едва усидела на стуле, так тянуло ее нырнуть от страха под стол.

— Они называли ее Клавдией?

— Да.

— Ты не спросила, откуда она?

— Я не успела!

— Она не успела!!!

— Не догадалась.

— Ты забыла, что... что...

— Да-а. Не-ет. Та Климанова...

— А ты болванова, ты обезьянова, ты...

Майя громко прыснула в руку, но, поймав грозный, как молния, взгляд деда, мгновенно опомнилась и низко пригнулась к столу.

— Где они сейчас?

— Кто — они? Ах, они! В гостинице «Советская». Сегодня в шесть они уезжают домой, в Софию.

Все трое — Варя, Майя и дед — посмотрели на часы. Стежкие часы в высоком деревянном футляре с медным медленным маятником показывали половину четвертого.

Дед вытер бумажной салфеткой рот, с шумом отодвинул стул.

— Плащ? — выскакивая из-за стола, радостно воскликнула Майя.

Она обожала чрезвычайные происшествия. В одну секунду она притащила из передней плащ и, держа за плечи, подавала деду.

— Я с тобой? — виновато спросила Варя.

Он, не ответив, ушел.

— Наделала делов! Бестолковая ты какая-то все-таки! — с участливым удивлением сказала Майя. — Кашу есть будешь?

— Ну тебя с кашей! Майя, вдруг... если это она?

— Опомнилась! Тогда и надо бы думать.

— Меня сбило... та была ведь Климановой.

— Здрате! Что она, замуж не могла выйти за этого...

Хаджи?

— Замуж! Майя, но ведь ты знаешь...

— Мало что знаю! Спросить делегацию можно бы? От спросу, милая моя, язык не отсохнет... Не станешь есть кашу? Сорвали обед! — Майя собрала со стола и, толкнув дверь ногой, унесла посуду на кухню.

Варя села на диван и стала себя казнить.

Так свалить дурака! Так свалить! Ведь верно, не отсох бы от спросу язык! Почему она не сообразила спросить? Но, с другой стороны, а Валентина Михайловна сообразила? Тоже ведь нет. Слишком все это быстро случилось. Они не успели среагировать. Ну, что делать! Ну, они сплеховали с Валентиной Михайловной. Дед, ты разыщешь в «Советской» болгарскую делегацию. В крайнем случае поймашь их на вокзале.

И вдруг окажется, она — та самая Клавдия! Если б та самая! Если бы Варя сама догадалась спросить у болгар, сама разузнала бы, примчалась из школы, заорала на весь дом: «Дед! Что я знаю! Угадай!»

У нее защипало в горле. Представьте, отчего-то ей стало жаль деда. Знал бы начальник разведки штаба — эта пигалица жалеет его, он бы ей прописал! Ее не было на свете, когда он, дед, был начальником разведки, его разведчики добывали «языка» у фашистов, разведывали планы противника. А в гражданскую он носился по кубанским степям в кавалерийском красном эскадроне, рубил «беляков».

Это теперь Варя с дедом мирно поживают в районе Покровских ворот, а вообще-то дед вояка, солдат! Защищать родину от беляков и фашистов — вот его дело! Это теперь они мирно поживают втроем — дед, Варя и Майя! Впрочем, Майя неверная опора: каждый месяц грозитя их бросить. Они ей надоели. Опротивело ей быть домработницей! Что в наши дни домработница? Неполноценная личность. Возись с кастрюлями, стой у плиты.

Майя сунула на кухне куда попало посуду, навела красоту и явилась показываться Варю:

— Варвара, оценивай!

Прическа у Майи в виде высочепной копны; широчайшая юбка из цветастого ситца.

— Шик, модерн! Обожаю! Только и радости — новое платье сошьешь да наденешь. Смываюсь на танцы. Варя! В случае, деду чай вскипяти. В случае, не ждите, ключ со мной. Приветик, всего!

В передней захлопнулась дверь.

Пора бы деду вернуться. Вдруг вернется ни с чем? Дед, не горюй! Не все потеряно, дед! Клавдия Хадживасилева известная в Болгарии специалистка по разведению роз. Разве нельзя узнать болгарский адрес Клавдии Хадживасилевой? Послать письмо...

А на улице летний, правда холодноватый еще, недушный, но настоящий летний вечер! Все лили дожди, все было холодно, неудобно. Вдруг в один день дожди кончились, и пожаловало лето. Варя открыла окно, легла на подоконник. С третьего этажа забавно глядеть вниз, на улицу.

Идут люди. Приумылись, приоделись после работы и идут на бульвары. Или в кино. Бежит девушка с высокой копной на голове, как у Майи, в ситцевой юбке. Юбка колыхнется. Каблучки-гвоздики стук-стук по асфальту. Лениво, вразвалку шагают двое парней. Черные рубашки без галстуков. Последний крик моды.

А за спиной у Вари, у стены, в деревянном футляре, качается и качается медный медленный маятник, и часовая стрелка подползает к восьми.

Она здорово уже начала беспокоиться, когда различила среди прохожих па улице деда. Он шел быстро, с развернутой по-военному грудью. Шел быстро и строго.

Варя сорвалась с подоконника, вылетела на лестничную площадку. Шаги по лестнице. Дед легко поднялся

на третий этаж. И странно — поцеловал Варю в лоб! Он редко ее целовал. Она растерялась. Что-то произошло чрезвычайное! Что-то...

— Собирайся, — сказал дед. — Билеты в кармане. Едем в Привольное.

— В Привольное?!

— Два полотенца, две зубные щетки, мыло. Ничего лишнего. Быстро!

— Есть быстро!

Ровно через десять минут Варя в полном снаряжении ожидала деда у двери: новенькое желтое платье, весеннее голубое пальтишко, рюкзак.

Со стены из овальной рамы глядит «она» нежным, задумчивым взглядом.

— До свиданья, — сказала Варя. — Ты понимаешь, зачем мы едем в Привольное? Жди нас.

Дед написал Майе записку. Они заперли дом и ушли.

3

Дед молчал. Варя тоже помалкивала. Так они молча приехали на Казанский. Люди толкались, бежали с чемоданами и сумками. Была суэта, как всегда на вокзалах, гул голосов, дневные лампы лили безжизненный свет.

Поезд дальнего следования был уже подап, в окнах вагонов виднелись первые пассажиры, устраивающие чемоданы на верхних полках, готовясь в не маленький путь. У подножек вагонов толпились провожающие.

— Прибудешь на место, телеграмму отбей!

— Здоровье, Павлуша, береги, слышишь, здоровье!

— Аллочка, в пакете на дорогу яички крутые!

Неожиданно Варя увидела поспешно идущую вдоль поезда учительницу Валентину Михайловну в синем берете.

— А я жду, а я беспокоюсь! — встревоженно кричала учительница.

— Напрасно, напрасно, — отрывисто бормотнул дед.

— Как — напрасно? Как же напрасно? Арсений Сергеевич, желаю удачи! Варя, а я из школы вернулась и будто прозрела! Такое совпадение, такое удивительное, может ли быть? Мигом в метро — и в «Советскую» на Ленинградский проспект. Только их разыскала, а тут и Арсений Сергеевич подоспел... Варя, отпускаю тебя на свой страх и риск за три

дня до окончания школы. Директора сейчас не найти, беру на себя, на свой риск... А Клавдия-то, Клавдия, можешь представить!..

— Поезд номер... Москва—Ташкент отправляется...

Шум и суета возле вагонов усилились.

— До свиданья! Благодарю, — сказал дед, церемонно целуя Валентине Михайловне руку.

— Что вы! Что вы! — радостно загорелась она. — Ведь это исключительный для историка случай! Если в вашу семью возвратится... Ведь это же документ сердца, живой голос истории... ведь для вашей летописи как это важно!

Дед нагнулся, снова молча поцеловал полненькую ручку Валентины Михайловны.

— А какая для школы находка! — кричала Валентина Михайловна, идя рядом с вагоном, когда поезд тронулся, сначала медленно, потом быстрее, шибче: стучу-стучу, чу-чу, чу-чу-чу... — Замечательная для школы находка, для нашего исторического кружка! Ты там слушай, Варя, запоминай да записывай... Да копию, Варя, сними для кружка!.. Не опаздывай на практику, Ва-а-ря!

Вокзал остался позади, давно уже не видно учительницы в синем берете. Мимо окон вагона бежали пятиэтажные розовые здания, склады, пакгаузы, автобусные парки, пробежала деревянная, с навесом платформа Сортировочной, и пошли мелькать дачные поселки, цветные абажуры террас, сады, темные сосны, и пахло в окна сыростью, свежестью, ароматом весеннего подмосковного вечера.

— Симпатична, но слишком восторженна, — сказал дед. — Ну-с, прибываем завтра утром в шесть тридцать. В нашем расписании нормальная ночь.

Попутчиками по купе оказались старики: муж и жена, любезные и очень общительные. В первые же минуты после отправления поезда выяснилось, что старики едут в Ташкент, гостить к сыну, известному хирургу, чуть ли не с мировым именем, что жена сына тоже ученая, тоже известная и премилая, но бездетная. Все хорошо, лучше не надо, а вот внуков нет и, как хотите, неполная жизнь, пустота какая-то...

— Гм! — неопределенно отозвался дед.

— Димочка, съешь пирожок, — сказала старушка. — Хочешь с грибами или с капусткой? Ветчинка есть. Хочешь, баночку компота откроем? Ехать нам, е-ха-ать! Девочка, хочешь пирожок? А вы, товарищ военный?

— Благодарю, на ночь не ем.

Поезд мерно покачивал вагоны: сту-тчу, тчу-чу... За окном на бледном небе летели бледные звезды. Лес подступил, встал вдоль путей, и июньская ночь потемнела. Поезд мчится сквозь черный туннель леса, длинный-длинный туннель, черный-черный.

Пока старики ужинали, Варя стояла у окна в коридоре. Лес отошел. Снова открылось бледное звездное небо с оранжевой полосой вдаль на горизонте — зарево огней Москвы. До свиданья, Москва! Едем в Привольное, мамин Привольное на Оке, мы едем, мы едем, мне интересно, я рада, я люблю деда! Вон он сидит в купе, прислонившись затылком к спинке скамьи, прямой, как линейка, с закрытыми глазами...

Старики окопчили ужин, убрали продукты в большую суму, аккуратно смахнули в газету крошки со столика.

— Димочка, как ты полезешь на верхнюю полку? Как им не совестно, всучили билетик... Димочка, не упасть бы! Дед открыл глаза:

— Можете располагаться внизу.

— Спасибо, а вы? А вы как же? Девочка всё же... Неловко...

— Ничего, мы привыкли. Мы по-солдатски. Варвара, занимай верхнюю полку.

— Есть занять верхнюю полку!

— Мы вам так благодарны... Так любезно... Димочка, ты слышишь, как любезно! Все хорошо, Димочка, лучше не надо...

Старики улеглись. Варя и дед тоже улеглись наверху.

Погасили электричество. Только глядит фиолетовым глазом ночник, разливая таинственный свет. Тихо. Сон пришел. Ночь.

Стчу-тчу, чу-чу... Варю покачивает на верхней полке. Фиолетовый глаз глядит на нее с потолка. Колеса стучат. Ты помнишь, ты помнишь, ты помнишь... Много лет назад, помнишь, твоя мама ехала так же в село Привольное на Оке. Так же глядел с потолка фиолетовый глаз...

Нет, все было не так.

Варя не помнит, не может помнить. Тогда ее и на свете еще не было. А мама ее была сама школьницей, десятиклассницей, шестнадцати лет, отрядной пионервожатой.

Варя не помнит, а знает! Подробно, будто не мама, а она была пионервожатой, которую послали провожать из Москвы школьный интернат в эвакуацию. Состав, переполненный школьниками, собирался, готовился, маневрировал, перегонялся с пути на путь, так долго, все отчаялись: не отправят! Настала ночь, дети не слышали, как поезд наконец пошел. Дети спали. На полках, на полу и узлах. Фиолетовый глаз ночника призрачным светом освещал сонный вагон. Пионервожатая одна дежурила в вагоне. В эту первую ночь ее оставили одну на целый вагон, потому что была неразбериха, все падали с ног от усталости, в ушах стоял плач матерей. Все потеряли надежду, что состав с детьми увезут от бомбежек, от сегодняшнего налета. Неужели тронулись все-таки? Тронулись. Едем. Что впереди?..

Пионервожатой было тоскливо. Ее никто не провожал. Ее отец, Варин дед, ушел на фронт, а матери у нее не было.

«Если я не вернусь, — сказал пионервожатой отец, Варин дед Арсений Сергеевич, — спеси мужественно. Многие не вернутся с этой войны. Живи честно и бескорыстно и храни эту тетрадь, здесь Записки... Никогда и нигде не роняй нашу честь, а наоборот, умножай своими поступками!»

Так простился дед со своей единственной дочерью, пропзнеся ей в напутствие небольшую, довольно старомодную речь. Он редко выражался возвышенно, только в случаях крайне сильных волнений.

Он уехал на фронт, а его дочь, пионервожатая, — в село Привольное, в Рязанскую область.

Она ничего не взяла с собой, уходя из отчего дома. Она была еще очень юна и не обладала житейской практичностью. Задернула на окнах занавески, закрыла простыней портрет в овальной раме. Прощай, детство!

За плечом—вещевой мешок с двумя сменами белья, парой обуви, шерстяными носками. На дне мешка — завернутая в платье тетрадь в переплете из красного сафьяна.

«Говорят, я стала скучна. Нет тех красок в лице, того блеска в глазах... Душевная тревога меня съедает. Где смысл моей жизни? Зачем я живу? Затем, чтобы, встав поутру, дожидаться наступления обеда, привычных встреч, музицирования или обычного ничегонеделания? Что со мной, что со мной? Дни мне кажутся пустыней. Не с того ли часа я мучаюсь вопросом о смысле и назначении жизни, когда Сергей под великой тайной признался, что отклонил благосклонность влиятельного лица, а с тем вместе и протекцию избежать действующей армии?»

Сергей отверг покровительство и вытекающие из него привилегии. Ты прав, Сергей, ты послушался стремления сердца. Благородство и честь — защищать от насилия слабых! Всегда бороться с насилием, везде! Ты прав, Сергей, прав!.. Он уехал, а я вспоминаю, я горжусь им! И может быть...»

Так начинались эти Записки, которые пионервожатая спрятала между прочими вещами в мешке, уезжая с интернатом от бомбежек Москвы летом 1941 года.

Ребята спали. Пионервожатая ходила вдоль вагона, от полки к полке, поправляя разметавшиеся руки и ноги детей. В свете фиолетовых лампочек лица детей казались большими. Вагон трясло и бросало. Дети стонали во сне.

— Мама! — позвал мальчик.

— Я здесь, — сказала пионервожатая. Прижалась щекой к теплой щеке мальчика. Он мирно чмокнул губами.

«Благородство и честь—защищать от насилия слабых».

Вожатая одна бодрствовала в вагоне. В других вагонах бодрствовали другие вожатые и учительницы из разных школ и интернатов.

В Коломне поезд остановился. Пионервожатая вышла на площадку вагона. На соседнюю площадку вышла из другого вагона учительница.

— Как тихо! — шепотом сказали они друг другу.

Было неестественно тихо. Зловеще. Станция не освеща-

лась. Станционные здания были темны, будто все вокруг вымерло. Смазчик в черной куртке, с черным от копоти и масла лицом, сверкая белками глаз, осматривал колеса. Негромко постукивал молотком. Прошагали двое патрулей с винтовками и красными повязками на рукавах. Долго слышался стук шагов.

На стене вокзала висел плакат. «Смерть фашистам!» — было видно на плакате в свете луны.

— Как тихо! Ты боишься? — спросила учительница.

— Нет.

— Только не бойся!

В ту же секунду радио отчетливо, странно спокойно сказала:

— Граждане, воздушная тревога.

Тонко завывла сирена.

— Идут, — сказал смазчик.

В польском, без единого облака, синем от луны небе шли фашистские самолеты. Они шли строй за строем, наполняя все небо гулом.

— На Москву, — сказал смазчик. — Не вовремя остановились здесь с ребяташками! Как на ладони весь состав.

Он, пригибаясь, побежал вдоль поезда.

— Слушай, — сказала пионервожатой учительница, — ты не буди детей, все равно не успеем. Ты не бойся.

— Я не боюсь, — ответила пионервожатая.

Она вернулась в вагон. Окна были закрыты. Было душно, пот крупными каплями выступил у нее на лбу. Фиолетовый глаз недобро светил с потолка призрачным светом. У нее дрожали от слабости ноги.

Мальчик застал во сне. Она нагнулась. Прижалась щекой к его тепленькой щечке. Судорожно обняла его сонное тельце, прильнула, словно хотела спастись.

— Мама!

— Я здесь.

Как его зовут? Спи, мальчик, спи. Лучше не просыпайся, мальчик. Если они не сбросят сейчас на нас бомбу, если мы не погибнем, клянусь, даю святую пионерскую клятву...

Варя, шумно вздохнув, перевернулась на полке. Всякий раз, когда она добиралась до этого места, ей хотелось реветь...

Дед приподнялся, оперся на локоть.

— Ты что, Варя?

— Ничего. А ты? Дед, отчего ты не спишь?

— Обидно, если мы не застанем Клавдию. Она могла приехать в Привольное на один день и уехать.

— Зачем ей в Привольное?

— Край детства.

— Ты уверен, что это она?

— Она.

— Дед, если мы не застанем Клавдию, теперь-то уж мы разыщем ее. Пара пустяков теперь ее разыскать! Привольное красиво?

— Увидишь.

— Покойной ночи, дед! Пожалуйста, постарайся заснуть.

— Постараюсь. Спасибо.

Ночь. Колеса стучат. Стучу-тчу, чу-чу... Спите спокойно, люди добрые, спите. Стчу-тчу...

4

Поезд постоял у станции с минуту, гуднул низким басом и застучал колесами дальше. Несколько колхозников и местных районных деятелей с портфелями, сошедших на станции, быстро рассеялись. На платформе остались высокий военный в плаще и безукоризненно отглаженных брюках, ничуть не смятых в дороге, и девочка в голубом пальто и желтом платье, с полупустым рюкзаком на спине.

— Итак? — сказал военный.

Сейчас, ранним утром, на незнакомой станции, он был немного смущен внезапностью и слишком быстрым темпом путешествия.

— Итак?

— Что ты теперь собираешься делать? — спросила Варя, оглядываясь.

— Раздобыть машину или другой экипаж и следовать по назначению. Тебе улыбается, скажем, «Волга»? Или ты не пренебрежешь и телегой, запряженной сивой кобылой?

— Не пренебрегу и пешком.

— Неплохо, будь десятка на два поменьше годочков. Поищем-ка транспорт.

Он направился своей решительной военной походкой к станционному зданию. Это было каменное здание дореволюционной прочной кладки, приземистого, тяжелого стиля. Невольно хотелось пригнуть голову, входя в его низкие двери. По обе стороны станционного здания стояло по ларьку, набитому дешевеньким, невзрачным товаром; позади, прячась до крыш в жасминовых и сиреневых зарослях, расположились флигели служащих, сараи, сараюшки, погреба, колодец, поленницы дров; дальше шел луг, весь облитый росой, сверкающий тысячами серебряных капель; еще дальше дубовый, недавно одевшийся лес. Все это — жасмины, сирени, луг, лес — звучало, звенело. Отовсюду летели щebet и свист. Звонкое, удивленное какое-то кукование доносилось из леса. В кустах шумно возились воробы. Петух на плетне, с великолепным, как разноцветное опахало, хвостом, упоенно и гордо пробовал свой петушиный, неотразимый для куриного населения голос.

— Ах, — сказала Варя, — как здесь весело! Здесь хочется пожить.

Немного спустя в низких станционных дверях показался дед и поманил ее пальцем.

— По щучьему велению, по моему хотению машина подана!

И правда, позади станции Варя увидела «газик». Квадратный, с брезентовым верхом, с ярким лазоревым кузовом! Молодой человек в соломенной шляпе тер тряпкой запыленное смотровое стекло. При виде Вари он бросил тряпку под переднее сиденье.

— Живо! Заждались!

Он был высок, тощ, в высоких сапогах и синей прорезиненной куртке на «молнии», с накладными карманами, очень эффектной.

— Бегом, пионер!

Это относится к Вале? Никого, кроме нее, в красном галстуке возле не видно.

Она хохотнула, развеселившись еще больше, и бегом подбежала к машине. Он влез в машину, включил мотор. Машина крупно задрожала, готовая ринуться в путь.

— Повезло, — сказал Вале дед. — Случайно оказался на станции товарищ агроном из колхоза «Привольное». Двадцать километров мы с тобой, пожалуй, до вечера прошагали бы.

— Двадцать пять. Занимайте места, — сказал агроном.

Они заняли места: Варю пропустили на заднее сиденье, дед сел рядом с агрономом. Дверца захлопнулась, и, ныряя в ухабах, гремя в задке кузова чем-то железным, вздымая позади курчавые клубы белой пыли, «газик» покатиł в Привольное.

— Ближней дорогой поедем, — сказал агроном.

— Знаешь, зачем он был к поезду? — сказал Вале дед. — Какие-то сверхредкие семена гороха с этим поездом товарищ прислал. Горох какой-то сверхредкий.

Агроном промолчал.

— В пакете два десятка горошин, — сказал дед.

Агроном молчал.

— Двадцать пять километров сюда, двадцать пять обратно. Из-за двадцати горошин, — повторил дед, явно желая втянуть его в разговор.

Он все молчал.

Дед искоса на него поглядел, обиженно кашлянул и насупился.

— От самой Москвы всё удачи, а у цели возьмет да сорвется, — после паузы в задумчивости самому себе сказал дед.

Агроном и сейчас не откликнулся. Он до странности не проявил интереса к приезжим.

Они въехали в лес. Дубы стояли в нем редко и высоко под широкими сводами крон. Толстым ковром лежали на земле прошлогодние ржавые листья, от рыжины рябило в глазах. Тонкие прутья подлеска, спрятанные от солнца крошечки дубов, едва начинали пушиться.

— Просторно в лесу, по-весеннему, — сказал дед.

— Гм! — неопределенно отозвался агроном.

Дед внимательно на него поглядел, слегка улыбнулся и продолжал:

— Славный лесок. Привольновский?

- Что? Гм... кажется.
- Понятно, — усмехнулся дед. — Не местный.
- Кто?
- Вы... Приезжий?
- Приезжий.
- Со студенческой скамьи?
- Д-д-да.
- Давно?
- Гм... первый год.
- Точнее — первую весну. Точнее — нет месяца.
- Кто вам сказал? — удивился агроном.
- Вижу. Бычитесь. В себе не уверены.
- Еще чего! — сердито вспыхнул агроном.
- Вон и загореть не успели. Ленинградец?

Агроном кулаком столкнул шляпу со лба назад и озадаченно уставился на деда. Впрочем, не дольше секунды — «газик» вильнул. Он миг его выправил. Осторожно нагнулся к рулю. Некоторое время вел молча.

- А водите хорошо.
- Кто вам сказал, что ленинградец?

Дед довольно усмехнулся:

- Немного паблюдательности, немного догадки, немного чутья.
- Ну, а мы кто? А мы? — спрашивала Варя, подпрыгивая на заднем сиденье.

Она подпрыгивала от толчков, радости и необыкновенности этого утра, этой поездки в брезентовом «газике» по деревенским дорогам. При каждом толчке она едва не тыкалась носом агроному в плечо. Железный бидон, гремя, катался у нее под ногами, она с ним сражалась, стараясь отпихнуть. Ухаб. Впиз! Вверх!

- А мы кто? Ну? Немного догадки...

— Куртка выдала, — сказал агроном. — Ленинградец, верно, и не загорел еще, верно...

«Газик» вылетел из дубового леса и спустился в низину. Дорога, развороченная грузовиками, стала труднее, почти непроезжей. В глубоких колеях стояла жидкая грязь. Чавкала под колесами, летела ошметками в стороны. Вдруг забьет, как из шланга, фонтаном. «Газик», напрягая силы, кричтел.

- Черт, забуксуешь, чтоб ему!.. — выругался агроном. — Извините.

— Ничего, — сказал дед.

Пока «газик» выбирался из грязевой лужи в полметра глубины, полкилометра длины, они напряженно молчали. Такого грязевого разлива Варя еще не видала! Выбрались. Обошлось без буксовки.

Агроном остановил машину, выскочил поглядеть, что стало с кузовом. Что стало с лазоревым кузовом! Где небесная его голубизна!

— Надо было в объезд, — сказал агроном, надвинул шляпу на лоб, влез в машину и погнал как сумасшедший по ровненькой, словно катком выкатанной, зеленой равнинке. Такой чистенькой, гладкой, будто и не было только что чавкающей топкой низины позади.

— Немного наб-лю-да-тель-но-сти! — напевала Варя.

— Удивляюсь, что в дачах? — сказал агроном. — Чепуха на постном масле!

Вот что, он их принял за дачников!

Среди дачников встречаются плохие и хорошие, умные и неумные, ничем не знаменитые и выдающиеся люди, но агроном из колхоза «Привольное» к дачникам как таковым относился со скукой. Пусть это был предрассудок, агроном пренебрегал данной категорией советских граждан. Он считал их какими-то ненастоящими гражданами, прозябателями. Извините, конечно...

— Дана задача, — сказал дед, — двое граждан в летнюю пору приезжают из Москвы в живописное село на Оке. Зачем? Решение первое — дачники. Классический пример шаблонного мышления.

— Отпадает? — спросил агроном, столкнув со лба шляпу назад.

— Ох, и хочется знать, зачем двое граждан приехали из Москвы в живописное село на Оке! Не на дачу — зачем же? Зачем же? Зачем же? — дразнила Варя, веселясь и прыгая на заднем сиденье.

— Зачем же? — равнодушным топом повторил агроном.

— О Клавдии Климановой слышали? Вот вам!

Он так круто обернулся, что Варя едва успела откинуться на заднюю спинку. Машина вильнула. Он едва не свалил машину в канаву, только его водительская квалификация спасла их от аварии.

— Едем к Климановой Клавдии, да, — сказала Варя.

Он рванул тормоз. Машина стала. Он сдвинул шляпу на лоб, оперся локтями на руль и изумленно деду:

— Фантастика?

— Не фантастика. Мы едем к Климановой Клавдии, — сказал дед.

Хорошо жилось до войны в селе Привольном Климановым! Справный был дом, залюбуешься. И что редко, что в наше время почти исключительно — вся семья вместе, никто не убежал из колхоза.

Бегут из разоренных колхозов. В Привольном перед войной колхоз жил небедно. Во владении богатейшие заливные луга. Пашни близкие. Скотина ухоженная. Председатель не вор, не дурак. И не пьяница. Оттого и колхозники жили с достатком.

И Климановы жили ладно и дружно, крепкой, работающей семьей. Отец работал конюхом. Когда в двадцать девятом в Привольном обобществляли хозяйства, свою животину на колхозный двор свел, так и остался при конях. Спросите любого, никто не скажет о Климанове худо. Обыкновенный колхозник, речей не умел говорить, наград и отличий за трудовую жизнь не добился — работал на совесть, только и всего. А это много — работать на совесть! Если бы все-то на совесть работали! И еще — плохого людям не делал. Не любил делать людям плохое.

О сыновьях тоже худо не скажешь. Сыновья росли трезвые. Отца и мать уважали. Правда, люди говорят: «Женятся — переменяются». Но это когда-то... А пока холостые, ребята не стремились покинуть отцов дом в Привольном. Один после армии работал механиком в тракторном парке, другой — учеником кузнеца.

А радостью дома, баловницей, общей любимицей была дочка Клавдия! Клавдюшка! Хохотунья, певунья, танцовка. Но главное не в том, что танцовка, а что в весну перед войной окончила районную десятилетку по признанию педагогического совета отлично. Отличницу собирались провозжать в институт, в Московскую имени Тимирязева сельскохозяйственную академию. Учителя предсказывали Клавдии победу в науке. Учителя — фантазеры: «Вот такой-то мой ученик или такая-то ученица — будущая звезда и талант — совершит что-то из ряда вон выходящее,

и моя педагогическая деятельность осветится особым, возвышенным смыслом...»

Клавдия не успела отличиться в науках. Началась война. Отца и сыновей Климановых взяли в армию в первые дни. Позже и Клавдия ушла добровольно на фронт.

Агроном нажал на педаль, «газик» взревел. Агроном обращался с ним без церемоний. Но с доверием. И «газик» его не подводил. Он мягко бежал луговой дорожкой. Луг сверкал и искрился от еще не просохшей росы...

— Откуда я про Климановых знаю? — гоия машину луговой дорожкой, продолжал агроном. — Откуда я знаю? Зайдите в наш клуб... Спокойно, не дрейфить, Малыш! Нормально, Малыш!

Последние слова относились к машине. Дубовый лес, и низина, и миленькая луговая дорожка давно позади. «Газик» осиливал гору, довольно крутую гору, и весь вздрагивал, тяжело и натужно дыша. Человек за рулем подался вперед, весь тоже напрягся, капелька пота стекала у него по щеке. Дед глядел на него, на его сжатый рот.

«Газик» взял гору. Агроном ослабил руки на руле, отдышал, распутив плечи.

— Классически водите, хотя и недавно, — сказал дед. — Отец водитель?

— И это угадано, — покорным тоном согласился, словно сдался, агроном. — Водитель. На самосвале. На стройке. А я по сельскому хозяйству. Случайно.

— Семена гороха с поездом тоже случайно?

— То для опыта... Стипендию отработаю, там поглядим. А может, увлекусь.

— А вы уже увлеклись! А вы уже увлеклись! — хлопая в ладоши, кричала Варя.

Ей очень хотелось, чтобы он увлекся, вырастил рекордные урожаи своего сверхсобого гороха, прославил Привольное... Незаметно они отмахали двадцать пять километров. Нырнули в овраг, поднялись, пересекли празднично зеленеющее молодыми всходами поле, над которым громко ликовали хоры утренних жаворочков, и глазам открылось Привольное. Оно вытянулось километра на два вдоль Оки. На той стороне, на высоком берегу, стеной стоял сосновый мачтовый лес.

— Вот что здесь, какой Шишкин! — сказал агроном. — И Левитана найдете. А импрессионизм? На каждом шагу!

— Скажите пожалуйста! — покачал головой дед и поглядел на него с любопытством.

«Газик» вбежал в село, остановился против проулка с яблоневыми, белыми от цвета садами позади изб.

— Приехали, — сказал агроном. — Третья по счету изба-пятистенка — бывший климановский дом. Откуда я знаю? Интересовался Климаповыми, поскольку в клубе у пас... Теперь правление колхоза старейшую колхозную докторшу Авдотью Петровну тут поселило... А что Клавдия вернулась... не знаю. На фантастику смахивает. Правда, я больше в полях... На селе-то, если не вымысел, наверно, слышали. В правление скатаю, вернусь за информацией. До встречи! Пока!

Он приподнял шляпу. Малыш его фыркнул газом и умчался.

— Итак? — сказал дед.

Дед волновался. Варя поправила рюкзак на спине и ободряюще сказала:

— Пошли!

В проулке было безлюдно и тихо. Только пели где-то во дворах петухи. Третья по счету изба-пятистенка под красной железной крышей выходила крыльчком в палисадник с живой изгородью из акации. Длинные рябилки стояли под окнами. Варя и дед поднялись на крыльцо, дед постучал. Никто не ответил.

— Дед, ты не видел ее никогда?

— Нет.

— Как же мы узнаем ее?

— Узнаем уж как-нибудь.

Дед толкнул дверь, они вошли в просторную комнату с большой русской печью в правом заднем углу. Вдоль передней стены, как в крестьянских избах, тянулась широкая лавка, перед лавкой — непакрытый, чисто вымытый стол. Варя не успела как следует оглядеть обстановку, из соседней комнаты раздался голос: «Кто там?» — и на пороге появилась моложавая миловидная женщина с пучком светлых мягких волос, вся легкая, светлая.

— Вам кого? — спросила она деда.

Перевела взгляд на Варю и вдруг схватилась рукой за

косяк, отшатнулась, словно ужасно удивилась чему-то. Словно перед ней привидение.

— Варя! — отчаянным голосом вскрикнула женщина. — Варя!!

5

— Вы меня не знаете! Я вас никогда не встречала! Первый раз вижу! — отчего-то вся замирая, сказала Варя.

Откуда эта незнакомая женщина может знать ее имя?.. Незнакомая женщина, испугавшаяся так, словно перед ней привидение!

— Я верно Варя, но вы... Я первый раз в Привольном. Я вас первый раз вижу.

Дед отстранил Варю, вышел вперед.

— Вы Клавдия Климашова. Мы к вам приехали.

Она вскрикнула, подняла ладони к лицу и опустилась на лавку, упала головой на стол. Заплакала громко, со всхлипами. Шпилька выпала у нее из пучка, волосы светлой гривой рассыпались по плечам. Дед подошел к столу, нагнулся, тронул ее плечо:

— Слушайте, гм... успокойтесь, Клавдия, гм... Вы испугались? Неожиданно, да... Она Варя. Она третья Варя. Та была вторая, вы знаете. А эта третья. Они похожи, она почти копия. Успокойтесь. Ну? Дать воды?

Варя подбежала к печке, зачерпнула ковшом из ведра. Клавдия подняла голову, щеки ее были мокры от слез, и глаза, мокрые и светлые, изумленно не отрывались от Вари. Вскочила, взяла у Вари ковш, поставила на стол, наполовину расплескав воду, схватила ее за руки, вглядываясь в лицо, узпавая все больше.

— То лицо, та улыбка! Вся та! Юность моя в родной моей отцовской избе! В России!

Она снова заплакала, громко всхлипывая. Плакала, утирала ладонями щеки и глаза. Улыбалась. Говорила. И все утирала щеки.

— Надо же, сегодня приехали! А завтра меня уже и нет. Ах батюшки, если бы на денек припоздали, так и не встретились бы! Вы Варин отец. Второй Вари... Так я вас и рисовала себе. Несгорбленный. Ах, и удивление же! Ах, что же вы стоите? Садитесь, часм вас напою!

Она кипулась к печке ставить самовар. Варя и дед сели на лавку. Варя наблюдала за Клавдией. Все в ней привлекало — голос, быстрая походка, лицо. Она то уходила к печке, то возвращалась. То смеялась, глядя на Варю, то всхлипывала, а Варя краешком глаза разглядывала обстановку. У задней стены стояла книжная полка, к ней прислонилась изголовьем старенькая кушетка с иссеченной от ветхости атласной обивкой. Висячий посудный шкафчик, вышитое красным и черным крестом полотенце на зеркале. Изба и не изба — всего вперемежку.

Будто сошедший со страниц сказки Братьев Гримм, бесшумно явился зеленоглазый дымчатый кот и сел посреди пола. Зажмурил глаза — две длинные черточки, искоса, протянулись от носа.

Старейшая докторша Авдотья Петровна принимала в сельской амбулатории, Клавдия была одна дома. Да кот с зелеными черточками глаз.

— Вчера подъезжаем к Привольному, — возбужденно говорила Клавдия, — я у въезда сошла. «Поезжайте вперед, оставьте меня!» — говорю, а сама чувствую — обессилела вдруг, так обессилела, села при дороге, не могу идти, да и все! Раньше прясла стояли у въезда. Когда отца с братьями на войну провожала, тут, возле прясел, простились. И я, когда уходила, мать, помню, улала без памяти... Мамонька, родимая моя!

Клавдия подняла ладони к лицу, постояла молча.

— Постарело село-то, — опуская руки, с грустью сказала она. — А сады не перевелись. Наш и не узнаешь, вон как разросся. А молодежь незнакомая вся. Вчера с кладбища, от маминной могилки, под вечер иду, девчата навстречу, а чьи, не узнаю...

Клавдия в раздумье качнула головой и, вдруг вскрикнув: «Ах, что же я, самовар-то забыла!» — убежала к печке поглядеть самовар.

— Да-а, — отвечая своим мыслям, сказал дед.

Клавдия вернулась от печки, держа перед собой измазанные углем руки.

— А вы... тоже прошлое вспомнили, — песмело проговорила она, видя хмурые дедовы брови.

— Вспомнил. Мы вашу делегацию в Москве повстречали.

— Вот оно что!

Клавдия глядела на деда, словно ожидая чего-то, с какой-то робкой, даже чуть виноватой улыбкой.

— Что же вы не спрашиваете, зачем мы в Привольном? — сказал дед.

Улыбка сбежала у нее с лица.

— Сейчас вот руки отмою.

Долго мыла у печки под рукомойником руки, терла мочалкой. Подобрала волосы и села возле деда. Дымчатый кот вспрыгнул на лавку и, выгибая спину, терся о ее плечо. В зеленых глазах его сверкали искры, как у заправского сказочного кота, который только и выжидает случая начать свое колдовство.

— «...Что бы ни стало со мной, пускай мне назначены гибель и смерть, пускай наши страдания останутся безвестны, никогда не раскаюсь в своем решении! Вокруг себя я вижу терпеливых, каждодневных героев, простых, без громких слов. Так и я буду записывать все, просто, без громких слов...»

Клавдия наизусть читала из Записок. Когда дед рассказывал Варе историю ее прабабки Варвары Викентьевны, он тоже читал наизусть отдельные места из Записок. Он их помнил, хотя, с тех пор как Записки пропали, прошло более двадцати лет.

— «...Сколько героизма увидела я, сколько подвигов!» — читала Клавдия.

Дед молчал. Под окошко прилетела пышная птичка с растопыренными перышками на розовой грудке, попрыгала спаружи на подоконнике. Кот повернул голову к окну, расширил глаза, брызнул зелеными искрами. Птичка стукнула клювом в стекло и улетела.

— Знаю, как вам драгоценны Записки! — сказала Клавдия.

Ей было семнадцать лет. Босоногая и быстрая, она летала из конца в конец по селу, проверяла по поручению председателя готовность колхозников к встрече школьного интерната, эвакуированного из Москвы в июле 1941 года. В Привольном нет такого большого помещения, где можно бы поместить восемьдесят приезжих ребят плюс десять учителей и пионервожатых всех вместе. Постановили

размещать по избам. Кто пускал добровольно, кто по разверстке.

Клавдия с матерью рады были взять на постой интернатских в свою осиротевшую избу. Мужчин проводили в армию. Трех в один день. Опустилась изба.

В ожидании москвичей Клавдия вымыла полы и стены. Навязала букеты цветов, наставила на столе и окошках в глиняных кринках. Утром, в день приезда, сбегала в лес, на вырубку, набрала земляники. Мать затопила в печи молоко, спустила в погреб корчажку: приедут интернатские, угостятся холодненьким, неснятым, с коричневой сладкой пенкой в два пальца.

Они приехали за полдень. Их привезли со станции в грузовых машинах, остановили возле правления. Собралась толпа. Женщины, ребяташки. Поглядеть: какие такие эвакуированные? Еще в диковинку было.

Они были в красных галстуках, пыльные, иссиня-бледные, словно из больницы. Словно выпавшие из гнезда птенцы. Молча жались друг к дружке. Их старшие, тоже в красных галстуках, едва из машин, суетливо принялись хлопотать, требуя от председателя колхоза отдельное помещение для интерната, чтобы блюсти гигиену.

— Нету у нас дворцов. Не ожидали таких важных гостей, возвести не успели, — угрюмо отказал председатель.

Начальница интерната с длинным унылым лицом сразу пала духом от его неприветливости.

Закудахтала:

— Куда же, куда нам?

— Бабы... товарищи женщины, делите эвакуированных промежду собой, — велел председатель. И отвернулся.

Уж очень вид был у ребяташек растерянный. Что за война! Немец как через границу вступил, так и прет, так и прет. До чего же допрется?..

Клавдия обежала старших глазами и с одного взгляда выбрала себе пионервожатую. Нельзя сказать, чтобы пионервожатая, выбранная ею, была очень красива или заметно одета. Нет. Но что-то было в ней ясное, располагающее. Смотрела прямо. И вела себя не рохлей и не нюной.

Пионеры попрыгали из грузовика. Она поставила их в стороне, пересчитала, раздала мешки и рюкзаки, тому одернет рубашку, той поправит косичку — словом, она не бездействовала!

Клавдия поглядела — подошла:

— Как тебя зовут?

— Варя.

— А меня Клавой Климановой. Сколько их у тебя? Раз, два, три... восемь. Давай ко мне. Уместимся.

Варя не стала колебаться и расспрашивать, как обычно это делают нерешительные люди: «А где? А что? А как?» Другие, боясь прогадать, все еще выбирали жилье, мучились сомнениями, а Варино звено уже располагалось в пятистенке Климановых.

— Набивать сеники!

— Стелить постели!

— Готовить мыло, бслье! Живо!

И вот уже несется команда:

— По-стро-ить-ся!

Не желая в первый же день ударить в грязь лицом перед местными жителями, вожатая построила звено и повела на Оку отмывать усталость и дорожную пыль. Чистенькие, причесанные, они сидели после купанья вот за этим выскобленным, добела отмытым столом, на этих лавках.

Им нравились эти широченные лавки, бревенчатые стены с пазами, коричневые с цветочками деревянные ложки, глиняные миски, в которых дышали паром — только из печки — аппетитные кислые щи! Им нравилось, что их вожатая Варя с первого часа, нет — получаса, нет — первых минут так душевно и страстно подружилась с привольновской комсомолкой Клавдией Климановой, что всем им, эвакуированным из Москвы пионерам, о которых их матери проплакали, наверно, сегодня ночь напролет, стало хорошо в Привольном. Несиротливо.

— Марш, марш, писать письма домой! — скомандовала после обеда вожатая.

И, кажется, все ее пионеры, как один, написали в первом письме:

«Дорогая мама! Я здесь живу хорошо...»

Это была дружба двух мечтательных, некорыстных сердец. У обеих остались в школах привязанности. Но то было другое. То было обыкновенным. Сейчас все необыкновенно!

Они говорили, говорили, говорили! Это была удивитель-
но разговорчивая дружба!

Разумеется, у них была тьма дел и работы. У Клав-
дии — в колхозе. У Вари — со своим звеном. Варя полно-
властно управляла своими восемью пионерами. Она заме-
няла им мать и отца. Была для них всем. Водила их на
колхозное поле полоть свеклу, окучивать картофель или в
лес собирать для сдачи в аптеку шиповник. Следила, что-
бы они были сыты, обуты, одеты, не утонули в Оке, не
завшивели.

Клавдия помогала Вале обстирывать и вычесывать ре-
бят. Варя тоже чем могла помогала Клавдии.

Но главным в их дружбе было открывание сердца! Они
говорили обо всем. О прошлом. Прошлое — то, что до вой-
ны. Каким счастливым и беспечным было их прошлое, а
они и не замечали!

Они говорили о книгах, кино и о том, кто из мальчишек
им нравится. А что такое любовь? А что важнее всего в
человеке? А что такое благородство и честь? О том, что
подлых гадов фашистов к зиме разобьют, вот увидишь!
Что после войны ты, Клавдия, поступишь в Москве в Ти-
мирязевку и будешь жить у нас, возле Покровских ворот.

Они говорили о Записках, которые Варя привезла из
Москвы. Тетрадь в красном сафьяновом переплете (теперь
таких тетрадей не водится), исписанная крупным ровень-
ким почерком. Ноябрь—декабрь 1877 года.

— Что тогда было в ноябре—декабре тысяча восемьсот
семьдесят седьмого года?

— Русско-турецкая война. Наши освободили болгар от
турецкого ига.

— А она? Ее тоже звали Варей?

— Да.

— А она что?

— Вот слушай.

Но сначала надо уложить ребят спать. Давно вечер. Во-
сю светит луна, серебря привольновские сады, и луга, и
Оку. Беззвучно, тихо. Будто не было на свете никаких бед
и не будет...

— Приказываю спать, — сказала пионервожатая. —
Пионеры, у меня дело. Личное. Даете слово?

— Даем.

И все на правый бочок. Ладонка под щску. И на всех

восьми сенниках, в полшаге один от другого, тишина. Так они слушались свою вожатую, просто завидно! Это не значит, что они всегда подчинялись ей, как заводные игрушечные солдатики. Всякое в интернатской жизни бывало! Но у Вариных пионеров обычай: дано слово — значит, дано.

Подруги сели на ступеньки крыльца. Круглая луна висела высоко в небе. Они читали Записки при лунном свете, как при фонаре.

«...Он уехал, и я поняла, что не могу розно с ним. Разве бывает иная любовь? Разве могу я оставить любимого одного, при исполнении опасного долга, а сама жить в безопасности, без цели, без смысла? Нет, нет! Мне пришлось много скрываться от домашних, пока втайне я получила необходимую практику. Пришлось снести гнев и угрозы отца, рыдания маменьки, изумление и отговоры знакомых. Все позади. Я сестра милосердия, еду волонтеркой в Болгарию...»

Несколько вечеров они при луне читали Записки. После этого они обе решили, что не хотят больше сидеть на крыльце, когда «там» война.

Но война была уже не «там». Война подступала все ближе к Привольному. По вечерам было слышно стрельбу. В небе до утра тлели зловещие зарева.

По Оке день и ночь шли суда, увозя из Москвы детей, заводское оборудование, библиотеки и музейные ценности. Прилетел самолет с черными крестами на крыльях и на виду Привольного разбомбил баржу с заводскими станками, расстрелял из пулеметов рабочих, пытавшихся спастись вплавь, с воем пронесся над крышами и исчез.

В октябре война подошла совсем близко. Октябрь наступил дождливый, холодный. Оказалось, для интернатской кухни нет дров. Не запасли. Печь топили сырым валяежником, хлеб не выпекался. В поле гнила под водой невыкопанная картошка. Крупу доедали. Скоро нечего будет варить.

Начальница интерната звонила из правления колхоза в Москву:

На мне восемьдесят малышей! Вы нас бросили! Вы ответите!

Из Москвы велели уложить мешки и рюкзаки. И ждать.

Синие от холода, несытые, снова похожие на выпавших из гнезд птенцов, ребята жили кое-как, на рюкзаках. Каждый день могла прийти сверху баржа, увезти интернат на Каму. И могла не прийти.

— Пионервожатая, ты собиралась на фронт?

— Вот провожу их, тогда...

Пароходик с баржей подошел на рассвете. Был тоскливый рассвет. Сеял меленький дождик. Мутное небо низко повисло над Привольным, едва не цепляясь клоками облаков за верхушки деревьев. Мутный туман стлался по лугу. Ока скучно пузырилась от дождя, серая, хмурясь беспорядочной рябью.

В Привольном нет пристани. Пароходик кинул якорь, подгадав остановить баржу поближе к мосткам. С мостков перебросили на баржу доски.

Ребята шли один за другим, стараясь не наступать переднему на пятки, под конец, не выдерживая, два последних шага бегом. Как все спешили и стремились на эту черную, низко осевшую в воду баржу, будто домой! Все мечтали уехать, уехать! А где-то позади, где-то за горизонтом, погромыхивало, будто раскатывался и урчал дальний гром.

Оставалось пройти Вариному звену, когда доска сорвалась, и мальчишка нырнул под мостки. Пионервожатая кинулась в воду. У берега неглубоко. По пояс. Мальчишку вытащили, по рукам передали на баржу. Наладили доску, и остальные семь Вариных пионеров осторожно, гуськом, прошли по доскам. Вожатая замыкала звено.

И пароходик потащил баржу вниз.

— Прощай, Привольное! Спасибо, Привольное! До свиданья, Привольное!

— Ладно, поезжайте. А мы уж как-нибудь со своим-то...

Дождик припустил, сек, как прутьями. Коченея под дождем, в мокрой до горла одежде, пионервожатая приложила трубкой ладони ко рту:

— Клавдия! Клавдия! Клавдия! — надрывно несло по реке.

— Что? Что? Что? — кричала Клавдия. И вдруг поняла: Записки!

Вожатая забыла Записки! Они были завещанием отца! Совестью и честью семьи. Памятью о первой Варе...

Клавдия побежала домой. Клавдия умела бегать не хуже любого парня, только пятки сверкают да мелькает пестрый подол. Призы получала в школе по бегу!

Но была осень. Шел дождь. Ноги вязли в сыром, тяжелом песке... А если бы и не осень, не дождь?

Разве капитан остановил бы баржу, сколько ни маши Клавдия красной сафьяновой тетрадкой, как флагом, когда, задыхаясь, вернулась на берег, а баржа уплывала дальше, дальше?

Уже почти нельзя различить людей на далекой, далекой, далекой барже. Можно лишь угадать: вон пионервожатая Варя! Стоит на корме. Ветер рвет на ней платье. На ней мокрое платье. Ведь она кинулась в осеннюю воду!.. Пионервожатая Варя, что же ты стынешь в своем мокром платье? Тебе холодно. Что ты кричишь? Ты кричишь:

— Сохрани их! Не забывай! Клавдия! Кла-ав-дия!

Дед встал с лавки, заложил руки за спину и тяжелыми шагами отошел к окну. Он никогда не сутулился, а сейчас стоял у окна совсем сутулый.

Кот петоропливо повел головой, вперил в деда свои таинственные черточки.

«Пионервожатая Варя — моя мама. Моя мама! Мама!» — тревожным молоточком стучало у Вари в груди.

— Бедные девчонки! — сказал дед. Повернулся от окна, беспокойно глядя на Клавдию: — А дальше?

— Я берегла их всю войну! Они были со мной всюду, на фронте. Берегла после войны! Они были со мной, как память...

— Вы привезли Записки? Слушайте... Клавдия!

Клавдия молчала.

-- Не привезла, — сказал дед. — Где же они?

6

В эту минуту на крыльце послышался шум. Нетерпеливый стук в дверь.

· Дома кто есть?

Дверь распахнулась. Вошла женщина лет под сорок,

в цветастом платке, повязанном концами назад, в красной кофте, такой красной, что вокруг все покраснело, будто в избу заглянула заря. Из-за плеча женщины высовывались еще две. Подталкивая друг дружку, они вошли в избу, загорелые, с выцветшими па весеннем солнце бровями.

— Клавдия! — перешагнув порог, сказала женщина в красной кофточке.

— Батюшки-магушки! Клавка наша! Клавдия, деваха наша геройская, она!

Они стали в ряд у порога и возбужденно заговорили все три:

— Вчерась слух по селу прошел... А нынче агроном:

бежите, говорит, товарищи колхозницы, Клавдия Климанова с того света явилась. Не соврал агроном!

— Клавдия, да ты ли? Тела в тебе вовсе нет!

— Городской, что ли, стала? Нет, руки-то, глядите, вроде крестьянские. Слух по селу, а я не верю, сомневаюсь. Дай, думаю, своими глазами удостовериться надо.

— Клавдия, дак про тебя известие было, что на фронте убита!

— Узнала ли нас, Клавдия?

— Неужели не узнала? Ты — Маруся. Ты — Катя. Неужели не узнала? Ты, Маруся, и прежде красные платя да кофты любила. А ты Зинаида! Что? Не помню? Девочки! — идя к ним навстречу, возбужденно и радостно, как и они, говорила Клавдия. — Все помню. Ой, девочки, какие мы стали! Ой, девочки, какие мы старые стали!

— Ври! В самом расцвете. Молодых за пояс заткнем.

— Молодые нашу жизнь не осият. Изнеженные... Откуда ты, Клавдия?

— Из Болгарии, девочки.

— И-их ты! Куда война занесла! По иностранным государствам распдала людей. В иностранных-то государствах о Привольном нашем соскучишься!

Ой, соскучилась! — всплеснув руками, воскликнула Клавдия. — Катя, Маруся, помните, за Оку по белые грибы на лодке ездили! У тебя, Катя, заветных местечек полно: чуть в лес — и пропала. Ау-ау, Катенька! Куда там! Все и след простыл. Корзину с верхом боровиков наломает, тогда и покажется. А нам завидно, мы с Марусей аж почереем от зависти!

— Клавдия, про себя расскажи, — перебила бойкая колхозница в красной кофте, которую Клавдия называла Марусей.

— Расскажу!

Клавдия оглянулась на деда. Дед хмуро стоял у окна. Оживление на ее лице погасло.

— Сели бы, товарищ... Арсений Сергеевич. С дороги усталые. Сядьте, — нерешительно пригласила она.

— Я понимаю... вам не до меня... — ответил он с запинкой.

— Арсений Сергеевич! Виновата, Арсений Сергеевич!..

Видимо, он надеялся услышать другое и, медленно шагнув по направлению к ней, беспокойно спросил:

— То есть?

— Виновата...

Он сделал еще шаг и еще беспокойнее и требовательно:

— То есть?

Маруся в красной кофте перешепнулась с товарками, выдвинулась вперед:

— Товарищ военный или... как вас назвать, не пугайте ее.

— Не пугайте! — хором подхватили две другие колхозницы.

— Агроном сказывал, военный из Москвы прикатил, Клавдию ищет... Зачем она вам? — допрашивала Маруся.

— Двадцать годиков не видели Клавдию, а всё наша деваха геройская, обидеть не дадим! — подхватили другие.

— Девочки, бабы! — со слезами в голосе воскликнула Клавдия. — Этот товарищ военный не чужой мне, а дорогой человек. Пионервожатую Варю, мою московскую подругу, помните? Отец. А то дочь. Тоже Варя. На смену... Арсений Сергеевич, уж как я Записки хранила! Из войны, из плена целыми вынесла!..

— Сейчас где они? — нетерпеливо спросил дед. По лицу его было видно, спросил уже без надежды.

— В день перед отъездом хватилась, дай, думаю, взгляну, размечталась, как сюда, на родину, ехать, разгрустилась, вспомнила старое, думаю, ах, погляжу на свою дорожную тетрадочку, возьми-то ее с собой не собиралась я, не для кого вроде, про вас неизвестно, может, вас и на свете уж нету...

Клавдия говорила без передышки и прижимала руки к груди.

— Ну? — торопил дед.

— Они в сундуке лежали, на дне. Неносильная одежда у меня в сундуке, отцов кафтан, чабаном отец был у мужа, его кафтан и лежит, и другое памятное, а на дне, под вещами, Записки. Арсений Сергеевич, может, найдутся еще...

Дед отвернулся. Помолчал.

— Когда пропали? — не оборачиваясь, коротко спросил дед.

— То и беда, что не знаю! Может, год тому, может, два... А может, вовсе недавно. А может, сама я переложила куда да забыла. Прежде памятлива была... — Клавдия всхлипнула.

— Пре-е-жде! Двадцать годиков уткло после прежде-то! — вставила колхозница в красной кофточке. — Клава, Клава! Отец с матерью, два братана потеряны. Что там тетрадочка! Что там Записки!

Клавдия заплакала. Плечи у нее вздрагивали, снова из пучка выскочила шпилька, и волосы гривой рассыпались по спине.

— Не нашла, видно, счастья Клавдюха! В обиде на жизнь? — запричитали в голос колхозницы.

— Дорогие мои, золотые! Не в обиде я на жизнь, а напротив! А вы? А вам что досталось? Мужья, семьи-то есть ли? Какое ваше бабье житье, поделитесь, — спрашивала Клавдия сквозь слезы.

— Иди, Варя, в сад, — велел дед.

Он не любил при ней разговоры на житейские темы. «Бабьи» особенно. О мужьях, женихах, свадьбах, изменах, разводах... Он считал, что гораздо более Варю должно интересовать политическое положение в Конго. Концерт Шостаковича. Кинофильм «Иваново детство». Одним словом...

— Иди, Варя, в сад.

— Есть идти в сад!

— Батюшки-матушки! Муштра-то! — удивились колхозницы.

Варя не прочь была бы послушать разговоры про бабье житье. Но с дедом спорить напрасно, это Варю слишком хорошо было известно, и она, не споря, вышла на крыльцо. Крыльцо высокое, с перильцами. Перильца пошатываются от старости, ступеньки скрипят.

Здесь они читали Записки. На этих ступеньках. Сидели, прижавшись. Пропала тетрадь! Деда жалко. Он старый, он упрямый, дед. Мечтал вернуть в дом реликвию. А Варя рада, что приехала в Привольное, мамино Привольное, увидела крылечко, узнала мамину подругу Клавдию Климанову... Хадживасилеву Клавдию... На этих ступеньках они сидели... «Пионервожатая Варя, моя мама, моя...» Ступеньки, поскрипывая под ногами, свели ее в сад, отгороженный от дороги густой изгородью из акаций. Несколько длинных рябинок стояло в садочке. Варя обняла рябинку, прислонилась к стволу головой.

— Тебя тогда не было, рябинка. Меня тоже не было.

Она обогнула дом. За домом был другой сад. Настоящий. Большой. Яблоневый сад. Старые яблони, широко раскинув сучья, цвели белым и розовым цветом. От бело-розового цвета, разлившегося, как половодье, все сияло вокруг и светилось. Весь воздух звенел. Это звенели пчелы, тыкаясь хоботками в душистые венчики.

«Никогда, никогда не видела я такой радости!» — подумала Варя, впервые за свою жизнь очутившись в таком большом яблоневом саду. Она пошла вдоль сада узенькой тропкой, которая, паверно, приведет ее к самой Оксе. От ожидания Окси у нее шумно стучало сердце. Она нетерпеливо смотрела вперед. И вот впереди, на узенькой тропке между белыми яблонями, она увидела мальчика. Он был ее лет. Нет, старше. Должно быть, ему лет пятнадцать. Высокий, гибкий, в черном свитере.

Утро было свежо, по погоде свитер, в самую пору. Мальчик был смугл, чернобров, черноглаз, с волнистыми спутанными волосами, один клок рогом загнулся на лбу. Он шел Варе навстречу и показался ей удивительным, этот смуглый высокий мальчик в черном свитере посреди белых яблонь. От неожиданности сердце у нее застучало шумнее, так шумно и часто, что она остановилась, ожидая, пока он приблизится.

— Здравствуй! — сказал он, подходя, и улыбнулся.

И сразу она почувствовала себя прекрасно и весело от его ласковой и хорошей улыбки.

— Здравствуй, — весело сказала она.

— Ты не здешняя?

— Нет. Как ты угадал? Из Москвы.

— Из Москвы! — в изумлении воскликнул он, как если

бы она сказала, что из Нью-Йорка или с Марса. — Москва хорош город! Когда я приехал в Москву, даже спать вначале не мог. Знаешь, что самое красивое в Москве? Когда смотришь с горы, где высотный университет, смотришь вдаль с высокой горы, с обрыва, и видишь весь город. В дымке. Большой, в дымке... Потом зажгутся огни, весь город в огнях... Перебегают огоньки, как живые. Ты видела?

— Как чудно ты говоришь! — удивилась она. — У нас в классе ни один мальчишка не стал бы расписывать огни и все такое.

— А что он стал бы расписывать?

— Ну... футбол.

— Футбол я тоже люблю. Кто не любит футбол! Куда ты идешь?

— На Оку.

— Идем, я провожу тебя на Оку.

Они пошли узенькой тропкой, Варя впереди.

— Еще мне понравился в Москве Большой театр с четверкой коней. Кремль тоже нравится.

— А я первый раз вижу такой большой яблоневый сад, — сказала Варя. — А через плетень еще сад, гляди! А там еще... Здорово бы пожить здесь, среди яблонь!

Она нагнула ветку понюхать цветок. В шелковистых лепестках возился мохнатый шмель и гудел. Варя, вскрикнув, выпустила ветку.

— Не тронет, — спокойно сказал он. — Работает, некогда.

— Как тебя зовут? — спросила Варя.

— Людмил.

Варя оглянулась. Он улыбался своей доброй улыбкой. Его черные яркие глаза улыбались.

— Как ты сказал?

— Людмил.

Ей стало смешно. Она поняла, что он шутит, но не поняла, в чем смысл его шутки. Но все равно, неизвестно

почему, ей стало смешно! Она захохотала. Он тоже рас- смеялся.

— Что ты? Что ты? Ха-ха-ха! — смеялся он.

— Ха-ха-ха! — покатывалась она.

— Что тебе смешно, ха-ха-ха! Что ты? Что ты? — по- вторял он сквозь смех.

Наконец, вздохнув в последний раз — сладко вздохнув, ох, ха-ха! — она двинулась по тропке дальше. Он шел сле- дом за ней.

Сад кончился. Плетень отделял его от небольшого луж- ка, полого спускавшегося к Оке. При виде этого яркого изумрудно-зеленого лужка и тихой Оки Варя сразу утихла. Открыли калитку. Молча спустились к реке. Солнце потока- ми лучей лилось на воду, вода сверкала, как будто милли- он маленьких зеркалец раскололся и рассыпался по реке.

На том берегу, песчаном, с рыжими крутыми обрыва- ми, стеной стояли сосны. Могучие их стволы, темные вни- зу, кверху раскаленно горели знойной медью. Вершины сходились, и казалось — над медными стволами навешена зеленая крыша.

Варя оглянулась. Мальчик в черном свитере глядел на сосновый бор за Окой. Глядел куда-то вдаль. Черные шну- рочки бровей задумчиво сдвинулись. Клок волос беспоря- дочно падал на лоб.

— Как тебя зовут? — спросила Варя.

— Людмил.

— Ты не здешний, — сказала она.

— Нет. Идем.

Он быстро зашагал вдоль берега, она едва за ним по- спевала. Ей было не до смеха теперь. Кто он такой, этот нездешний, черноглазый? Откуда он взялся? Неужели...

Они довольно долго шли вдоль берега. Ока еле слышно плескалась о берег, еле-еле. Песчаная полоса над Окой становилась шире. Лужок поднимался выше, дальше ухó- дил от воды. Выше поднималось Привольное, с белыми са- дами, пением петухов, запахами дыма из самоварных труб.

Людмил привел Варю к мосткам. Мостки были широ- кие и далеко вдавались в воду. С этих мостков, наверно, удобно полоскать белье. Вдоль берега стояли лодки, десят- ка три, розовые, синие, разных цветов, и некрашенные, большие и грубые, прикрепленные цепью к колышку на берегу или привязанные обыкновенной веревкой.

К этим мосткам могла бы причалить баржа...

Что-то толкнуло Варю в сердце. Она оглянулась. Как здесь много песку! До самых садов пески и пески! Осенью, когда сечет дождь, Ока серая, в беспорядочной ряби, на том берегу не горят знойным золотом сосны, песок мокрый, тяжелый... ноги вязнут, трудно бежать...

— Когда была война с фашистами, сюда, в Привольное, как раз к этим мосткам... — сказал Людмил.

— Слушай, — вся похолодев от предчувствия, перебила Варя, — как твоя фамилия?

— Хадживасилев Людмил.

— Так я и знала! — сказала Варя. — Ты присхал из Болгарии. Я так и знала!

7

Между тем они уже не вдвоем стояли возле мостков. Человек десять мальчишек в линялых майках, в закатанных выше колен штанах, обступили их и, вытянув шеи, слушали их разговор. Толстые, как картошки, носы мальчишек лупились. Ноги в дыпках. Майки на животах оттопырены, набитые горбухами хлеба и жестяной тарой с наживкой.

— Здравствуйте, — сказал Людмил.

— Здрасс... — дружно отозвались они.

Им было по семи-восми лет. У некоторых не было передних зубов.

— Привольновские? — спросила Варя.

— А цьи же? — свистя сквозь беззубую дырку, возразил один, коренастенький, с вихром на макушке, у которого на животе под майкой бренчал целый склад жестяных банок с червями и удилице воткнуто было в песок у ноги, как копые. — А ты? Из Болгарии?

— Из Москвы.

— У-у-у! Из Москвы-и-и! — затянули они низкими голосами, показывая тем, что Москва и Болгария одинаково для них дальние страны.

— У вас там, в Москве, слоны в Зоопарке. Нам на уроке читали, — свистя, сказал коренастенький.

— В Болгарии, скажешь, нет слонов? — мгновенно влез в спор другой.

— Скажешь, есть?

— Скажешь, нет?

— Нет!

— Есть!

Они уже напирали друг на дружку плечами, и коренастый уже раздвинул ноги и выставил локоть, готовясь изловчиться и свалить забияку.

— У нас нет слонов, — сказал Людмил.

— Не-е-ет! У-у! Вот так вот! У них нет!

— У нас горы. У нас много в Болгарии гор! Есть и море. Есть и долины. Я живу в Долине Роз. Знаете, какая Долина Роз? Куда ни поглядишь — розы и розы! Из роз делают розовое масло. От одной капли розового масла вокруг разольется такой сильный запах, будто зацвел сад! Моя мать и отец специалисты по разведению роз...

Он увидел, как внимательно слушают его ребяташки, и улыбнулся. Ребята будто только и ждали его улыбки, хором засмеялись в ответ, открывая беззубые рты. Коренастый вытащил из песка удилище, воткнул ближе к Людмилу.

— А еще что у вас?

— А рыбу удят у вас?

Людмил не ответил. Людмил думал о другом. Он не пропустил мимо ушей, что сказала эта девочка с веселым и смелым лицом. Ребята его отвлекли, но он помнил, как она воскликнула: «Ты из Болгарии!»

— Может, ты знаешь мою мать, если знаешь, что я из Болгарии? — спросил он.

— Ты тоже знаешь о моей маме, — ответила Варя.

Она развела рукой мальчишечий круг, обгородивший ее и Людмила, и взошла на мостки. Вода чуть слышно текла мимо мостков, булькала, задевая о дощатый настил. Варя нагнулась. Дно было ровное, тихое. Стайка пескарей ходила в глубине, трепеща плавничками.

Варя присела на корточки, свесила голову вниз. Коса перевесилась через плечо. Из-под ноги соскользнул камешек в воду. Стайка пескарей, мелькнув молнией, скрылась из глаз.

— Здесь по пояс, — сказал позади Вари Людмил.

— По пояс нельзя утонуть, — ответила Варя. — Но было холодно, холодно...

Она встала, перекинула на спину косу, обернулась и встретила взглядом с Людмилом. Черные, как черносли-

вины, его глаза с невыразимым удивлением глядели на Варю.

— Пионервожатая Варя — моя мама, — сказала она. — Только я не помню ее. Она родила меня и через год умерла. От чахотки.

— Она простудилась еще тогда... — сказал Людмил.

— Оттого она и умерла. И от горя.

— Какого?

— Большого. Нельзя пережить.

Он сделал к ней шаг.

— А отец у тебя есть? — тревожно спросил он.

Она не ответила. Мальчишки, вытянув длинные шеи, стояли полукругом возле мостков и слушали.

— Как мне хочется съездить в тот бор! — сказала Варя, махнув через реку рукой. — В тот сосновый бор на том берегу. Людмил, ты надолго приехал со своей мамой в Привольное?

— Вчера день. И сегодня. Завтра нам уезжать.

— Значит, один день. Еще целый день! Ведь еще только утро. Потом будет полдень. Потом после полудня. Потом... до вечера еще много-много часов!.. Почему ты так смотришь?

Он давно уже «так» смотрел на нее. Она стояла на краю мостков над водой, освещенная солнцем. Ее волосы золотились на солнце, щеки горели румянцем, пухлые губы были красны, как малина, все было в ней славно! Ее желтое платье, пионерский галстук, голубое пальтишко — все было славно!

— Первый раз познакомился с русской девочкой, — сказал Людмил.

— Ты сам наполовину русский.

— Нет, я болгарин, — подумав, сказал он.

— Ну, как хочешь, — сказала Варя. И перевела взгляд на мальчишку с вихром.

Мальчишка стоял впереди ребят, держась за удилице, и тоже во все глаза глядел на нее. Ему тоже нравились ее желтое платье, голубое пальтишко и веселые щеки с румянцем.

— Рыбак, поймай мне золотую рыбку, — сказала Варя.

— А ты Юрия Гагарина видела? — спросил он.

— Еще бы не видела! По телевизору видела. Слушайте, ребята, ребята!

Она сбежала с мостков, стуча по деревянному настилу новенькими, еще не разношенными туфлями. Не думайте, что в Москве Варя каждый день ходила в них в школу. Она берегла их для праздников и надела в Привольное.

— Чего? Чего?

Ребята дергали ее за голубое пальтишко. Кажется, они ожидали от нее не меньше чем чуда! Но она приложила палец к губам. На минуту ее взяло сомнение. Она колебалась. Если бы впереди было много дней! Но впереди один сегодняшний день. И она решилась.

— Ребята, ваш привольновский клуб далеко?

— Далекое? Вон он весь на виду, вон крыша красная, вон!

— В село подняться, в проулок свернуть, да пройти сельсовет, да Симу пройти, за Симой и клуб.

— Уж и клуб! Чего в нем хорошего?

— А что, плох?

— А хорош?

— А что, плох? А что, плох?

— Тихо! — сказала Варя. — Пошли. Идем, Людмил. Он покачал головой.

— Не хочешь? — удивилась она.

— Хочу! — удивился он. — Если ты зовешь...

— Зову, конечно. Идем.

Они пошли в окружении вихрастой, горластой команды. Рыбалка на сегодняшний день сорвалась! Бренча под майкой жестянками, коренастенький, самый азартный рыбак, все забегал вперед, заглядывал Варя и Людмилу в глаза и, свистя сквозь беззубую дырку, выкладывал разные новости:

— К нам артисты в клуб приезжают. Балеты представлять.

— Балеты. Трык-брык... — перебил другой спорщик.

— К нам кино каждую неделю привозят. Про шпионов, про Америку.

— Про Америку!..

— А что, нет? Доклады читают. Как доклад, так бесплатно картину гляди.

— Пустят тебя на бесплатную!

— А что, нет? Не пустят, так я сам пролезу.

Они поднялись на горку в село. Прошли проулком мимо садов. Белые яблони тянули к ним ветви через плетни и звенели. Куры-пеструшки озабоченно копались под плетнями в черной земле. Прошли сельсовет. Вот Симиная изба, похожая на старую баньку, с заплатами мха и лишайников на соломенной крыше. Перед Симиной избой — сочный немятый лужок, весь в одуванчиках, желтых, как маленькие солнца.

— Стойте! — сказал Людмил.

— Что? — спросила Варя. — Тебе поправился лужок? У вас бывают такие одуванчики в Болгарии?

— Пионервожатая Варя была твоей мамой, — сказал Людмил. — А ты знаешь... была еще Варя.

— Да. Была первая Варя. Моя прабабушка Варвара Викентьевна. Значит, ты читал Записки?

— Конечно! Еще бы!

— Ты читал Записки, — повторила Варя, развязывая и завязывая голубой бант в косе.

«Значит, он не слышал, что Записки пропали; сказать ему, что Записки пропали?» — подумала она. Но нет, не стоит. Не стоит его огорчать. И она сказала первое, что пришло в голову:

— Ты учишься в школе? Как же ты уехал? Ведь еще не наступили каникулы. Ты прогульщик? Мы оба прогульщики с тобой.

Что смешного в том, что они оба прогульщики? Но вся босоногая команда покатила со смеху. А один от веселья взял да и перекувырнулся на лужке через голову.

Варя рассмеялась, так неуклюже это у него получилось.

— Все русские девочки такие... — Людмил загнулся, ища слово, — такие... смешливые?

— Всякие попадают, — ответила Варя. — Зануды попадают. Я ведь тоже примерная, — сказала она. — Валентина наша, по истории, всем в пример меня ставит.

— Вот он клуб! Вот он клуб! — заорали и засвистели ребята.

«Привольновский клуб и музей» — такая вывеска висела над обыкновенной избой, только без палисадника, без длинных рябинок под окнами, без белых яблонь, без лужка с одуванчиками. Вместо лужка под окнами плоским квадратом лежала вышарканная, догола вытопанная площадка для танцев. На щите возле клуба самодельная, намалеванная линялой синькой афиша: «Ева хочет спать». Заграничный увлекательный фильм».

Здоровенный ржавый замок, как на колхозной конюшне, висел на двери.

— Где завклубом? Надо вызвать завклубом! — завопили ребята и, как пескари от мостков, всей стайкой отхлынули к третьей от клуба избе под соломенной крышей, залатанной прозелененным мхом и лишайниками.

— Сима, Сима, Сера-фи-ма! Сима! Сима, Серафима!

Оконце в избе растворилось. Высунулось хорошенькое, с задорным носиком личико.

— Грамотные? Расписание читайте! Клуб закрыт. Вечером к «Еве» открою.

Оконце захлопнулось.

— А у нас делегация! У нас делегация!

— Врите! — Оконце растворилось.

— Из Долины Роз делегация. Из Болгарии.

— Ах! — ахнула Сима.

Оконце снова с размаху захлопнулось. Немного спустя на крылечко выскочила маленькая рыженькая, с рыженькими бровками, рыженькой челкой Сима, заведующая привольновским клубом, в розовом платье.

— Пожалуйте! Пожалуйте! Милости просим!

Она держала в одной руке довольно внушительный ключ от замка, другую дощечкой тянула Людмилу.

По его черному свитеру, гибкой фигуре, черным шпурочкам бровей она отгадала: он и есть делегация! Девчонка в желтом и голубом рядом с ним — сопровождающее лицо.

Сопровождающему лицу Сима кивнула прохладно, а делегата окружила любезностью.

— Пожалуйте, пожалуйста! Не знаю, что и показывать вам! Экспонаты все у нас деревенские. Мельче, чем в районном масштабе, прямо и показывать совестно, так

все ограничено... Ничего волнующего нет! — жеманясь, говорила она, отпирая здоровенный ржавый замочик.

В эту минуту Варя увидела в отдалении знакомый кузов ярко-пепельного цвета с брезентовым верхом, вздымающийся позади себя столбы пыли. Лазоревый «газик» мчался на всех парах по направлению к клубу и, так как на дорогах Привольного не видно знаков рожка, обведенного кружочком, гудел во всю мочь, поднимая по пути пороссячий визг и сумасшедшее кудахтанье кур.

— Вездеглаз! Вездеглаз! — заорали ребята, свистя и махая удочками навстречу лазоревому «газику».

«Газик» подомчал к клубу, уже отмытый и чистенький после утреннего купанья в грязевой луже.

— Стоп, Малыш! — затормозил агроном. — Куда погляжу, мигом все угляжу, — говорил он, высовывая из «газика» под топот и визг ребят сначала длинные ноги, затем вылезая весь, длинный и тощий, в соломенной шляпе.

— Привет, пионер! От «вездеглаза» не скроешься.

— Привет! — ответила Варя. — Странное у вас прозвище. А она здесь. Мы ее встретили.

Агроном столкнул шляпу со лба на затылок.

— Мир приключений! Если не розыгрыш...

— Тише! У меня делегация, тс-с! — озабоченно шикнула Сима. — Пожалуйста, пожалуйста! — так она приглашала Людмила, улыбаясь и пастежь распахивая перед ним дверь.

Агроному и Варе небрежней:

— Входите.

И встала на крыльце. Раскинула руки, загораживая вход прочей публике:

— Вы куда? Вы зачем? Дисциплину сначала усвойте! Ну?

Дала им понять, чтоб отчалывали. Разумеется, она шепотом дала им это понять. Они были хитрой и опытной публикой и, не прекословя, остались за дверью. А потом прорвались. Погодили, пока завклубом начнет для делегата лекцию, и по стенке, один за другим, прокрались, и неожиданно Сима-Серафима обнаружила перед собой в полном сборе всю босую компанию. Она не могла реагировать, поглощенная лекцией.

— Раньше деревня была темной. Теперь же вы видите расцвет нашей колхозной культуры. Вы видите зритель-

ный зал. Бывали раньше в деревнях зрительные залы? Вы видите нашу колхозную библиотеку. В нашей колхозной библиотеке собрание сочинений писателя Шолохова и других великих писателей. Нашей колхозной молодежи даны условия. Наша колхозная молодежь любит труд и культуру, книгу и спорт, учебу и музыку...

Казалось, запас Симиного красноречия никогда не иссякнет. Вдруг он иссяк. Сима-Серафима споткнулась. Вдруг она заметила вокруг себя вежливую тишину и споткнулась. «Делегат» стоял, вытянув руки, как ученик перед учителем. Но взгляд у него был рассеянный, он глядел в окно. Там кучились в небе летние белые облака, плыли белые корабли, подняв паруса; на белых конях скакали белые всадники, пели звонкие трубы... Он обернулся, пошел глазами Варю и вздохнул.

— Один день сегодня! — вздохнул «делегат».

— Что же вы? — с упреком сказала Варя агроному. — У нас всего один день! А вы нам лекции читаете!

— Отставить лекцию, Сим-Серафим! — велел агроном.

— Я из десятилетки завклубом выдвинута, — огненно вспыхнув, возразила она. — Где у меня практика?

— У нее мало практики, — примиряюще сказал агроном. — Давай веди дальше, Сим-Серафим. А удивительные новости знаешь, Сим-Серафим?

Она звякнула в кармане ключами, вытащила связку, выбрала маленький ключик и, надув губы, стала отпирать низенькую дверку, какие бывают в чуланах, сердито ворча:

— Знаю я ваши повости, не купите меня повостями!

На всех дверях и шкафах в Симином клубе висели замки и замочки и дощечки с объявлениями. Дощечка на низенькой дверке объявляла: «Музей».

— Здесь... в общем, увидите, почему я о Климановых знаю, — сказал агроном. — Откуда этот чернявый взялся? — шепотом спросил он Варю.

— Из Долины Роз, из Болгарии.

— Фью-у! — свистнул агроном.

— Прошу не нарушать дисциплину! — строго сделала замечание Сима. — Наш колхозный музей создан по инициативе старейшей нашей докторши Авдотьи Петровны. Наша старейшая Авдотья Петровна отдает свою жизнь излечению населения и подъему культуры. Вы познакомьтесь в нашем музее с последней сохой села Привольного...

— Эх ты, Симушка-Серафимушка, главное надо показывать! — сказал агроном, тихонько взяв ее за локоть и отводя от сохи.

Наверно, в этом музее, расположенном в низенькой горенке, с одним окошечком высоко, под потолком, в которое сейчас врвался солнечный луч и, сломавшись на противоположной стене, обрызгивал всю ее жаркими пятнами, наверно, в этом музее было немало экспонатов, но Варя увидела... Но раньше Вари увидел Людмил. Он странно вскрикнул, протянув руку к обрызганной солнцем стене. Среди солнечных пятен висели в траурных рамках фотографии павших смертью храбрых колхозников села Привольного в годы войны. Это была стена славы и траура.

— Вы видите, — заговорила своим прилежным голосом Сима, обводя указкой в центре стены четыре снимка, — вы видите нашу героическую колхозную семью. Отец, два сына и дочь Климановы ушли на войну в первые недели и месяцы. С первых недель и месяцев, без жалости к своей личной жизни, Климановы доблестно сражались с фашистами. В сражениях погибла семья Климановых, вся. С января тысяча девятьсот сорок второго по январь тысяча девятьсот сорок третьего четыре похоронных...

— Стой, стой, стой! Что ты, что ты! Ведь ты сказала, что слышала, Сим-Серафим! — испуганно перебил агроном.

— Что слышала?

— Мать нет, не погибла! — крикнул Людмил. — Нет, не погибла, нет! — в смятении повторял он.

— Какая мать?

— Моя мать!

Он схватил Варю за руку и тащил к стене, не замечая, что больно сжимает ей пальцы. Смуглая бледность резко разлилась у него по лицу, черные глаза стали черней и огромней.

— Смотри, это мать! Ты видишь? Узнаешь?

Он показывал Варе фотографию светловолосой девушки. Должно быть, не было в доме Климановых другой, не такой веселой фотографии Клавдии. Живая и юная, она безмятежно смеялась из траурной рамки.

— Ты узнаешь? Узнаешь?

— Узнаю! Узнаю! Уберите фотографию! Это его мать. Она не погибла. Она вчера вернулась в Привольное. Уберите фотографию, слышите!

Серафима переводила растерянный взгляд с Людмила на фотографию. Отчего всполошились болгарский парень и московская девчонка? Что случилось? Серафима не знает. Вчера отсидела весь день в пустом клубе, запасную опись инвентаря от скуки составила, хоть бы один заглянул посетитель, рассказал бы, что на свете творится!

— Дайте фотографию! — задыхающимся голосом требовал болгарский парень. — Снимите!

Сима отступила к стене, отгородилась, как барьером, деревянной указкой.

— Так и сняла! Сельсовет утверждал экспозицию. Мпе инструкций не дано, чтобы экспонаты снимать!

В гневно изумлении Людмил обернулся:

— Варя! Что она? О чем она, Варя?

Стыд! Варя лишилась от стыда языка.

Если бы Людмил был своим, московским или привольновским парнем, ладно уж, как-нибудь!.. Что они теперь о нас будут думать в Болгарии? Стыд и срам!

— Эх ты, Сима-Серафима, за-ин-струк-тированная! — сказал агроном.

И, будучи высокого роста, через голову Симы снял со стены фотографию и отдал Людмилу. Людмил схватил обеими руками. Торопливо, не глядя, прижал к груди. Все затихли. Всем было как-то печально и смутно.

— Людмил, а я знаю, что надо делать. Дай мне ее, Людмил, — попросила Варя.

Раз-раз! — и сорвала с фотографии черную рамку. Теперь смейся Клавдия, хохочи! Ты изменилась, Клавдия, постарела немного, плечи стали тяжелее, немного выцвели глаза, кожа погрубела, тонкие, как нити, морщинки появились на лице, первые морщинки. Смейся, Клавдия! Хорошо жить!

— Спасибо, что ты это сделала! — благодарно вспыхнул Людмил.

У всех отлегло от души. Вихрастый протискался поближе к Людмилу и улыбался во весь рот, показывая беззубую дырку.

Только Серафима, насупленная, стояла с указкой у стены, не зная, как дальше быть. Ее авторитет был подорван, а это нелегко переносится.

— Переживем, Сим-Серафим! — сочувственно сказал агроном. Взял у Симы указку. Обвел оставшиеся три фото-

графии в траурных рамках: — Вот два брата Климановы. А вот, Людмил, твой дед, колхозный конюх села Привольного, рядовой пехотного полка.

Рядовой пехотного полка, в пиджачке и белой рубашке, сидел на стуле, не прислоняясь к спинке, как сидят перед аппаратом навтыжку не привыкшие фотографироваться люди, и, растопырив на коленях короткопалые руки, спокойно и мирно глядел на черноглазого, чернобрового, гибкого, как прут, смуглолицего незнакомого внука Людмила Хадживасилева.

Дед Людмила сложил голову в боях под Москвой. Там его похоронили. Никто точно не знает братской могилы, где погребен колхозный конюх из села Привольного, рядовой пехотного полка. Может, та могила. Может, эта. Под Москвой.

Второй дед Людмила, Христо Хадживасилев, был чабаном. Он был смуглолиц, как почти все болгары, до самой смерти по-молодому гибок и тонок; круглый год носил огромную шапку, шитую из овчин, широкие шаровары, безрукавку, кафтан; любил выкурить трубку, задумчиво потягивая седой длинный ус; любил, куря трубку, поглядеть, как уходит солнце за горы, а овечьи отары, звезя колокольцами, опщипывают тем временем на кургане траву.

Направо, налево — горы, горы, пологие, с мягкими склонами... Весной сочны в горах травы, обильные росы омывают их на утренней и вечерней заре, оттого травы сочны и зелены.

Нарядны и веселы весенние травы в горах, петляет и путается в них розовая павилика, красными фонариками светят гвоздички, лютики вскинули вверх желтые венчики. Родные горы! Разноцветна, красна ваша осень, будто от подножий до самых вершин разложили костры! Бордовым, золотым, оранжевым цветом полыхают костры, пока не полетит белыми мухами снег и метели завоюют в ущельях.

Дни и ночи, недели и месяцы пасет чабан Христо Хадживасилев по горам овечьи отары. Спустится на побывку в долину к жене — и снова на пастбище. Горы для него — все равно что родной дом. Есть ли тайная тропка в горах, которой не знал бы чабан Хадживасилев? Нет такой троп-

ки, такого ущелья, расщелины, горной речонки, родничка, дикой груши или дуплистого дуба, которых не знал бы как свои десять пальцев чабан Хадживасилев! Завяжите глаза — с завязанными глазами найдет дорогу! Птица запела — по голосу различит. Ветер подул — знает, какой ждать погоды, куда перегонять по погоде овец. Все помогает чабану, все родное в горах...

Беда пришла. Гитлеровские войска вступили в Болгарию, расположились, как хозяева, как турки в прошлом веке. Захватили города, морские порты, весь берег моря, железные дороги, аэродромы. Гитлер сделал из Болгарии плацдарм для нападения на соседние земли.

Только в горах еще оставалось немного свободы. Только в горах чабан Христо Хадживасилев, как прежде, пас овечьи отары, перегонял по знакомым курганам. Играл на волынке, глядя, как солнце уходит за соседнюю гору.

Однажды снизу, из Долины Роз, пришел к чабану сын, Василь Хадживасилев. Сыну надо было укрыться из Долины на время, пока там полицейские вылавливали и сгоняли болгарскую молодежь в войска на подмогу немецким фашистам.

После еще и еще приходил сын откуда-то в горы к отцу. И однажды после такой встречи чабан пригнал овечью отару на курган, с которого далеко в обе стороны видно шоссе, и пас отару по склонам. На шоссе должны были появиться немецкие танки. Чабан подстерегал, когда появятся танки. Увидел — заиграл на волынке. Протяжно. Чем ближе танки, тем быстрее, беспокойней. По знаку волынки поднялись из укрытия партизаны. Танки взлетели от мин.

Чабан Хадживасилев стал разведчиком партизанского отряда. Как ни охраняют фашисты дорогу в горах, то подорвется на mine немецкий транспорт, то неизвестная рука перестреляет карателей на пути к их подлому делу. Чабан Хадживасилев стал глазами и ушами отряда. Жизнь чабана стала полна скрытой борьбы и смертельного риска. Каждый день караулила гибель. И подкараулила.

Чья-то грязная душа продала фашистам партизанского разведчика.

Фашисты казнили чабана в горах. Привели на скалу, поставили над пропастью.

Прощайся с жизнью, чабан! Прощайтесь с волей,

болгары! Нет вам воли. Забудьте про волю. Забудьте про свои горы, про виноградники, розы, про свое синее море...

«Не забудем! — крикнул чабан. — Борись, Болгария родная!»

Ему всадили в рот пулю. Он взмахнул руками, большими, как крылья, и опрокинулся вниз с крутизны.

Вот что рассказал Людмил про своего болгарского деда.

— Людмил, хорошие были твои деды! — сказала Варя.

— Хорошие! — сказал агроном.

— Во мужики! Во мужики геройские! — загалдели мальчишки.

— Под Москвой знаешь чего в войну было! Сколько туда фашисты танков нагнали Москву брать!

— А наш-то дед, Климанов-то, самолично фашистский танк подорвал!

— А их-то, болгарский, дед тоже подрывал фашистские танки!

— Неужто не подрывал!

— Они знаешь как фашистов героически лупили!

— Неужто не лупили!

— А мы бы, думаешь...

8

— На этом ознакомление с привольновским колхозным клубом окончено, — объявила Серафима.

Потом обратилась к Людмилу официально, как завклубом, с просьбой оставить музею фотографию бывшей колхозницы села Привольного Клавдии Климановой в память о ее воинских подвигах. Затем все вышли из клуба, и Серафима повесила на двери замок.

Агроном принялся хлопотать возле своего выхоленного и ухоженного «газика», вытирать пыль с капота и крыльев, рассуждая при этом:

— На сегодняшний день шестая бригада, Малыш! Никуда не денешься, план! Кстати, опытные семена гороха надо кому-нибудь под шефство подбросить. Как решили Малыш?

Кинул тряпку под сиденье. Сдвинул шляпу на затылок что придало ему независимый и даже ухарский вид.

— Эй, босая команда, у Климановых без нас обойдется?

— Не обойдется! — заорали ребята.

— Решено. Опоздаем в шестую бригаду, Малыш! Граждане, занимайте места.

— А мы? Мы не граждане? — закричали ребята.

— Вы хоть и граждане, да все не вместимся. Садитесь, товарищи!

«Товарищи» сели. Людмил и Варя позади, Сима-Серафима возле водителя. Агроном махнул шляпой. Босоногая команда от восторга завывала.

«Газик» издал торжествующий гудок наподобие клича индейцев, как описывается в книгах Майн Рида. Они покатали в проулок Климановых.

— Как в кино! — встряхивая рыженькой челкой, волновалась Сима-Серафима.

Заперев свою службу на замок, она из натянутой, с выученными словами завклубом превратилась в довольно обыкновенную девчонку. Разглаживала на коленях розовую юбку, поглядывала на агронома и ахала:

— Ах, ах, ах, все равно что в кино, так волнующе! Верно, Рома? Да, Рома?

— Рома-агронома, — тихонько фыркнула Варя.

Людмил промолчал. Пока, распугивая гудками кур и свиней на дороге, Малыш несея вдоль большого зеленого и белого от цветущих садов Привольного, он молчал.

— Стоп! — сказал агроном, на полном ходу затормозив у знакомого палисадника.

«Газик» тряхнуло, Варя подпрыгнула и ткнулась агроному носом в плечо. Людмил выскочил из машины, нетерпеливо вбежал в избу. Варя вбежала за ним. Он порывисто обнял мать и, не замечая вокруг людей, поцеловал в губы и щеки.

«Наши ни за что не стали бы так! — изумленно мелькнуло у Вари. — Чтобы кто-нибудь из наших ребят? Не представляю, честное слово!»

Клавдия потрепала его спутанные волосы, отвела со лба крутой завиток.

— Встретились? — кивнув на Варю, спросила Клавдия.

Людмил улыбнулся.

Колхозниц в избе уже не было. Зато пришла на обеденный перерыв старейшая докторша Авдотья Петровна,

полная, важная особа лет шестидесяти, с утиным носом, возле которого расположилась темная родинка.

— Показывайся, где ты, третья Варя? — встав из-за стола, сказала старейшая докторша. — Какая ты, третья? Вторую, пионервожатую Варю, знала. Двадцать лет прошло, как знала. Ну-ка, третья, показывайся.

Она мягко и сильно взяла Варю большой рукой за плечо, повернула, оглядела.

— Что с косой — люблю. — И без связи, со вздохом: — Гордых девушек люблю.

— Я не гордая, — засмеялась Варя.

— Э-э, милая, то другая гордость. Речь не о том, чтобы нос задирать. Мало теперь по-настоящему-то гордых осталось. Ничего, на мать похожа, на вожатую Варю! Та, бывало, вот так же, не мигая, глядит. Ничего девчонка! — одобрила Авдотья Петровна, снова повертывая Варю за плечо и отпуская. — Щей хочешь?

— Я им кофе заварила на завтрак, — сказала Клавдия. И вдруг громко всхлипнула: — Ах, батюшки! Помню, в избу своих пионеров ввела. И сама в красном галстукке... Озираются, вновь им все, а мы им щей предлагаем, Авдотья Петровна, а мы им щей...

— Слезлива ты, Клавдия, стала, — ответила докторша.

В это время явились новые гости. Длинный, как жердь, агроном Рома и маленькая Сима как вошли, так и замерли возле порога, с необычайным интересом глядя на Клавдию. Сима от избытка внимания разинула рот.

— Здравствуйте, гости! Подите сюда, — поманила докторша.

Сима меленькими шажками приблизилась.

— Узнаешь? — показывая на Клавдию, торжественным голосом спросила докторша. — О ком я доклады в твоём клубе ребятам читала? О ней. С пеленок эту героиню помню. Правда, очень-то тогда не приглядывалась. Бегает девчонка и бегаёт. Легонькая. Вроде тебя.

Сима огненно вспыхнула:

— Авдотья Петровна! Вся привольновская колхозная молодежь, которая сознательно рвется к культуре, заинтересована в росте...

— Уймись, уймись! — замахала руками Авдотья Петровна. — Не на митинге. Сядь лучше, кофею выпей. Что ты как скованная? — неодобрительно заметила докторша.

— Авдотья Петровна, а я щей хочу! — задорно крикнула Варя, чувствуя, что именно этот ее задор и нравится докторше и потому можно с веселой уверенностью закричать: «Хочу щей!» — и в ответ засмеются и еще больше тебя станут любить.

И правда, Авдотья Петровна засмеялась и сказала, что любит неробких людей.

Варя села рядом с Людмилом на широкую лавку за чисто вымытый, не покрытый стол. Это был удивительно уютный, располагающий к еде стол! Во всяком случае, едва Варя взяла ложку, как почувствовала приступ такого нетерпеливого голода, что насилу дождалась, пока дадут щей.

— Ешь! Не зевай! — смеялась Варя Людмилу.

— Не зеваю.

Они взялись уплетать кислые щи со свининой. Им было весело. Остальные гости не так свободно себя чувствовали. Агроном стоял у порога, обдумывая дальнейшее поведение: стоять ли столбом здесь или, преодолев расстояние от двери до лавки, занять место возле Симы? Сима-Серафима не притронулась к кофе. Бедная Сима-Серафима! Как она мучилась своей скованностью, как хотела она расковаться! Но нет, не могла. Вся пылая, она разглаживала на коленях розовую юбку и не поднимала глаз.

Дед прогуливался по комнате. Как всегда, у него был строгий вид. Несмотря на строгость, именно дед заметил мучения Симы и посочувствовал ей.

— Что-то вы собирались сказать? — дружелюбно спросил Симу дед. — Ну-с?

— Наша колхозная молодежь, перед которой раскрылись горизонты...

Докторша крякнула от досады. А длинноногий агроном определил линию поведения. В два шага преодолев расстояние от двери до лавки, он сел возле Симы. Не зная, как ее поддержать, он положил на колено Симе свою соломенную шляпу, круглую, как колесо.

— Наша колхозная молодежь... — возобновила она.

Но ей не удалось дотянуть фразу до конца. Дверь распахнулась, и открылась картина. В сени набился народ. Это была знакомая нам босая компания, выросшая вдвое по дороге от клуба в погоне за лазоревым «газиком». Мальчишки как взмыленные примчались в проулочек

Климановых, изнемогая от любопытства, с распаренными, словно из бани, багровыми лицами. Теперь каждый стремился раньше других занять выгодную позицию. Задние становились на цыпочки, наваливались на плечи передним, напирали, пока один, самый шустрый, тот, у которого на животе под майкой был набит целый склад жестянок и банок, не перелетел через порог и, гремя банками, растянулся на полу. Мигом вскочил. Двинул кого-то. Кто-то двинул его, и вся босая компания, пользуясь свалкой, втиснулась из сеней в дом.

— Здравствуйте-пожалуйте! — разводя руками и кланяясь, сказала Авдотья Петровна.

— Здрасс... Авд... Петр...

Они таращили глаза на высокого седого военного и светлолицую тетеньку с пучком светлых волос, стоявшую у окна, скрестив на груди руки и улыбаясь. Кто такой военный, мальчишки не знали. Что же касается тетеньки, сомнений не могло быть.

— Она! Клавдия! Климанова! — загудели мальчишки, продолжая налегать и наваливаться на передних.

— Тетенька Клавдия, мы вас в музее видели, в рамке, — сказал шустрый, сумевший, как всегда, пролезть впереди всех.

Ему дали в спину тумака:

— Молчи про рамку!

— А как вы на войне сражались?

— А как вы в Болгарию попали, тетенька Клавдия?

Сима в досаде шлепнула агроному соломенную шляпу у себя на коленях. Этот вопрос и вертелся у нее на языке, а она добраться до него не сумела, застревая на официальных вступлениях.

О том, как Клавдия Климанова попала в Болгарию, можно бы написать отдельную книгу.

Это была бы полная необыкновенных происшествий история об удивительной судьбе комсомолки из села Привольного. О том, как в конце сорок первого года комсомолка ушла добровольно на фронт. Сначала была санитарструктором, потом стрелком, пулеметчицей. Полк попал в окружение. Клавдию взяли в плен. Чудом спаслась от расстрела. Чудом не погибла от голода. Клавдию держали

в лагере, пока не вышел приказ отобрать из пленных кто помоложе и покрепче, послать на работы. Втиснули в теплушку, полную пленных и мобилизованных немцами женщин и девушек, повезли. Через границу, чужие государства. Привезли. Горы, горы. Невысокие, с пологими склонами, без конца, без конца, без конца, полыхающие бордовыми и оранжевыми красками! Небо над горами, голубое и нежное. Что за страпа? На стапциях немецкий разговор, немецкие окрики: хальт, хальт, шнель!

На станциях немецкое начальство, мундиры, свастика. Германия? А по склонам гор и в долинах виноградники. Виноградные лозы гнутся к земле под тяжестью ягод. По склонам гор и в долинах в беспорядке разбросаны селения из глинобитных и каменных хат. На плетнях

и на крыльцах, под черепичными крышами, связки пламенно-красного, жгучего перца... Тихо идет по горной тропе, сгибаясь под коромыслом, древняя, в черном, старуха с убитым лицом...

Нет, не Германия.

Это был редкий, почти исключительный случай, что фашисты пригнали Vestarbeiter на работу в Болгарию. В Болгарии своих дешевых рук с избытком хватало. Обычно бесплатных рабочих немцы везли к себе или в те подчиненные страны, где была развитая промышленность. Но, видимо, появились какие-то тайные соображения у немецких хозяев Болгарии, если однажды целый эшелон пленных направили сюда. Видимо, фашисты решили бросить подачку союзникам — кулакам и болгарским помещикам: нате вам даровых батраков!..

Так или иначе, Клавдия с эшелонем пленных очутилась в Болгарии.

Клавдию поместили в рабочий женский батальон, стали гонять на ремонт шоссе и железнодорожных путей. Была осень, а солнце как встанет утром из-за пылающего золотом и багрянцем кургана, так и плывет по голубому, без облачка небу и на западе сядет за другой такой же курган, в таком же багрянце и золоте.

Однажды ремонтниц прислали чинить горную дорогу на высоком перевале. Все вокруг завесил туман. Ничего не видно, кроме разбитого шоссе под ногами да поросшего буками крутого обрыва с одной стороны и стены из гранита — с другой. Когда туман разнесло, глазам открылась гора. Эта гора выделялась среди других гор сияющей белизной снега, величавым простором и памятником в виде туры. Это была Шипка. Клавдия глядела на Шипку, и слезы кипели у нее в сердце. Ведь она хранила Записки! Она уберегла их от обысков, от надсмотрщиц и шпионок в рабочем женском батальоне. От сырости, холода. И как поразительно — Записки были о Шипке!

Ремонтниц не держали на одном месте. По мере надобности посылали туда и сюда.

В одну весну напротив участка, где работала Клавдия, на склоне некрутого кургана старый чабан в огромной шапке из бараньей шкуры, с белой сумой через плечо пас овец. Овцы рассыпались серыми курчавыми катышками по зеленому склону, а чабан играл на волынке.

Ремонт был закончен. Ночью, когда фашисты переправляли по шоссе орудия, произошел взрыв. Десять грузовиков взлетело на воздух.

После, когда Клавдия бежала из лагеря и две недели в поисках партизан скиталась в горах, погибала от лихорадки и голода, ее, ослабевшую, отчаявшуюся, нашел тот чабан с волынкой. Выходил, вылечил и переправил в партизанский отряд, где был начальником его сын, Василь Хадживасилев.

Вот что Клавдия рассказала о том, как попала в Болгарию. Верно, надо бы писать о ее скитаниях и борьбе отдельную книжку.

Но что всего удивительнее: каких только бед и опасностей ни случалось испытывать Клавдии — на войне, в плену, в партизанском отряде, — берегла и сберегла увезенные из дома Записки. Память о России, о доме, о тихой Оке, о соснах с горящими на солнце, как раскаленная медь, стволами, о дружбе с пионервожатой Варей, о барже, увозящей в октябре на рассвете пионеров из Привольного...

— Ни разу, ни разу не выпускала из рук Записок. Только однажды хотела отослать... К вам отсылала... Арсений Сергеевич.

Он резко остановился:

— Извольте шутить?

— Какие шутки, Арсений Сергеевич! На пороге у вашего дома были Записки. Почти что в ваших руках...

Седые брови деда сдвинулись. Ох, Варя знала, что это значит, что сейчас будет!

— Извольте шутить?

— Арсений Сергеевич! Вспомните, приходил к вам человек в сорок девятом... По описанию вижу: вы были...

Что с дедом? Его будто качнуло. Что-то беспомощно стариковское внезапно отразилось в лице. У Вари защемило сердце: она привыкла к уверенному деду, крутому дядову характеру, она ужасно испугалась незнакомого стариковского выражения его лица.

— Год несчастий.

— Да, — ответила Клавдия. — Так Василь и понял. Муж мой... Василь...

— Это был он?

...Летом 1949 года в Советский Союз на Сельскохозяйственную выставку приехала делегация из Болгарии. В составе делегации был Василь Хадживасилев из Долины Роз. В те времена в Советском Союзе туризм не процветал, иностранцы приезжали к нам в те годы нечасто, простые советские люди и вовсе мало встречались с иностранцами.

В это время Василь Хадживасилев появился в Москве. У него была целая куча важных и интересных дел и вопросов. Надо обегать великолепную Сельскохозяйственную выставку, богатейшие ее павильоны. Поделиться на встрече со специалистами опытом разведения роз. Съездить в подмосковные показательные совхозы, посмотреть, как прекрасно идет хозяйство, когда есть условия и приложения умение и знания. А как не сходить в Большой театр на лучший, талантливейший в мире балет! А Художественный, где на зеленоватом занавесе одиноко летит белая чайка! А Третьяковка? А московские улицы, а Красная площадь с кремлевскими причудливыми стенами и темными елочками! А памятник Пушкину, у которого в любую погоду положен кем-то букетик цветов! А Мавзолей Ленина! Словом, только под конец своей стремительной, почти скаковой, бессонной от впечатлений командировки в Москву Василь Хадживасилев собрался к полковнику Арсению Сергеевичу Лыкову у Покровских ворот по адресу, написанному дрожащей от волнения рукой жены Клавдии.

«Увидишь Варю, — наказывала Клавдия, — передай: помню, люблю! А что не пишу... так разве расскажешь в письме? Да и где они, неизвестно. Может, тоже стоит дом пустой...»

После войны Клавдия посылала домой, в Привольное, письмо. Что отец и братья погибли, она знала еще на фронте, до плена. «Родная моя, ненаглядная мама! Как ты живешь, моя одинокая?» — писала Клавдия матери. Долго писала, несколько дней. Наклеила на конверте марок, перечитала адрес: «Советский Союз, Рязанская область, село Привольное, колхознице Климановой», — разрыдалась.

Далеко село Привольное — на Оке, далеко!

Отослала письмо на родину и стала ждать ответа. Месяц, два, три ждала, а там и ждать бросила.

Ответ пришел почти через год. Вернее, не ответ, а вернулся по обратному адресу Клавдии конверт, весь в штемпелях и печатях, с припиской по краю: «Климановых от

войны в живых никого не осталось, дом стоит пустой». Подписано: «Начальник районной почты».

Должно быть, начальник, нелюбопытный или боясь проявить любопытство, не распечатал конверт, присланный из болгарского города Казанлыка неизвестной гражданкой Хадживасилевой Клавдией, вернул письмо непрочитанным.

Так Клавдия узнала, что и матери ее нет в живых. Больше никому не писала, пока не выпал мужу случай ехать в Москву...

Василь Хадживасилев пришел в дом полковника Арсения Сергеевича Лыкова под вечер. Пришел справиться, тот ли он полковник Лыков, кого ему надо... Поднялся на третий этаж, позвонил.

— Кто? — послышался за дверью мужской голос.

— Здесь живет Арсений Сергеевич Лыков?

Там помедлили. Затем ключ повернулся, снялась пепочка, дверь открыли. Высокий военный с жесткой щеткой сидящих волос надо лбом стоял на пороге, держа за скобу дверь, и настороженно глядел на вошедшего.

— Вам кого?

— Варю Лыкову, — сказал Хадживасилев.

Военный как будто вздрогнул и не ответил. Не отстранился, по-прежнему загораживая вход в прихожую.

— Варвару Арсеньевну Лыкову, — повторил Хадживасилев, смущенный настороженностью и недружелюбием военного.

— Зачем?

— Одна близкая подруга поручила...

— Варвары Арсеньевны нет, — сказал военный.

— Где же она?

— Умерла.

— О! — невольно вырвалось у Василя.

Все было мрачно — неосвещенная прихожая, замкнутость военного и печальная весть о смерти вожатой Вари, о которой он слышал столько рассказов от своей жены Клавдии.

— Давно ли она умерла?

— Недавно.

Полковник односложно отвечал и смолкал.

- Отчего она умерла?
- От чахотки и...
- И?..
- От чахотки.

Снова наступило молчание. Василь Хадживасилев чувствовал себя связанным, он не свободно говорил по-русски. Почему-то он никак не предполагал смерти пионервожатой Вари.

- У меня к ней письмо, — сказал он.
- От кого?
- Я приехал из-за границы.

Зачем он сказал так? Если бы он объяснил: «Я болгарин, из Долины Роз, возле Шипки». Назвал бы себя! Ах, Василь Хадживасилев, зачем он не догадался себя назвать! Он мог бы захватить с собой Записки! Из осторожности он их оставил в гостинице, думая принести в другой раз, если найдет полковника Лыкова. Показал бы военному тетрадь в красном сафьяновом переплете, все сложилось бы между ними иначе!

— Я зашел узнать... если это вы, мне поручили передать... ей или вам... — старательно подбирая слова, заговорил Василь, от напряжения с особенно нерусским акцентом. — Велели передать из рук в руки...

— Мне не могут ничего передать из-за границы, — перебил военный презрительно, с ледяными иголочками в серых глазах.

- Я ваш друг!
- У меня нет друзей за границей.

Он закрыл дверь. Без хлопкá, непримиримо, твердой рукой.

Василь ушел. У Василя было тяжело на душе. Он понял, что угрюмый полковник несчастен. Постойте! А полковник ли он, Арсений Сергеевич Лыков, этот замкнутый, неподступный военный? Ведь он ничего не сказал, кроме того, что Варвара Арсеньевна умерла от чахотки. Решительно ничего больше не сказал военный, ни слова о себе, и закрыл перед Василем дверь, приняв не за того, кем он был.

Василь попробовал еще раз сходить по адресу у Покровских ворот. На звонок не открыли.

Пора было уезжать. Василь положил Записки на дно чемодана и увез домой, в Болгарию.

Дед сказал: от чахотки. Варя знала, что у ее мамы, пионервожатой Вари, в одну злую весну вспыхнул туберкулез. Это был старый туберкулез. Пионервожатая Варя заработала его в Привольном, когда в октябре 1941 года прыгнула в ледяную Оку спасать свалившегося с мостков мальчишку, потом долго стояла на барже, на ветру, под дождем, в мокром платье. Старый туберкулез дремал до поры до времени, как говорили врачи, а потом, при благоприятных обстоятельствах, вспыхнул, и пионервожатая Варя, мама, сгорела, как на костре.

Это Вале известно. Постепенно дед все ей открыл. Время от времени возьмет и осторожно расскажет какой-нибудь фактик. Дед жалел ее детство. В общем, у нее было беспечальное детство. Немного странное.

«Девочка, где твой папа?»

«У меня дед».

«А мама?»

«У меня дед...»

Он ее удочерил, дед. Дал свою фамилию—Лыкова, свое отчество — Арсеньевна. Варвара Арсеньевна. Мама тоже была Варварой Арсеньевной Лыковой. Правда, странно?

Как Варя помнит, всегда они жили с дедом одни. Майя появилась в последние годы, а раньше они жили вдвоем. Дед читал лекции в академии, а потом приходил домой и хозяйничал, варил обед, убирал квартиру. У них была небольшая квартирка.

«Слава богу, маленькая», — говорил дед.

Варя помнила один давний случай. Она была первоклассницей.

Учительница проводила беседу на тему о героизме наших отцов. Ведь не очень давно была Великая Отечественная война, отцы воевали. Учительница ласково спрашивала: «А твой папа?» И каждый маленький мальчик и маленькая девочка поднимались и, раскачивая от смущения крышку парты, тонким голосом отвечали: «Мой папа воевал с фашистами». Или: «Мой папа делал танки, а мама работала в госпитале». Или на заводе, или еще где-нибудь.

Когда очередь дошла до Вари, учительница на секунду задумалась и пропустила Варю, словно ее не было в классе. Варя хотела ответить: «У меня дед был разведчиком»,

по ее не спросили. Затем учительница подвела итоги опроса, сделала вывод о героизме отцов.

После урока первоклассницы обступили Варю, и одна девочка с Вариного двора, чистенькая, с кружевным воротничком и большим белым бантом на затылке, сказала: «А у нее нет отца, у нее совсем нет отца, никогда не было, она без отца!» — и глядела на Варю с любопытством и каким-то превосходством. Все стояли кружком возле Вари и глядели на нее, как эта девочка. Ей стало невыносимо стыдно, обидно и горько, и, не зная, как защититься от стыда и обиды, она ударила девочку с бантом, расцарапала щеку и подбила под глазом синяк. Побитая ревели благим матом, учительница старалась ее успокоить, та пуще ревели. Учительница со злом кинула Варе: «Вот что ты наделала!» А вечером к деду пришла соседка со двора, мать девочки с бантом, объясняться.

Варя лежала уже в постели, на своем жестком тюфячке, под байковым одеялом, и почему-то дрожала, ее трясло, как в малярии, она чувствовала, что-то ужасное и непоправимое случилось в ее жизни, но не плакала. С сухими глазами она думала, что завтра снова изобьет девочку с бантом, исцарапает в кровь.

— Безотцовщина! От кого попало детей нарожают, чего от таких ждать! — услышала Варя из соседней комнаты.

— Подите вон! — услышала она тихий, страшный голос деда и вытянулась под байковым одеялом, холодная, как ледяная сосулька, ожидая чего-то.

Спустя некоторое время вошел дед.

— Спишь?

— Не сплю.

— У тебя была хорошая мать, очень хорошая, лучше твоей мамы не бывают на свете, запомни.

— А отец?

Из соседней комнаты в открытую дверь шел свет. Варя видела, дед расстегнул воротник гимнастерки.

— Мама ушла от твоего отца... Мама в нем обманулась. Но тебя это не касается, ты поняла?

Варе было семь с половиной лет. С тех пор она ни разу не спросила деда об отце, но время от времени кое-что он сам ей открывал.

Вечерами дед работал. Он любил работать у себя в маленьком кабинете, тесно заставленном книгами, когда

знал, что Варя спокойно спит за стеной. Дед не знал, что иногда Варя не спит. Уткнувшись в подушку, она задыхалась от слез, потому что иногда на нее находила тоска и жалость к маме, бедной пионервожатой Варе, которая прибежала однажды с ребенком на руках из своего нового дома, от мужа, в их небольшую квартирку у Покровских ворот. Это было как гром посреди ясного неба. Ведь дед и не подозревал, как плохо жилось его дочери, пионервожатой Варе, как она обманулась! Вскоре после этого у нее вспыхнул давний, дремавший до поры до времени туберкулез. Василь Хадживасилев пришел, может быть, через неделю после похорон, и дед совсем не за того его принял. Дед тогда был убит горем...

А вот теперь все раскрылось. Обидно. Пусть бы уж лучше не раскрывалось, что Записки были у порога, почти что в руках.

— Дед, не расстраивайся, — сказала Варя просительно.

Он отвернулся к окну. Занеся руки на поясицу, он стоял, и Варя видела его пальцы, переплетенные так сильно, что отлила кровь.

— Что я вспомнил... один вопрос пришел в голову, да... вот что! — суетливо заговорил агроном, беря с Симиного колена шляпу и обмахиваясь от духоты. — Едем утром в Малыше, а Арсений Сергеевич... Арсений Сергеевич без всяких намеков раз взглянул и угадал.

— Правда! — воскликнула Варя. — Правда! Прав...

У нее оборвался голос. Она не могла больше видеть переплетенные пальцы деда.

— Чего? Чего? Чего угадал? — закричали ребята.

— Что я ленинградец, вот чего! Раз взглянул — угадал. Талант разведчика, а?

— Куртка выдала, — сказала Сима. — И образованность. Общий вид.

— Дед! — позвала Варя.

Он обернулся.

— Куртка выдала, — скупно повторил он.

Агроном одернул эффектную, с «молниями» и накладными карманами куртку, поставил шляпу на голову, как цилиндр Чарли Чаплина, и сам же первый захохотал над своим остроумием.

Кот, нервно вздыбив шерсть, шмыгнул с лавки под пещку от его громового хохота. Ребята принялись толкать друг друга. Ребята соскучились, их активные натуры жаждали действия.

Скоро от них потребовались действия. Они неслись по селу, огородам, избам, по всем колхозным заведениям, заделавшись по приказу Авдотьи Петровны глашатаями.

— Вы не рассыльные, вы глашатаи, — сказала Авдотья Петровна. — Глашатаи, — внушала она, стучая пальцем по лбу кого попадет. — Скачите, разглашайте народу: в девять, как солнце зайдет, сзываем привольновских колхозников в клуб на рассказ нашей Клавдии Климановой, по-болгарски Хадживасилевой...

Сима онемела. Теперь она была нема не от скованности. Она вообразила сегодняшний вечер, набитое людьми помещение, Клавдию на сцене, а народ валит и валит со всего села! Таких волнующих мероприятий привольновский клуб еще не видывал!

— Цветов на вечер запаси, — велела докторша. — А больше ничего не готовь. Вступительную речь не вздумай подготавливать, смилуйся. А тебе, агроном, наверно, в поле пора.

Она выпроводила обоих за дверь. Лазоревый «газик» победно гуднул за окном и помчал Симу-Серафиму в клуб, Рому-агронома — в шестую бригаду.

— Уф! — сказала докторша. — Уф и денек!

— Стоило прискакать из Москвы, — ответил дед.

— Как же не стоило! — воскликнула Клавдия. — Увиделись, узнались. Жили — не знали, не зная и прожили бы и не встретились бы, не случись случая... — Она всхлинула.

— Слезлива ты, партизанка! — удивилась докторша.

Дед прошелся по комнате, рассеянный и погруженный в мысли.

— Варвара, завтра утром в Москву, — сказал дед.

— Завтра? Людмил, вместе? Ура! Завтра, вместе. Ты рад?

Он покачал головой. Варя набрала в рот воздуху и... задохнулась. Что он? Что он? Пусть бы он скрыл, пусть бы хоть не при всех!

— Людмил! Ты не рад?

— Рад.

— Ты говоришь «нет».

— Я говорю «да».

— Как же «да», когда «нет». Где же «да»? Головой качаешь, что нет.

Людмил, не понимая, оглянулся на мать. Она залилась смехом. Она так же легко смеялась, как плакала.

— Варя! Милка моя! — счастливо заливалась она. — Это и есть по-болгарски «да», что головой покачал. Покачал — значит, согласен. Я, бывало, тоже запутаюсь... А он рад, как же не рад?

— Идем в сад, Варя! — позвал Людмил, чуть смущенный.

Варя надела пальтишко. Солнце светило вовсю, но было не жарко. Варя оделась не потому, что не жарко. Ей нравилось ее голубое пальтишко и желтое платье с оборочками. Она мельком глянула в зеркало и увидела праздничную и нарядную девочку.

«Кто это такая красивая? — удивленно и радостно мелькнуло у Вари. — Неужели я такая красивая?»

Она побежала в сад, обгоняя Людмила.

Сад был белый, как утром. Тоненько звенели пчелы. Тихими басами гудели шмели. Нехотя, словно в раздумье, опадали с яблонь лепестки. Земля под яблонями была усыпана лепестками. Они плавно и медленно слетали и, как маленькие парашютики, опускались на землю. Кажется, они тоже звенели.

— Слышишь? — спросила Варя.

Людмил догнал ее и шел сзади узенькой дорожкой между яблонями. Утром они сделали круг. Они вышли по этой дорожке из сада на лужайку. Потом шли вдоль Оки до мостков. Поднялись в село и на лазоревом «газике» вернулись домой. Сейчас они опять у начала круга. Варе хотелось оглянуться на Людмила, но она медлила. Ей было весело и чуточку страшно и ново. Она оглянулась и встретила с его черными, как черносливинины, глазами.

— Идем на Оку, — сказал Людмил. — Снова туда, где мостки.

— Понравилась тебе наша Ока? У вас есть такие реки в Болгарии? — спросила Варя.

— Есть велика Марица. По дороге в Россию проезжаешь Дунай. Бистор, прозрачен Дунай.

— А сестры-братья у тебя есть? — спросила Варя. — Нет? У меня тоже нет. А у вас дружат в классе ребята? У нас ничего, дружат, а девчонки... то водой не разольешь, то отворачиваются... У меня, правда, есть две верные подружки, две вернейшие... и второстепенные есть. А отец где у тебя работает? Да что я! Ведь он в Долине Роз работает. Ты тоже собираешься разводить розы?

— Слишком это тихая работа.

— Ага, — понимающе кивнула Варя, — хочешь бурной жизни?

— Не хочу сидеть на месте.

— Ага, мечтаешь быть капитаном? Или летчиком на реактивном? У нас почти все мальчишки мечтают быть реактивниками. Или физиками. Или в крайнем случае чемпионами спорта. Все мальчишки хотят бурной жизни.

— А ты?

— Вот не знаю. Плохи дела; не знаю, чего я хочу.

— Смешная! — сказал Людмил. — Смешная, смешная, — повторял он и улыбался.

— Смотри-ка, — сказала Варя, не находя, что ответить. — Смотри, где солнце! Половину неба обогнуло.

— Тогда скорее идем, — заторопил Людмил, беря Варину руку.

Ого, большая у него рука! С такими ручищами можно заделаться капитаном дальнего плавания! У них в Болгарии ходят в дальние плавания? А то, если хочет, пусть приезжает к нам. У нас можно плыть в Арктику. Плыви куда хочешь, во все океаны.

— Ты приедешь к нам еще когда-нибудь, Людмил?

— Наверно, да! Ты говоришь, бурная жизнь... У поэтов бурная жизнь?

— Вот что! Ты хочешь быть поэтом! — удивилась Варя. — Ни одного поэта не знаю... Ты первый!

— Нет. Просто люблю стихи. Слушай, какие стихи написал один болгарский писатель:

Есть розы красные —
Они напоминают цвет живой раны,
И каждый их цветной лепесток
Похож на кровавое пятно...
Есть розы белые, белые, как луна.
Это розы грустной одинокой мечты...

Тебе нравится?

— Да. Немного странно. Грустно немного. Снова про розы... Чувствуется, что ты из той Долины... Должно быть, у вас красиво! Розы и горы, горы и розы... Знаешь что? — вдруг перебила она себя. — Подожди немного, я проведу деда.

Она побежала домой. Отчего-то ей захотелось непременно проведать деда. Сию минуту!

Она вбежала в палисадник и через изгородь увидела уходящую вдаль по дороге Клавдию. Накинув шарфик, Клавдия поспешно куда-то шагала. Может быть, в клуб — поглядеть, что за клуб такой, где ей придется выступать сегодня вечером. Может, она захотела повидаться с кем-нибудь из «девчат», кто еще не успел ее навестить; поглядеть, как идет у них работа в колхозе. Ведь до войны Клавдия колхозу была не чужой. Докторша тоже ушла принимать больных. Окна в избе были распахнуты, свежий ветерок веял из палисадника. Черный скворец свистел под окном на рябине, на крылечке скворечни. Кот бесшумно следил за скворцом с подоконника своим зеленым загадочным взглядом.

Дед был дома. Он лежал на атласной кушетке, на спине, закинув под голову руки. Издали лицо его казалось серым и очень худым. Варя приложила к губам палец и в беспокойстве глядела на него, не решаясь подойти. Дед услышал:

— Ты?

«Дед! я тебя люблю. Я прибежала, потому что люблю. Мне хорошо, необычно. Хочу, чтоб тебе тоже было хорошо, необычно», — так стучало Варина сердце.

Но у них с дедом не приняты были нежности. И она сунулась в рюкзак, будто что-то ища в полупустом рюкзаке, приговаривая вполголоса:

— Вот вернулась на минутку... Где она, эта вещь, непонятно...

— Подойди, — позвал дед.

Она удивилась и, бросив рюкзак, подошла.

— Что ты, дед?

— Прилег, — сказал он, как бы извиняясь. — Знаешь что? Надо мне торопиться. Напрасно я сюда приехал. Нельзя тратить дни. Надо спешить. Понимаешь идею? Две великие войны... Год семнадцатый. Год сорок первый. Записать факты, свидетелем которых и участником был. На Шипке не был, но имею я право счет подвигов народа начать с «сидения» русского войска на Шипке? Там были мой мать и отец, твой прадеды. Как нужны мне Записки! Шипкинские записки. Понимаешь, как они мне нужны! Не повезло, ничего не поделаешь! С возу упало — пропало. Скорее в Москву, за письменный стол, надо успеть!

— Успеешь, дед.

— Не уверен...

— Дед! Должно быть, ты сошел с ума, — дрогнув, ответила Варя.

— Не совсем. Когда человеку перевалит сильно за семьдесят...

— Дед, не надо! Пожалуйста...

Он приподнялся на локте, поглядел на ее сморщенный нос и выпяченную нижнюю губу и поспешно, с виноватой ноткой ответил:

— Есть не надо! Ложная тревога. Иди гуляй с Людмилом Хадживасилевым.

— Вот что, не пойду я гулять, — сказала Варя, поднимаясь с корточек и сбрасывая голубое пальто. — Останусь с тобой.

Дед сел. Спустил ноги с кушетки. Посидел, словно примериваясь с силами, и встал, неогорбленный, как обычно.

— Смир-р-рна! — отдал команду, начиная привычную Варю с малых лет игру. — Смир-р-р-на-а! — повторил, раскатываясь басом на «эр-р-р» и певуче протягивая: «а-а-а» — Приказываю: на про-гул-ку! Круго-ом... Стоп!

Он поглядел на часы.

— Восемь тридцать вернуться. Пойдем в клуб слушать Клавдию.

— Есть восемь тридцать вернуться! — крикнула Варя, как от живой воды оживая от его бодрого голоса, веря игре и любя этот мир, где есть родной, неулыбчивый дед с его строгим ежиком и нахмуренным лбом.

— Стоп! — скомандовал он, видя, что она уже подхватила с лавки голубое пальтишко. — А время как ты узнаешь?

— Погляжу на солнце и узнаю.

— Ненадежно. Заговоритесь с Людмилом... Не знаю, как он, а девчонки любят разговоры. Любят длиннейшие вести разговоры. — Он снял с руки часы. — Получай до вечера. Итак, восемь тридцать. Можете прийти прямо в клуб, к девяти. Желая веселой прогулки. Приказываю: чудесно провести день в Привольном! Итак?

— Есть чудесно провести день в Привольном!

Варя выскочила из дома.

— Людмил! Эй, Людмил?!

В саду его не было. Варя выбежала из сада на зеленый лужок, покато спускавшийся к Оке. Там у Оки, у голубой воды, виднелась тонкая фигура Людмила в черном свитере.

— Людмил! Людмил!

Она распахнула руки и побежала вниз, к реке.

«Тик-так-так! — бежали часы у Вари в кармане. — Тик-так-так!» Она подбежала к Людмилу и, вынув часы, приложила к уху.

«Тик-так-так! — стучали часы. — Какая тебе свалилась удача! Вчера ты еще не знала, ты ничего не знала, что будет. Вчера ты не знала Людмила. А что велел дед? Дед велел чудесно провести день в Привольном!»

«Да, правда, вы правду стучите», — подумала Варя и протянула Людмилу часы:

— Н^а. Прислал дед до вечера. Чтоб нам с тобой не опоздать в клуб. Бери, бери, надевай! Дедовы часы, марки «Победа». Носи до вечера!

Она сорвалась и помчалась вдоль берега и слышала, что Людмил бежит сзади, слышала его дыхание у себя за плечами.

Они подбежали к мосткам.

Мостки далеко вдавались в воду. Никого не было на берегу, возле мостков. Были только лодки. Простые рыбачьи и аккуратненькие, покрашенные, для дачников, запертые на цепи и замки.

— Хочу прокатиться по Оке! Хочу, хочу! — сказала Варя в задоре, когда все нипочем, нет преград, подвернись только незапертая лодчонка!

А она и подвернулась. Невзрачная, когда-то кирпичного цвета, теперь полинялая, с облупленной на бортах краской, она как будто их дожидалась, вытащенная наполовину на песок. Даже вставленные в уключины весла лежали в этой лодчонке-дурнушке.

— Едем? — спросила Варя, чувствуя иголки азарта по спине.

— А хозяин?

— Подумаешь, хозяин! Прокатимся по Оке. В крайнем случае, накостыляют по шее, когда вернемся, подумаешь!

Она, балансируя, пробралась в лодку. Людмил столкнул лодку в воду, вскочил. Взял весла.

Вода забулькала у бортов, разбегаясь в стороны серебристыми струйками.

Скоро они были посредине реки.

10

С середины реки Привольное выглядело необыкновенно живописно. Села почти не было видно, оно тонуло в садах, только кое-где уютно и славно краснели и зеленели крыши. Выглядывали кое-где и соломенные, но издали и они были привлекательны. Издали нельзя разглядеть заплатки из мха и лишайников, как на Серафиминой крыше, или развалившихся крылец у изб и растасканных за ненадобностью на дрова дворов и амбаров.

С середины реки видно лишь пышную белизну садов. Ниже к реке будто выписана ровенькая, радостно зеленая каемка лужка. Еще ниже — песчаная полоса. Еще ниже — Ока. Песок теплого бело-желтого цвета. Ока голубая. По Оке движутся и играют солнечные зайчики, такие яркие, что от их блеска и света щурятся и не глядят глаза.

Сидя в лодке, Варя щурилась на Привольное. Лодка уплывала потихоньку. Привольное отодвигалось.

Очарование и лень охватили Варю. Сказывалась ночь в вагоне. Сидя в лодке, она спала и не спала. Слышно, о борта лодки плещет вода, что-то говорит Людмил. Должно быть, она все-таки спит.

— Если бы я умел сочинять стихи, сочинил бы о сегодняшнем дне, — во сне слышала Варя. — Сочинил бы, как

встретил тебя в саду, в Привольном. Знаешь, какое Привольное? Как бело облако, спустилось с вышины и легло у реки. А знаешь, как грохочет камень, когда катится в ущелье с горы? Приезжай к нам в Болгарию, узнаешь. Хорошо, чтобы жизнь неслась, верно? Чтобы всегда было ново. Всегда видеть ново! Вот вижу я... Лодка плывет по реке, Варя сидит в лодке, волосы у нее как веночек из златистых ниточек... Такие я написал бы стихи...

Он неслыханно разговорился! С Вари давно слетел сон, она во все глаза глядела на Людмила. Его фантазии ее поразили. До Людмила никто не посвящал Варе стихов или рассказов, он первый! Конечно, она была польщена воспеванием веночка у нее над головой, но не хотела подать виду и сказала с насмешкой:

— Сумбурные у тебя получают стихи, Людмил. Без рифм. Без идеи. Ни на что не похоже. Наша учительница по литературе вlepила бы двойку за такие стихи.

— Христо Ботев вылетел из Одесской гимназии, его нашли неспособным, а он революционер и великий поэт,— ответил Людмил.

— Христо Ботев учился в России?

— Много наших училось в России. Мы плывем, мы плывем на тот берег, — запел он. — Мы робинзоны, открываем неизвестные земли. Ничья нога не ступала на берег. Мы первые, первые, первые ступили на берег.

Он пел и греб, лодка легко слушалась его.

— Варя, что ты хотела бы, чтобы нас ожидало на берегу? — спросил Людмил, подняв весла, с которых закапал серебряный дождь.

— Приключения, испытания, опасности, риск, необыкновенное, чтобы не забыть на всю жизнь!

— Наперед! Навстречу приключениям, испытаниям, опасностям, риску! — смеясь, воскликнул Людмил.

И налег на весла. Взмах, еще взмах, и лодка зашуршала бортами об осоку. Они вплыли в какой-то пеглубокий затончик. Здесь грести было нельзя. Отталкиваясь веслом, Людмил вел лодку через заросли осоки, пока она не ткнулась носом о берег. Берег был крутой, обрывистый, рыжий от глины, с могучими соснами, тоже рыжими, где-то высоко-высоко, казалось, под самым небом, раскинувшими кроны.

— Поглядим, что за лесище, — сказала Варя.

Они оставили лодку в осоке. Хватится хозяин, — попадет им, пожалуй, за лодку. Ерунда! Очень-то не попадет, все-таки гости. Наперед, как говорит по-болгарски Людмил.

Они стали карабкаться вверх. Людмил взбирался впереди. По повадке его видно было, он знает горы, так свободно и ловко он выбирал место, куда ступить, чтобы не скатился камень или не обвалилась глина, и прокладывал Варетропу. Может, они действительно первыми высадились здесь? Ни следа человеческой ноги.

Лес был огромный. Сосны стояли прямые, как колонны, такие высокие, что надо закинуть голову, чтобы увидеть вершины. Там, наверху, сквозь раскинутые, как руки великана, узловатые сучья, тихо плыло синее небо. В лесу синева неба была гуще и выше, чем над рекой. Белка с красно-оранжевым хвостом помчалась по стволу на макушку, добежала на самый кончик сучка, раскачалась, перемахнула на другую сосну и пошла скакать через весь лес.

Стучали дятлы. Чирикали, порхали не известные Варетреселы.

Под ногами сновали длинные муравьи с круглыми, как бусинки, глазами. Под каждой травинкой и иголочкой хвои кипела жизнь, а от стволов сосен рассеивался розовый свет. Через реку видно Привольное. Когда отсюда, с высоты, смотришь на село, видны дома, улицы, проулки среди садов.

Людмил задумчиво смотрел на Привольное. Ветер шевелил его спутанные волосы.

— Хочу все запомнить в Привольном, — сказал он, встряхивая головой и откидывая со лба лезший в глаза клочок волос. — Вон там мать бежала догонять пионервожатую Варю, махала Записками, а баржа уплывала. Мать заплакала. Она часто плачет... Женщины часто плачут. А ты?

— Я нет, — сказала Варя.

— Я заметил, ты храбрая, — сказал Людмил. — Вообще ты могла бы сойти за мальчишку.

— Вот как?

Отчего-то Вале стало досадно.

— Хочешь немножко пройдемся по лесу? — вежливо спросила она.

Он посмотрел на часы.

— Еще есть время. Идем.

Они пошли сосновым бором. По хвойному настилу было мягко идти, как по ковру. Ноги скользили. Пахло смолой. Видно, Людмил был сыном природы, хотя ему нравился городской шум, реактивные самолеты, поезда и все такое, но чувствовалось, что он очень любит природу. Налетел порыв ветра, сосны зашумели негромким густым шумом. Прокатилось по лесу и где-то затихло в глубине.

— Тебя застигала буря в лесу? — блестя глазами, спросил Людмил. — Когда в горах разыграется буря, дубы и буки с корнем выворачивает. Ветер несется! Ты любишь?

— Не знаю. У нас в Москве как-то не помню особенных бурь, — сказала Варя. — Снег выпадет. И то мало. Чуть выпадет, сейчас же сгребут. Или соли накидают, он и растает.

— Смешная, — сказал Людмил с ласковой улыбкой.

Они шли громадным, высоким, просторным бором, через его розовый свет, под его тихий, величавый гул, под скрип медленно раскачивающихся из стороны в сторону сосен. Сначала они шли без дороги, запоминая предметы, и, оглядываясь, видели: вон там, где возле сломанной и опаленной сосны широко раскинулся старый ореховый

куст, там и есть спуск к затончику, там, в осоке, спрятана лодка.

«Не заблудиться бы!» — думала Варя и все оглядывалась на сломанную сосну и ореховый куст.

Потом сосны расступились, образуя вытянутую овалом поляну, заросшую сплошным малинником, так что через него было трудно продрасться, но продираться и не надо — к малиннику вела дорога. Настоящая дорога, с колеями, но давно, должно быть, заброшенная. Откуда она взялась? Лес начал меняться. Сосны остались идти по берегу, а в глубину росли темные ели, такие старые, что нижние их лапы от старости опустились на землю и не могли подняться; росли березы, тоже старые, с пятнистыми, в бородавках и темных наростах стволами и растрепанными ветками; выбежал откуда-то овражек, вдоль овражка расселись кусты бузины, встал ольховник. А дорога, необъяснимо начавшаяся возле малинника, шла и шла, и Варя с Людмилом, держась за руки, шли по дороге и говорили.

— Люблю ваш виноград! — болтала Варя. — У нас в Москве осенью продают болгарский виноград, вкусный, желтый. Как появятся на лотках, живо очередь!

— Приедешь к нам в Болгарию, — ответил Людмил, — увидишь, после Дуная поезд идет, идет среди гор и долин, и по склонам гор, в долинах целые виноградные поля, целые большие поля! К концу лета, когда собирают урожай, по всей Болгарии вдоль дорог стоят корзины с виноградом. Виноград — наше золото, наш злат виноград!

— Ой-ой! А еще что у вас?

— А еще увидишь красно поле, совсем красно...

— Знаю, красный перец! От него жжет язык. Ах, как хочется посмотреть красно поле! — воскликнула Варя.

Тут они заметили, что далеко забрали от берега, лес стал тенистей и сумрачнее, овраг свернул куда-то вбок и исчез, а перед глазами возникло небольшое, заросшее у берегов светло-зеленькой ряской лесное озерцо, в котором громко квакали лягушки.

— Стоп! Направо! Кругом марш! — скомандовала Варя. — Короче говоря, надо возвращаться домой.

Людмил засмеялся ее команде, и они повернули назад, ни шагу не ступая с дороги, которая привела их из соснового бора, мимо малинника, мимо овражка, в этот дремучий и темный, как в сказке о бабе-яге, лес.

— Варя! — сказал Людмил. — Мне хочется увидеть портрет первой Вари, твоей прабабушки.

— Ничего нет проще, — ответила Варя. — У нас дома висит ее портрет. Я постоянно гляжу на него. Вот увидишь, какая она! И как она улыбается! На ней серебристое платье, она придерживает газовый шарф на плечах... Завтра приедем в Москву, я покажу тебе ее портрет. Людмил, после Советского Союза я люблю Болгарию больше всех стран! Расскажи мне еще о Болгарии. Мне очень интересно. Давай посидим, а ты расскажи.

Они сели на дерево, словно специально для них поваленное близ дороги, чтобы они не могли заблудиться. Варя обхватила коленки руками.

— Давай, Людмил, говори.

— Один раз отец с матерью поехали в отпуск на море, и я с ними...

— Постой, постой, ведь у вас тоже Черное море? — перебила Варя.

— Черно море, солнечен берег, златы пески! Златы пески, как у вас на Оке, только берег очень велик и длинны дюны. Ты выходишь утром на солнечный берег и...

Он не успел договорить: из глубины леса донесся непонятный звук, похожий на стон. Несколько секунд они удивленно прислушивались.

Невдалеке закуковала кукушка. Сначала звонко, отчетливо, потом, словно чем-то испуганная, суматошно и беспорядочно сбиваясь. И смолкла.

— Рассказывай, Людмил!

— И видишь вдалеке, в море, одиноко стоит полуостров. Скалистый полуостров, как видение. На нем Несебр, древний город.

Стон из леса повторился. Они переглянулись, теперь уже в беспокойстве.

— Эй! Кто там, люди! — позвал из леса сильный мужской голос.

— Вот нажелала опасностей! Вот они, — шепотом сказала Варя.

— Не бойся, — ответил Людмил, беря ее за руку.

Варя близко увидела его черные глаза, тревожно расширенные.

— Люди! — звал голос из леса.

Варя и Людмил одновременно поднялись с дерева

и стоял в нерешительности, глядя друг на друга, оба слегка побледнев.

— Помо-ги-те-е-е!..

— У нас в Болгарии, когда зовут на помощь, надо идти, — чуть помедлив, сказал Людмил.

— И у нас.

Они пошли в глубь леса, осторожно раздвигая кусты и перешагивая через валежник. Валежник сухо стрелял под ногами.

— Сюда! — звал голос.

Людмил отвел еловую лапу, и за елью они увидели небольшую полянку. На полянке, привалясь спиной к дереву, сидел бородатый, заросший, как леший, волосами старик в стеганке, в одном сапоге. Второй сапог был брошен в сторону.

Старик сидел в какой-то неестественной позе, широко раздвинув ноги, держась за ружье, лежавшее рядом.

— Оставьте ружье, — сказал Людмил решительным, но напряженным тоном.

Старик отодвинул ружье, закрыл глаза и протяжно застонал.

— Да он болен! — поняла Варя; выскочила на полянку и подбежала к старику. — Вы больны? Что у вас болит? Откуда вы?

Он сидел не шевелясь, а Людмил и Варя стояли над ним. Он негромко постанывал. Потом его отпустило. Он открыл серенькие стариковские, неяркие глазки, увидел их, будто только сейчас, и без удивления сказал:

— Я-то вас жду-дожидаясь. Елки-палки!

11

Это был лесник Захар Ильич, шестидесяти пяти лет от роду. Он давно жил в лесу, появляясь на селе лишь затем, чтобы попариться в баньке с веником и кваском да обратно в лес.

Старуха его жила на селе. Состояла в колхозе, имела огородик, пяток кур да козу. К старику старуха навещалась помыть пол в его лесной избушке, перестирывать белье, щи сварить.

Захар Ильич сам при нужде умел сварить немудреный

обедишко и, когда старуха заболела, управлялся с хозяйством один.

Старик привык к лесу. В лесу у него было много работы. Плюс к тому он был охотником, любил походить с ружьем. А сегодня у лесника произошла неприятность. Видно, шестьдесят пять его годиков стали знак о себе подавать.

Дело в том, что с некоторых пор в округе завелось волчье семейство. Леснику сказали о том известные только ему, но бесспорные и верные признаки. Признаки сказали ему, что в округе ходит здоровенный волчина-отец, добывает волчатам добычу. Подбирался и к избушке. Увидеть серого леснику не пришлось, но лесникова дворняжка Пятнаха вдруг начинала скулить, жаться хозяину в ноги, значит, чуяла незнамого гостя.

«Трусь, елки-палки! Сто-о-рож!» — попрекал Пятнаху старик.

Они прожили вместе десять лет. Уходя из дому, лесник привязывал Пятнаху в сенцах и, возвращаясь, издалека слышал ее приветственный визг и лай. Она бурей кидалась ему на грудь! Лизала его, крутилась волчком, лоя от радости собственный хвост!

Однажды лесник вернулся с обхода: дверь в сени распахнута, веревка оборвана, Пятнахи нет. Убежала? Куда она из дому побежит? Наверно, собачонку уволок повадившийся таскаться к избушке старый волчина. Стащил в логово к волчице с волчатами.

Старик загоревал. Старик дал зарок выследить волчью семью. Разорить. Теперь каждое утро он до рассвета выходил из дому, шагал километры, отыскивая логово.

Сегодня, возвращаясь домой, лесник остуился на ровном месте, упал, да неловко. Поднялся, сгоряча прошагал два десятка шагов. Внезапная боль в ноге прострелила его. Он не мог идти. Тут, на счастье, и подвернулись Варя с Людмилом.

— Мы вас не бросим, не бросим! — уверяла разжалобленная его историей Варя.

— В самый час, ребятушки, на меня набрели. Без ноги-то хушь пропадай, елки-палки! Не киньте, ребятушки.

— Не кинем, не кинем!

— Есть против вывиху средство. Без отказа лечит. Парень, давай. С виду хлипенький ты, а другого выхода нету. Давай?

Старик привалился спиной к осине, вытянул ногу.

— Давай дергай! Со всей силы! Рывком. На себя! О-о!

— Больную ногу? — смутился Людмил.

— Здоровая без леченья здорова. Елки-палки, дергай, велят тебе! Ты мужик или нет? Дергай, велят!

Лесник плотно прижался к осине, уперся руками в землю, натужился.

— Слышь, рвани!

Людмил рванул. В ноге что-то хрустнуло. Людмил, потеряв равновесие, растянулся. Поднялся, сел против старика, перепуганно глядел на него. Старик, прислонившись к осине, хрипло дышал, выпучив серенькие глазки. По волосатому лицу струился пот, из одного глаза катилась слеза, крупная, как горошина. Вытер пот и слезу рукавом. И полез в карман за кisetом.

— Слышали, как в сустав-то вошло? Суставом-то хрустнуло?

Набил самокрутку, не спеша закурил. Видно, боль по-немпогу его отпускала. Он веселел.

— Покурю да испробую, завелась ли нога, елки-палки! Теперя ништо, заработает. Чьи вы, ребяташки? Наших об эту пору в лес не заманишь: ни тебе грибов, ни ягод, ни веников. Чьи? Московски? Так я и определил, что московски.

— А он из Болгарии, — кивнула на Людмила Варя.

— Из Болгарии? Во-о-на откель! То-то, гляжу, кудрявый да черный... Для нас что Болгария, что не Болгария — все едино. Был бы человек хороший, а мы не препятствуем.

Так он рассуждал. А солнце, клонясь к западу, светило между тем уже сбоку. Косые лучи, пробиваясь сквозь легкие молодые листья, светлыми кружочками играли в траве, ласково скользили по щеке Вари.

«Где я? — удивленно думалось Вале. — Где-то далеко, даже и не в Привольном, а за Окой, в каком-то дремучем бору. И Людмил Хадживасилев со мной в дремучем бору, а я только утром его сегодня узнала... И лесник, как лучший, весь зарос волосами... Расскажу завтра ребятам в Москве — не поверят! Я сама не верю, что все это происходит со мной».

— Вставай, эх-ма-а! — крикнул лесник, кончив курить и затушив о землю самокрутку. — Вставай, подымайся...

Ребята помогли ему встать. Он оказался маленьким, щупленьким, когда встал, в шапке серых от седины волос, беспорядочными космами свисавших на лоб и сзади на шею. Растрепанная бороденка распространилась по всему его лицу. Из волос неярко поглядывали слезящиеся стариковские глазки.

— Бросите аль доведете? — спрашивал он, держась за осину. Он еще не доверял вправленной ноге и опасался на нее ступить.

— Доведем, доведем!

Варе лесник дал нести ружье. Сапог понес сам, под мышкой. Людмил вел его под руку. Лесник ковылял, бормоча свое:

— Елки-палки, ребяташки, случай-то, а? Век прожил хуть бы что, а тута на тебе — обезножил!

Варя с ружьем шагала сзади. Можно представить, с какой важностью она шагала, неся на плече ружье, как заправский таежный охотник! Правда, лесник поставил ружье на предохранитель, но кто его знает! Мало ли что предохранитель, возьмет да бабахнет! Можно представить,

какие фантазии бушевали у Вари в голове! Ах, посмотрели бы ребята и Валентина Михайловна! Это вам не Московский зоопарк, где ручные зайчонки хрупают морковку!

Лесник ковылял коё-как, утешительно через каждый шаг приговаривая:

— Теперя маленько осталось. Теперя вот он и дом!

Но они шли да шли, а дома все не было. Наоборот, Варя казалось, лес все глуше и тише. Здесь и птиц меньше, и неба за ветвями почти не видеть.

Избушка появилась вдруг. От места происшествия она была не так уж далеко, как показалось Варя. С одного боку она была обнесена плетнем, за плетнем было вскопано несколько грядок. А сзади и вокруг избушки был лес. Большой вечерний лес. Варя поглядела на небо: где солнце? Солнца не видно. Оно где-то за Окой, за Привольным, там, может быть, еще светится день, а здесь по лесу уже крадется сумрак, собираются тени и елки уже не зеленые, а какие-то неясно фиолетово-темные.

— Тута я и живу, — сказал лесник. — До Оки недалеко. А за Окой тута и наше Привольное. Старуха моя нынче прибежать обещалась.

Избушка была тесная, темненькая, с маленькими оконцами, лавками вдоль стен, столом в переднем углу, с теплым запахом ржаного хлеба и махорки. Людмил подвел лесника к лавке. Тот пошарил по лавке, словно пробуя прочность, сел и суетливо закрестил на груди сивую бороду:

— Слава те господи, слава те, слава те! Дома! Ребятушки, поесть, чай, охота? Оголодали?

Еще бы не оголодать! Когда-то ели кислые щи! С тех пор почти день пролетел. Ребятушки падали от голода!

Печь у старика была вытоплена, в печи стоял чугунок с грибной похлебкой. И вкусна же была эта чуть тепловатая, коричневая от грибного навара похлебка, которую Варя и Людмил ели прямо из чугунка, потому что лесник сказал: «Нечего зря блюдо марать, не министры, и из чугунка похлебаете». С аппетитом они похлебали!

Лесник есть не стал. Доковылял до посудного шкафчика, принес на стол два стакана, начатую бутылку водки. Налил понемножку в стаканы, примерил на глазок, ровно ли; один подвинул Людмилу:

— Пей. Заслужил.

— Спасибо. У нас в Болгарии пьют червено вино, виноградное, — отказался Людмил.

— С червена-то и тощий, как хлыст, — не одобрил лесник. — Что ваша Болгария против нашей Рязанской области, елки-палки! В нашей Рязанской одна Ока ста рек стоит.

Слил водку из двух стаканов в один, опрокинул в рот, крякнул, закусил луковкой с хлебом. И размяк.

— Спасибо, ребятушки, из беды вывели! Как бы я один, обезноженный? Старуха прийти обещалась, к ночи, может, хватилась бы, а где искать? Лес велик, всяко приключиться может...

Еще налил водки в стакан. Выпил. Вытер ладонью бороду и пошел дальше без умолку.

— Историй за век собралось! Все-то и не перескажешь! Старуха моя слушает, слушает да носом и клюнет... Вот раз происшествие было. Заходит ко мне в избушку мужик молодой. По охоте знакомый, Андрonom звать. Медведей мы с ним годиков пять вместе стреляли, с того и дружба... Про медведей тоже история есть. Об этом потом. Сначала, что с тем Андрonom, скажу. Заходит, значит. То да се, посидели, выпили. Захмелели малость. Ночуй, Андрон, говорю. А он: нет. Уперся: нет и нет. Домой, говорит, надо. Дома баба, говорит, с малым дитем дожидается. И пошел. А ночь. Дело зимнее. Лес снегами завален. Глухо. Он давай песню петь, песней себя веселить, чтобы страх разогнать. Глянь, а впереди, на дороге, собака. Серая, уши подняты, хвост поджат. Андрон на нее с пьяных глаз как шумит: «Шу, мол! Прочь с дороги!» Собака как оглянулась, зубами как лязг! Лязгнула, он и отрезвел. Волк! Здоровый, лобастый. Загривок стойком. Уши вверх подняты, хвост поджат, глазищи разбойничьи. А зубы: лязг да лязг. Андрон и струхнул. Ни ружья при нем, ничего. Он и пал духом. А они, волки, чувят, кто их боится. Их бояться нельзя, враз учуют. Тогда пощады не жди. Андрон бежать. Оглянулся: волк за ним. Он шибче. Бежит, задыхается. Разве от серого уйдешь? Тем и кончилось... Утречком, после ночи, пошел участок проверять, а на дороге лежат Андроновы белые косточки. Белым-белые! Всего и осталось памяти от мужика, что белые косточки. Лежат на дороге кучкой, словно кто нарочно сложил... — Лесник снова потянулся к бутылке. — Елки-палки!

Варя, обхватив себя крест-накрест руками за плечи, в страхе слушала лесника.

— Неправда все это! — сказал Людмил, сердито вставая из-за стола. — Неправда! Одевайся, Варя! — позвал он, взяв с лавки ее голубое пальтишко. — Одевайся, идем. Неправду вы о волке рассказываете. Не было так!

— Ты чего? Ты чего? — зачастил лесник, уставив пьяный взгляд на Людмила. — Скорый какой, а? Не так, а? По-вашему, по-болгарски, может, не так, а по-нашему, по-здешнему, в точности так. Наши-то звери...

— Довольно о зверях! — оборвал Людмил. — Объясните дорогу.

Его твердость подействовала.

— Отчего не объяснить? Объясню, — неожиданно добродушно согласился лесник. — Не заметили разве, как шли? Тропкой шли. Тропка до ельничка вас доведет, увидите ельничек, темнай-претемнай, от ельничка к Оке поворот. Сама тропа повернет, вы знайте — не сбивайтесь, а она верно вас выведет... Ночевали бы, ребятушки, а? Вы меня не пугайтесь, я смиренный. Я на печку залезу. О Пятнахе больно скучаю... Бывало, хвостом об пол от радости бьет, как из лесу меня дождется... Ночевали бы, а? Ну, как знаете... Тропки держитесь. Тропка прямо вас к Оке приведет, а бережком и лодку сыщете...

Держась по стенке и лавкам, лесник, покачиваясь и хромя, вышел проводить их на крыльцо.

— Старухи моей долго нету. Встретится, скажите: «Огород, мол, неполитый стоит, хозяин, мол, охромел, не до поливок ему». У-ух, побежит! Она у меня на всякую работу ловка!

Маленький, заросший волосами лесник стоял на ступеньках своей лесной избушки и сиротливо глядел вслед Людмилу и Варя, пока лес не скрыл их из виду.

— До свиданья! До свиданья! — покричали Варя и Людмил.

Дедовы часы на руке Людмила показывали восемь тридцать. Восемь тридцать! Значит, дед ходит дома из угла в угол и ждет, сейчас распахнется в палисадник калитка, затопают резвые ноги в сених и Варя, запыхавшись, влетит в збу: «По приказанию прибыли...»

Но дед ждет напрасно... Но ничего. У них с Людмилом есть резервное время. Дед разрешил в крайнем случае

явиться прямо в клуб к девяти часам. Наверно, там набилось колхозников на доклад Клавдии, в первые ряды не протискаешься, а уж деда-то, конечно, посадят в первые ряды. Может быть, его посадят на сцену, в президиум. Таким образом, они могут опоздать на доклад Клавдии, дед не заметит. Жалко опаздывать, но ничего не поделаешь. Не могли же они бросить лесника без помощи! Не могли они оставить его одного, с вывихнутой ногой под осиной. Когда-то старуха хватилась бы!

Вот что-то не бежит, не встречается им на тропке...

Тропка, заметно протоптанная (видно, по ней нередко ходили), вела через смешанный лес. По сторонам тропки густо росли кусты орешника и черемухи, уже отцветающей, но еще пахучей, и из этих кустов, из их чащобы, таинственно щелкали и по всему лесу раскатывались птичьи трели. Неужели соловьи? Варя, Варя! Соловьев она слышит впервые!

По сторонам тропки поднимался высоконогий молодой березнячок, и в глазах пестрело и кружилось от его бело-пестрых стволов. Темной стеной вставал путаный частый ольховник, показывая, что невдалеке где-то сквозь лес пролегал овраг с ручейком или родниками на дне.

Где же сосновый бор на берегу? Там просторно, там золотисто-розовый свет, ногам весело скользить по усыпанной хвоей почве... «Тропка до ельничка доведет, увидите ельничек, темнай-претемнай, от ельничка к Оке поворот. Сама тропа поворотит, вы знайте — не сбивайтесь...»

— Слушай, Людмил, отчего ты думаешь, что он неправду сказал про Андрона?

— Неужели ты ему поверила, Варя? Он просто пьян.

— Пусть пьян, но отчего ты думаешь, что он сказал неправду?

— Он глупав. У нас в Болгарии почитают старых людей. Но он просто глупав старик...

— Ты на него рассердился... Ты не хотел меня пугать, да, Людмил? Думал, я испугаюсь его истории? Оттого ты сказал, что неправда?

— Сказал: неправда, оттого что неправда.

— Отчего ты так уверен?

— Как он мог знать, что было с Андроном? Как Андрон встретил... ведь он же не мог все это знать, как ты думаешь, Варя?

— Он мог представить.

— Он просто болтуя, твой лесник! А белые косточки на дороге! Кто их кучкой сложил? Неужели ты не поняла, что он сказки рассказывает!

Некоторое время они шли молча. В кустах щелкал, задумывался и снова упоенно свистел соловей.

— Мне кажется, Варя, скоро должен появиться тот ельник, — оглядываясь по сторонам, сказал Людмил.

— Да, наверно. Мы долго идем? Сколько у тебя па часах?

— Девять.

— Значит, там уже начался доклад. Хорошо, что дед дал нам часы, да, Людмил? Будто предчувствовал, как нам пригодятся его часы. Людмил, ты заметил, все сумрачней...

— Напротив, почти совсем еще светло. Сейчас такое время, что почти нет ночи. Скоро покажется ельник. Он не мог напутать. Я посмотрел — от избушки вела одна только эта тропа.

— Отчего-то его старуха не бежит...

— Должно быть, осталась послушать мамин доклад.

— Хорошо бы нам успеть на середину доклада или хоть кончик захватить, верно, Людмил? Как я рада, Людмил, что мы завтра вместе едем в Москву!.. Гляди, как темно в кустах.

— А слышишь, там соловей? Знаешь, когда я снова приеду в Москву, хочу поступить учиться в Литературный институт имени Горького.

— Имени Горького? — спросила Варя. — Есть такой институт? Значит, через сколько же лет?

— Варя! А спачала вы приезжайте с дедом к нам в Болгарию. Я покажу тебе наш город Несебр с красными кровлями. Там есть каменная ветряная мельница. Во всем свете нет такой ветряной мельницы! А крепостные стены обрываются прямо в море. Вечером в бухту приходят с моря сейнеры с рыбой. Полны палубы ставриды и скумбрии. На всех улицах Несебра пахнет морем и рыбой. Когда разыграется буря, брызги от волн долетают до всех улиц. Заборы и стены домов в Несебре немножко солены от этого... Хочется написать какой-нибудь интересный рассказ. Будто ты приехала в Несебр и...

— Людмил! — Она позвала чуть слышно:

— Людмил!

Странно, она все время ждала этого. Шагах в десяти от них, на тропке стоял волк. Он был похож на собаку. Если бы лесник не рассказал им о случае с Андроном, они приняли бы его за собаку. Большую темно-серую собаку с поднятыми ушами и поджатым хвостом. Но это был волк. Что-то было в нем особое, волчье. Он стоял впереди на тропке и глядел на них. Это продолжалось секунду. Он сошел с тропки и исчез в чащобе кустов.

Будь Варя одна, она подумала бы, что ей почудилось. Но не могло почудиться то же самое сразу двоим!

— Ты видел? — шепотом спросила Варя. У нее подгибались ноги. Ей хотелось сесть на землю и заплакать.

— Летом они не опасны, — ответил Людмил немного изменившимся голосом. — Даже зимой они только стаей нападают. Идем. Все равно ведь надо идти.

— Ты думаешь, не стоит вернуться?

— Зачем? Все равно ведь, если он захочет напасть... Он не нападет, летом они не опасны... Идем немножко быстрее. Скоро должен быть ельник.

— Людмил, ты приехал к нам из Болгарии...

— Думаешь, у нас в Болгарии нет волков?

Они быстрыми шагами прошли мимо чащобы, где он скрылся. Из чащобы неслось соловьиное ликование. Оглядело весь лес.

— Людмил, можно оглянуться, как ты думаешь?

— Отчего же?

Они оба оглянулись и увидели позади себя, очень близко, сомкнувшуюся темноту ночи. Быстро надвигалась недолгая июньская ночь, когда между двумя зорями едва замигают бледные звезды, а восток уже розовеет. Но сюда, в лес, ночь приходила лесная, с густым сумраком за каждым кустом и фантастическими очертаниями пней. Ветви деревьев тянутся на тропку, будто хотят схватить. Птичий свист сменяется таинственной тишиной, когда птица, пугаясь чего-то, умолкает и из глубины леса доносятся шорохи, потрескивание валежника, словно чьи-то шаги. А небо светлее леса высоко стоит над деревьями. Слабенькая сине-зеленая звездочка зажглась в нем, одна-одинешенька.

— Людмил, теперь уже не различишь, сколько на дедовых часах?

— Нет, не различить. Варя, я хотел... Что мне пришло в голову... Хочешь, расскажу тебе о Записках?

— Конечно, Людмил... Ой, Людмил!

— Что ты?

— Нет, ничего. Ты, как маленькую, ведешь меня за руку. Я не трушу, не думай. Рассказывай. Но я не трушу, не трушу...

— Так вот... Она была тоже Варей Лыковой. Нет, она стала Лыковой, когда вышла замуж за подпоручика Сергея Лыкова... Но что я тебе говорю, ведь ты знаешь... Ей исполнилось девятнадцать, когда она приехала в наш болгарский городок Габрово в декабре тысяча восемьсот семьдесят седьмого года. Ты ведь знаешь, ей исполнилось в день приезда.

— Да... Людмил, погляди.

Наверно, он уже увидел сам. Вдоль тропы, краем леса, то скрываясь за деревом, то показывая темный бок, легкой трусцой бежал волк. Он сопровождал их. Они остановились. Он тоже стал. В это время выплыл и повис над самой тропой, будто вырезанный из позолоченной бумаги, тонкий серп луны. Глаза волка, отразив лунный свет, блеснули синим и острым.

— Лучше идти, — тихо сказал Людмил.

Он шел по левую сторону Вари. Теперь он перешел направо.

— Зачем? — спросила Варя.

— Так, — ответил Людмил.

Теперь он шел с той стороны, где краем леса, то исчезая за деревьями, то появляясь, бежал трусцой волк.

«Людмил! Как ты бледен при лунном свете, ты очень бледен в своем черном свитере! Если бы мы случайно не попали на лодку с веслами, ничего бы не было. Неужели он нас сожрет, господи!» Жалобный звук, похожий на плач, печально вырвался у Вари из горла.

— И вот... она приехала в Габрово... — запинаящимся голосом заговорил Людмил. — А Габрово в то время все забито лазаретами. Были тысячи раненых. Она приехала в Габрово, потому что...

— Людмил! — перебила Варя. — Зачем я завела тебя сюда, в лес!

Она отчаянным жестом сложила руки на груди.

Синее, острое блеснуло на нее из мрака леса, на мгновение потухло и снова блеснуло, передвинувшись по другую сторону большого, с раскидистыми сучьями дерева.

Совсем недалеко со стороны Людмила Варя увидела длинную волчью морду.

— Ты не завела меня, мы вместе зашли, — сказал Людмил. — Они не опасны летом, не бойся.

— Людмил! — позвала Варя, больно прижимая к груди руки. — Ты умеешь лазать по деревьям?

— Конечно, умею. Почему ты спрашиваешь?

— Людмил, ведь ты комсомолец?

— Да.

— Людмил, дай мне честное святое комсомольское слово, что исполнишь мою единственную просьбу.

— Что-то странно ты говоришь.

— Людмил, дай мне комсомольское слово!

— Ну... нет, сначала скажи, какая просьба.

— Залезь на дерево, самое высокое...

— Пожалуй, согласен.

— Спасибо, Людмил, спасибо! Скорее залезай!

— Сначала ты.

— Людмил, прошу, прошу, залезь на дерево! Я тоже залезу... После тебя.

— Нет, ты сначала.

— Я сразу за тобой залезу, Людмил.

— Он нас не тронет, Варя, не бойся, — ласково сказал Людмил.

— Залезь на дерево. Ну, залезай же, Людмил!

Он взял ее за руку и продолжал:

— Так вот... она пришла в Габрово и явилась к генералу. У нее было письмо...

Они снова медленно шли, держась за руки. Тропа повернула. Посветлевший месяц висел теперь не над тропой, а качался сбоку, между ветвями. По высокому куполу небеса рассыпались, бледно мигая, редкие звезды. Людмил шел, глядя вперед. А Варя изредка поворачивала голову и видела мелькающий среди деревьев со стороны Людмила темно-серый силуэт зверя с длинной мордой.

— Генерал прочитал письмо и сказал: «Я рад оказать вам услугу, но полк, в котором служит ваш жених подпоручик Лыков, стоит на Шипкинском перевале, в жесточайших зимних условиях, и я не могу допустить, чтобы вы...» — «Нет! — отвечала Варвара Викентьевна. — Не остерегайте меня, я не боюсь жесточайших условий...»

— Людмил! — внезапно на весь лес крикнула Варя.

Что-то перевернулось в ней. Сердце забилось короткими тугими толчками.

— Что ей условия, что ей, Людмил! — кричала Варя на весь лес. А сама подняла под ногами сухой сук, весь в лишаях и бородавках. Нерассуждающая, какая-то звонкая отвага толкала ее. Она занесла сук над головой и, почти не сознавая, что делает, вошла в лес.

Серое, длинное вильнуло между деревьями.

— Подлый, иди прочь! — крикнула Варя.

В ту же секунду возле нее очутился Людмил и срывал через голову свой черный свитер.

— Зачем? Зачем? — без слез, но с плачем в груди спрашивала Варя.

— Если кинется, воткну ему в глотку, — обматывая свитером руку, говорил Людмил. — Я читал, так можно, если кинется... задушить... — говорил он, задыхаясь.

Они шли от дерева к дереву и все глубже входили в лес.

— Эй ты, подлый, где ты? — крикнула Варя и ударила сучком о березовый ствол. Сучок хрустнул и переломился, в руке остался трухлявый обломок. Варя отшвырнула обломок. Они шли, шли. В лесу немного посветлело, стало свободнее и шире. Стали реже деревья. Повеяло сыростью. Они вышли на поляну с белой от росы травой.

— Мы заблудились, — сказал Людмил.

Варя подняла ладони к лицу и громко заплакала.

— Не плачь, — утешал Людмил. — Это вовсе был и не волк. Я, правда, на минуту подумал... Ты тоже подумала? Ты смелая. Не плачь. А еще говорила, что никогда не плачешь!

— Никогда, — ответила Варя, открывая лицо. — Просто устала. Очень устала, ноги подкашиваются. Давай отдохнем немножко, Людмил, ты тоже устал.

12

Если бы они и захотели идти, они не знали, в каком направлении. Когда они заблудились? Они пропустили ельничек, от которого лесник велел сворачивать влево. А может, не дошли до него. Где Привольное и Ока? Направо или налево от поляны? Прямо? Далеко или близко? Ни единого звука реки, ни гудка теплохода не долетало сюда.

Только со всех краев, из чернеющей глубины леса и вокруг, неслись соловьиные трели и щелканье... А если он снова появится? Волк или собака, все равно страшно. Ночью, в лесу... Нет спичек, вот беда! Какой ты мужчина, Людмил, эх ты! У тебя нет спичек, а как бы нужен костер! Костер был бы для них спасением. Они прождали бы спокойно до солнца. Надо ждать восхода солнца и тогда определить, как идти. Надо идти на запад от солнца, там Ока и Привольное. Чуть зайаспест утро, Варя и Людмил пойдут от зари на запад и доберутся до дома.

Людмил собрал по краю леса охапку хвороста. Они перетаскивали хворост на середину поляны и сели на охапку спина к спине, для тепла и чтобы не упускать из глаз всю поляну, на случай, если «он» снова появится.

Людмил разыскал два здоровенных сука, один Варя, другой себе. Все-таки защита. Суки могли по виду сойти за ружья. Главное, как известно, не падать духом!

Варя вспомнила, как шагнула на зверя, занеся над головой сучок. Вспомнила хруст хворостины под ногой, темный силуэт, скользнувший во мрак, за деревья, обернувшуюся на миг оскаленную морду — ее обдало холодом.

Она не могла удержаться: стучали зубы от дрожи.

— Лю... Лю... — пыталась выговорить она. — Людмил!

— Упрись об меня крепче, Варя, спиной, так теплее, — сказал Людмил. — Это от сырости ты дрожишь. Свежо. И роса.

Роса выпала такая обильная, что поляна была белой, словно ее покрыло инеем. Лунный серпик висел в голубом небе, блестящий и новенький, как на картинке.

— Роса к жару, — сказал Людмил. — Скоро наступит жаркое лето. Варя, а ведь ты не умеешь лазать на деревья?

— П-п-почему ты спрашиваешь?

— В Москве, я думаю, не научишься лазать на деревья.

— Летом я ез-зз-дила в пионерлагерь. З-з-зз-з... — У Вари стучали зубы.

— Ты хотела, чтобы я залез на дерево и спасся, а сама...

— Хватит об этом вспоминать, — ответила Варя.

— Ты не умеешь лазать на деревья.

Людмил взял прутик и задумчиво сбивал с травы росу. Клок волос свесился у него на лоб.

— Людмил, хватит об этом вспоминать. Лучше рассказывай. Пока ждем утра, расскажи из Записок.

— Ладно. Ты все-таки дрожишь. Прислонись ко мне крепче спиной, для тепла. Я расскажу подробно, все, как было. Слушай, какое необыкновенное совпадение! Когда в декабре тысяча восемьсот семьдесят седьмого года она приехала в наш болгарский городок Габрово, верстах в восьми от Шипки, именно в этот день ей исполнилось девятнадцать! Конечно, случайность, но она мечтала, что подпоручик Сергей Лыков встретит ее с красными и белыми розами. У нас в Болгарии много красных и белых роз.

— Людмил! Очень хочется побывать у вас в Болгарии!.. Ну, рассказывай.

— ...Но она умиралась в дороге, — продолжал Людмил. — Дорога сама по себе тяжела, а Варвара Викентьевна не привыкла к трудностям. За свои девятнадцать лет она не знала лишений, голода или тяжелого труда — всё это было от нее далеко. Никто ее не встречал. В огорчении и тревоге Варвара Викентьевна самостоятельно добралась до гостиницы и в этот же день благодаря письму, которым ее снабдили в Москве, была принята генералом. Он сообщил ей, что подпоручик Лыков всего лишь вчера отослан на Шипку, на передовые позиции, всего лишь вчера.

«Сударыня, — сказал генерал Варваре Викентьевне, — уважая ваши чувства и ваш благородный порыв, я все же настоятельно не рекомендую вам следовать на Шипку в тяжелейших условиях горной зимы. Не женское дело, сударыня! Здесь, в Габрове, сосредоточены лазареты, и деятельности для сестер милосердия, увы, слишком достаточно! Рекомендую, сударыня, задержаться в городе, пока наши доблестные войска при подмоге болгарского ополчения не разобьют под Шипкой турецкие таборы Сулейман-паши».

«Благодарю за участие, — отвечала Варвара Викентьевна, — но я не боюсь тяжелых условий, и долг мой быть там, где мой жених сражается за справедливое дело».

Она была хрупкой девушкой, с тонкой кожей и таким кротким взором, что генерал воскликнул:

«Нет, я не могу послать вас на опасность!»

«А других?»

«Вы женщина, и совсем еще юная!» — убеждал генерал.

«Разве там вовсе нет болгарских женщин?» — спросила Варвара Викентьевна.

Генерал горячо ее отговаривал, но она стояла на своем. И он уступил.

Городок Габрово расположен в предгорье. В городке Габрове много садов, а улицы Габрова во время войны были говорливы и шумны, как горная речка Янтра, которая быстро мчится через город вперед и вперед. Во время русско-турецкой войны там много стояло русских войск и болгарских дружинников и из разных мест съехалось много просвещенных болгар, которые с надеждой следили за ходом военных действий, готовые отдать жизнь за родную Болгарию, судьба которой — быть ей или не быть освобожденной от турецкого ига — решалась в это время русскими войсками на Шипке.

На улицах Габрова до ночи толпились люди, вспыхивали беседы между русскими и болгарами, обсуждались военные вести. По внешности и случайно оброненным словам в Варваре Викентьевне признали русскую, а когда узналось еще, что она направляется на Шипкинский перевал, на передовые позиции, толпа болгар ее окружила, с восторгом крича: «Да здравствуют наши освободители!»... Ты слушаешь, Варя?

— Неужели не слушаю? Мне рассказывал дед, но ты как-то особенно рассказываешь... будто книжку читаешь.

— Я их почти наизусть помню, эти Записки, столько раз ребятам рассказывал. А знаешь что, Варя? Скорее всего, это была бродячая овчарка.

— Ну откуда! Она гавкнула бы, если бы овчарка. Да ты не думай, Людмил, я не боюсь, вот писколько! Рассказывай.

— После этого Варвара Викентьевна стала собираться в путь. Добрые люди посоветовали ей, что нужно с собой взять, снабдили ватными шальварами, какие болгарские женщины носят в зимнее время в горах, безрукавкой на лисьем меху, носками из овечьей шерсти и прочими теплыми вещами, что потом, на Шипке, спасло Варваре Викентьевне жизнь.

В Габрове стояли ясные бесснежные дни, а гребни гор, его опоясавших, блистали белизной снега. В горах и на перевале давно встала зима. Иногда доносились с гор глухие удары, виделись вспышки дыма — это стреляли на Шипке из пушек.

Однажды к ночи Варваре Викентьевне вышла оказия

ехать. Сообщение с Шипкой было исключительно ночью. Днем дорогу всю сплошь простреливали турки.

В последние минуты от генерала прискакал адъютант. «Сударыня! Остерегитесь ехать! — заклинал адъютант. — Плохие сведения: в горах жесточают морозы. Наши позиции на Шипке охвачены турками. Турки простреливают нас вдоль и поперек...»

«Почему не мы простреливаем турок вдоль и поперек? Что думает об этом ваш генерал?» — в гневе спросила Варвара Викентьевна.

Повозку запрягли парой низкорослых лошадок, приспособленных к горным дорогам. Возницей сел старый болгарин. Другой болгарин, молодой, в бурке и башлыке, вооруженный пистолетом, сел рядом с Варварой Викентьевной. Глаза молодого болгарина были черны, как почва. Его речь была горяча и быстра.

«Меня зовут Радословом, — представился он. — Я ополченец. Я знаю подпоручика Лыкова».

Этого было достаточно, чтобы Варенька прониклась к Радослову доверием.

«Русские войска превосходны, — говорил Радослов, — но... — продолжал он с заминкой, — некоторые командиры оставляют желать многого... Но над нами, болгарскими дружинниками, командует талантливый, разумный русский генерал Столетов. Мы верим ему, как родному отцу!»

Варенька с искренней дружбой пожала Радослову руку в ответ.

Габрово позади. Лошадки бодро перевезли повозку под узкой аркой моста на другой берег бурной Янтры, выбегавшей из города к подножию перевала, и началось глубокое ущелье. С той и другой стороны отвесно падали стены скал, создавая впечатление чего-то мрачного, грандиозного. Как крупные и яркие звезды, когда на них глядишь из ночного ущелья! Но Варенька недолго глядела на звезды. Повозка то и дело задерживалась встречным транспортом с Шипки. Шоссе было узко, в иных местах с трудом было возможно разъехаться; возница соскакивал, брал лошадей под уздцы и с осторожностью вел. Встречных подвод было много: с Шипки ехали в Габрово за провизией и снарядами, везли раненых. Шипкинский гарнизон, оборонявший перевал от войск Сулейман-паши, связан был с Габровым единственной дорогой через это ущелье. Ночами в ущелье

кипела деловая торопливая жизнь. По ночам турки не любили стрелять, а с рассветом возобновлялось жужжание пуль, раскаты пушечных выстрелов, и движение подвод на Габровском шоссе стихало.

Но вот дорога вырвалась из ущелья и пошла круто забирать вверх. Круче, выше. Похолодало. С одного края дороги поднималась скала, с другого пошли глубокие лесные овраги, деревья в них по пояс утонули в снегу. Лошади, мотая заиндевевшими мордами, усердно тянули повозку. Крутизна стаповилась все тяжелее. Откуда-то из простора дохнул жестким дыханием ветер зимы. Приехали. Шипка.

Радослов соскочил с повозки и, подавая Вареньке руку, пылко, по своему обыкновению, сказал:

«Сердце Болгарии благоговеет перед стойкостью шипкинских воинов! Плевна пала. После Плевны Шипка — центр сражения за жизнь и свободу Болгарии! Пять веков мы, болгары, изнывали под игом Турции. Мы платили Турции дань нашим трудом и землей, плодами и деньгами, платили «дань кровью». Всякий турок имел право взять у болгарина жену или дочь. наших юношей угоняли в турецкую армию. Помнят синие Балканские горы, как боролась наши деды и отцы, как по всей стране катились и не утихали восстания, как пылали разоренные турками наши дома и селения, а турецкие ятаганы, смазанные маслом, чтобы легче вопзаться в человеческое тело, рубили повстанцев и невинных детей, уничтожая и губя все болгарское... А теперь позвольте проститься. Мне время сменить на позиции товарища».

И Радослов исчез в смутном сумраке ночи. Там слышалось неясное движение, приглушенные голоса, скрип по снегу колес, иногда качался тусклый свет фонаря.

А когда наступило утро, глазам Вареньки открылись передовые позиции. Они были верстах в трех от перевалочного пункта, куда приехала Варенька, на высокой горе, с пологими безлесными скатами и обширной, плоской вершиной. На одном краю вершины дико и хмуρο громоздились зубчатые скалы.

В то время эта вершина называлась горой Святого Николая. Солдаты попросту называли ее «Николай». Здесь и были передовые позиции Шипки.

Никогда не жили на «Николае» в зимнее время люди!

Разве орлы прилетят на скалы, окинут орлиным взглядом горный океан вокруг Шишки...

Настало утро, и с окрестных горных высот на «Николай» полетели турецкие гранаты и бомбы. От ружейного треска и пальбы колебался воздух. Чем утро яснее, тем шибче была стрельба турок! Турки не жалели патропов и снарядов, у них было много оружия, им помогала Америка...

А Вареньке опять не повезло...

Ты согрелась, Варя? — спросил Людмил, перебивая рассказ. — Хочешь, надень мой свитер. Тебе не страшно, Варя?

— Спасибо, Людмил, мне не холодно, мне не страшно! Говори, Людмил. Ей опять не повезло?.. Да и сяду с тобой

рядом. Как удивительно соловьи свищут, как таинственно в лесу, в первый раз я ночью в лесу. Говори, Людмила!

— ...А Вареньке опять не повезло. Батарея подпоручика Лыкова в ночь ушла на передовые позиции к скалам. Это были тяжелые позиции, самые тяжелые, под прямым прицелом у турок. Батареи у скал сменялись через четыре дня, дольше не выдержать, так было там тяжело под огнем противника, на ветру и морозе!

И Варенька, не повидав жениха, начала работу в перевязочном пункте. Началось ее трудное ремесло в «Передовом перевязочном» — так назывался этот пункт, потому что был ближе всех к передовым позициям. Он был расположен в землянках, укрытых от обстрелов в балке, но свист пуль и разрывы гранат совсем были рядом. Первый день Варенька прощалась с жизнью при каждом разрыве и лишь оттого не написала жениху и домой прощальные письма, что было некогда. Надо было приносить из котлов горячую воду, вытаскивать тазы с окровавленной марлей, промывать гнойные раны, убирать за ранеными, кипятить инструменты, помогать доктору при операции.

«Уберите!» — приказывал доктор, отрезав у солдата ногу. Варенька несла в свалочную яму отрезанную ногу. Дурнота подкатывала к горлу.

К ночи, когда перестрелка утихла, из Габрова приехали подводы. Санитары и носильщики перетаскивали из перевязочного раненых. Варенька устраивала солдат на подводах, укрывала худенькими шинельками, подбивала изголовья из кукурузной соломы.

«Сестричка! — звали солдаты. — Христа ради, сестричка!»

Лишь под утро, мертвая от усталости, она свалилась в своей землянке на койку. Через два часа возобновился обстрел. А через час прислали от доктора: «Сестричка! Свежие раненые с передовых».

Снова тазы с гнойными бинтами и марлей, стоны и кровь.

Прошло два дня, три дня... На закате третьего грозно повис над горизонтом кроваво-огненный шар. Закат был багров. Ночью на Шипку бешено налетел ураган. Выворачивал деревья и камни, швырял под склоны. Повалил снег. К утру навалило аршина на два. Варенька хотела отворить дверь из землянки и не могла, так замело ее снегом.

«Что, если меня забудут здесь, как в могиле?» — подумала Варенька.

Спустия долгое время — бесконечно долгое, показалось Вареньке, — издали стали слышны тупые удары лопат. Землянку откапывали. Прибежал Радослов, в бурке, с длинными ледяными сосульками вместо усов.

«Где Сергей?» — взмолилась Варенька, кидаясь к нему.

«Не волнуйтесь, — отвечал Радослов. — У них есть запас сухарей и дрова. Я затем и пришел, чтобы уверить вас: они продержатся».

И Варенька поняла, сколь опасна обстановка, в какой паходились передовые позиции и батарея подпоручика Лыкова.

Горячую пищу на передовые позиции доставляли по ночам в котлах на провиантских телегах. Дрова возили из лесных, крутых и глубоких оврагов, воду — из колодца, чуть ли не единственного на весь перевал. Ураган остановил питание позиций. Есть ли у них дрова? А если и есть, разве разведешь костер в ложементх, когда над шипкинской открытой вершиной вьют и мечется ледяной ураган?

Полковые носильщики несли и вели на перевязочный пункт обмороженных. Трое суток бушевал ураган, и Варенька не оставляла перевязочного.

Через трое суток буря улеглась. Густо засинело над Шипкой утреннее небо. Турки открыли стрельбу.

Варенька вышла на волю. В перевязочном стоял смрадный дух от крови и гноя. На свежем воздухе после смрада и вони ее повело в сторону, она едва не упала. Добрела до землянки — глубокой квадратной ямы под брезентовой крышей. В стену вделан очаг. Варенька затопила очаг. Присела на корточки перед огнем, грела руки.

Дверь отворилась. Вошел человек в обледенелой, гретой, как железо, шинели. Человек вошел молча, и Варенька молча поднялась ему навстречу. Он хотел развязать башлык, но все на нем смерзлось, он не мог поднять руки. Варенька подошла помочь, башлык ломался на куски. Держка обломки башлыка у груди, Варенька тихо сказала:

«Здравствуй, Сергей».

«Милая, здравствуй, — ответил он. И повеяв взглядом на койку: — Можно, я прилягу на десять минут?»

Прилег и мгновенно уснул.

Насквозь промерзшая пинель, простреленная в не-

скольких местах, стояла возле койки на полу, растопырив рукава.

Варенька молча глядела на лицо Сергея, темное от ху-добы, заросшее волосами.

Потом села к столу, положила голову на локти и тоже уснула...

Ты слушаешь, Варя? — спросил Людмил.

— Людмил! Они измучились! Им нельзя оставить Шипку! Я их люблю, Людмил! Очень люблю!

— Слушай. Когда там бушевали ураганы и снежные бури, из-за бурь стрельба прекращалась, и в петербургских газетах писали: «На Шипке все спокойно». Буран утихал, турки начинали обстрел наших позиций. Они палили по нашим из новейших орудий. А у нас не хватало зарядов и ружей. «На Шипке все спокойно». Вот как спокойно на Шипке: полки обмороженных и нечем стрелять.

...Но Сергей, вернувшись с передовых позиций, поспал два часа. Отогрелся. Отдохнула Варенька. Пришел Радослов. Вскипятили чайник, пили чай с ромом, и, подняв вверх стакан, Радослов читал стихи Христо Ботева:

Кто в грозной битве пал за свободу,
Тот не погибнет: по нем рыдают
Земля и небо, зверь и природа,
И люди песни о нем слагают.

Черное пламя пылало в глазах Радослова.

«За победу!» — восклицал Радослов, поднимая стакан, и его юношеское лицо озарялось улыбкой надежды.

Много раз до победы налетали на Шипку снежные ураганы и бури, рвались бомбы, разворачивая наши ложементы; с криками «Аллах!» турки лезли в атаку, карабкаясь по склонам на гору «Николай», и из Передового перевозочного каждую ночь увозили в Габрово на телегах и лазаретных линейках обмороженных, искалеченных защитников Шипки.

После одной бури, несколько суток бушевавшей над Шипкой, подпоручик Лыков, застигнутый, как бывало не раз, ураганом на скалах, не вернулся с «Николая», когда его батарея смешалась. Он исчез. Может быть, его сбросило ветром в пропасть со скал. Может быть, подстрелила пуля, когда, падая от ветра и вьюги, замерзая, обессиленные солдаты шли гуськом с вершины горы и люди не

видели друг друга в двух шагах. Словом, подпоручик не вернулся.

«Радослов! Не верю, не верю! Не поверю в его гибель!»

«Погодите горевать, — утешал Вареньку Радослов. — Добрый знак, что солдаты не хватились подпоручика. Значит, он отстал в последний момент».

«Радослов, где его искать?»

«Иду на поиски», — сказал Радослов.

«Я иду с вами».

Любовь и отчаяние Вареньки были столь велики, что напрасны были отговоры.

Они вышли в ночь. Была лунная ночь. Снег блестел и сверкал под луной. Торжественно высились громады Балкан. На соседних от Шипки курганах четко рисовались контуры турецких батарей, странно и жутко было их ночное безмолвие. Радослов и Варенька шли вдвоем прорытой в снегу дорогой, похожей на траншею. Снег доходил до плеч. Дорога поднималась в гору, в гору. С каждым шагом тяжелее дышать. Визжа по снегу колесами, догнал обоз. Подъемные полковые лошадки, терпеливо мотая обросшими инеем мордами, везли на передовые позиции на провиантских телегах пищу в котлах и вьюки дров.

Варенька и Радослов постояли, пропустили обоз. Труднее подъем. Трудно дышать морозным разреженным воздухом! Наконец ночь сменилась утром, снег зарозовел на вершинах, и пули начали свою музыку.

«Пригнитесь!» — остерегал Радослов.

Дорога все круче. Чаще стали попадаться наши укрепления, батареи.

«А ну, подпатужься, матушка, пальни в басурманов!» И из пушки, под смех и одобрительные солдатские возгласы, летел снаряд на турецкие позиции.

А они всё шли, всё шли. Всё выше!

Вдруг Варенька вскрикнула. Под ногами лежал замерзший солдат. Он лежал поперек траншеи, разбросав руки и обратив к небу молодое, слегка тупоносое лицо с реденькой курчавой бородкой. Мертвый взгляд стеклянно глядел в синее болгарское небо. Варенька наклонилась закрыть мертвому глаза, но веки окостенели, глаза не закрылись.

«Кланяюсь тебе, русский солдат! — срывая шапку с головы, воскликнул Радослов. — Откуда ты, солдат? Из какой русской деревни? Думала ли твоя мать, деревенская

женщина, что ее сыну придется на Шипке сложить голову? Чтобы не жгли турки болгарские хаты, не разоряли поля, не рубили наших жеп и детей! Вся Болгария кланяется тебе в ноги, русский солдат!»

Он поклонился, и они пошли дальше, оставив солдата глядеть мертвым взглядом в холодное небо.

У, как хмуры и грозны скалы на вершине Шипки над пропастью! Даже в тихую погоду здесь мчится ветер, нагоняет туманы и тучи, дожди и бураны. Жестоки, неприступны скалы на Шипке!

У этих скал стояла батарея подпоручика Лыкова. Здесь его ложемент. Сейчас здесь тихо. Изредка, как бы нехотя, постреливают турки с Лысой горы, которая сумрачно стоит против скал, через пропасть.

Постреливают наши в ответ. Наши не охотятся часто стрелять, экономя заряды и пушечные ядра. Время еще не пришло ударить нашим как следует. А турки ленятся стрелять оттого, что утреннее солнце светит прямо на Лысую гору, слепит, мешая прицеливаться. Вот взойдет выше...

«Взгляни, Радослов, что там?»

В десяти шагах от ложемента из снега торчало что-то похожее на черную палку.

«Штык, — сказал Радослов. — Замело человека».

Они поглядели друг на друга, и каждый прочел в глазах другого: «Это не он. Офицеры не носят штыка».

Но одновременно Варенька и Радослов почти побежали туда, где из снега торчал штык солдата.

«Он, может быть, еще жив», — сказал Радослов.

Они стали его откапывать руками и саблей Радослова. Снег был такой глубины, что они пробились бы зря, если бы офицер батареи, стоявшей у скал взамен батареи подпоручика Лыкова, не прислал на помощь людей из оружейной прислуги, с лопатами. Все-таки они провозились не менее получаса, пока откопали под снегом двух человек, и один из них... Они поняли это раньше, чем увидели лицо.

«Отойдите! — в волнении крикнул Вареньке Радослов. — Вас могут задеть лопатой!»

Она отошла.

«Живес, живес!» — лихорадочно подгонял солдат Радослов.

Он сам взял лопату и с таким рвением принялся швырять снег, что обливался горячим потом, несмотря

па мороз. Временами он поглядывал на Вареньку, тихо стоявшую поодаль. Можно было подумать, она не догадывается, что Радослов подозревает. Но она первая узнала подпоручика Лыкова.

«Он! — закричала она отчаянным голосом, с протянутыми руками кидаясь к снежной яме, где, прижавшись друг к другу, сидели двое: офицер и солдат. — Он!» — закричала Варенька, узнавая его худое лицо, обросшее волосами.

«Стойте! Ни с места!» — приказал Радослов.

Она почувствовала властность в его словах и поникла, не смея шагнуть ближе.

Снег вокруг занесенных был обильно окрашен красным. Кто-то из двоих был ранен, истекал кровью. Кто-то пытался помочь. Варенька видела: одного вытащили из ямы, прислонили к стенке траншеи, накрыли лицо шапкой и возле мертвого тела положили штык.

«Подойдите!» — позвали ее.

Она подошла. Прижимая к груди голову друга, Радослов пытался влить ему в рот спирт из фляги.

«Помогите!» — велел Радослов.

Варенька поддерживала голову с белыми от изморози висками. Силой разжав стиснутые зубы подпоручика Лыкова, Радослов влил ему в рот несколько спасительных глотков спирта. Кровь чуть слышно толкнулась в висок. Сергей не открывал глаз. Но в нем тлела искра. Он жив.

«Несите подпоручика в ложемент!» — приказал Радослов батарейной прислуге.

Подпоручика Лыкова понесли в ложемент возле скал, где его батарея немало отбила турецких атак, вытерпела лютых выюг и морозов.

Солнце между тем поднялось и не слепило больше Лысую гору. С Лысой горы начался обстрел. Оттуда видны были все наши позиции, особенно возле скал. Пули со свистом летели над траншеей, по которой батарейная прислуга, пригибая под выстрелами головы, несла бесчувственное тело подпоручика Лыкова.

Стали разрываться гранаты. Спереди, сзади, примериваясь к цели.

«Турки нас заметили!» — крикнул Радослов. — Остерегитесь! Несите быстрее!»

Солдаты ускорили шаг, почти бежали к ложементу.

Варенька торопливо следовала за ними. Последним шел Радослов. Варенька оглянулась, увидела его черный пламенный взгляд, белизну лба.

«Турки целятся по нас! Остерегитесь, Варенька, нагните голову!»

Ударил выстрел...

Что это? Выстрел ударил не только в рассказе—ударил действительно, где-то в лесу.

— Людмил! — вскакивая с кучи хвороста, закричала Варя. — Людмил!

Он тоже вскочил. Гром ружья раскатился по лесу. С дерева шарахнулась большая темная птица и, тяжело махая крыльями, низко пролетела над поляной. Словно разбуженный выстрелом, где-то поднялся предутренний ветер и зашумел по верхушкам деревьев. На востоке сквозь лес слабо яснило небо.

— Что это? Людмил?

Снова ударил выстрел, эхо покатилося по лесу. Ветер принес влажный запах реки.

13

— Нас ищут, — сказала Варя, слушая эхо, катившееся дальше, дальше в лес и где-то далеко за поляной улегшееся. — Наши! Наши! Э-э-эй! — топая и радуясь, кричала Варя.

— Эй! — отозвалось с того края леса, откуда ветер принес влажный запах реки.

— Нас ищут, Людмил! Милый Людмил!

— Идем им навстречу, Варя.

— У-гу! Э-эй! А-а! — гукало, звало, катилось из леса.

— Наши! — повторяла Варя с замиранием сердца.

Наши! Доброе, надежное слово! Страхи и одиночество отлетели от них. Ночь уходила из леса. Лес умолк в этот предутренний час. Ветерок прошумел и затих. И птицы забылись коротким летним сном. Солнце еще не взошло, восток не краснел, но бледный медленный свет тихо разливался по небу, гася редкие звезды. Выцветший серпик луны клонился за лес, к горизонту.

— Идем им навстречу, скорее, скорей! — звала Варя.

Они шли без дороги. Росистые кусты обдавали их холодными брызгами. Бледно-зеленые опухавшие папоротниковые листья склонялись перед ними. Старый пенек, заросший плюшевым мохом, задумчиво стоял у них на пути; шуршали под ногами частые заросли длинных ландышевых листьев.

А это что? Не тот ли это молоденький ельничек, о котором говорил лесник? Конечно, он! Только сейчас он не «темной-претемной», а веселый, ярко-зелененький! Ельник, ура! Они обогнули его и вошли в большой таинственный бор с высокими, как колонны, стройными соснами.

— Э-эй! — неслось из глубины бора.

Знакомый голос! Ба! Ведь это Рома. Это Рома-агроном. Вездеглаз. Его голос. Вот кто их ищет! Рома! Сейчас он их найдет, и все их испытания кончатся. И рассказ о Шипке кончится...

— Людмил! — сказала Варя. — А дальше? А что с Радословом?

Она глядела на него на ходу. Он побледнел за ночь. У него белый лоб, очень белый. Клок волос свесился на лоб. А глаза черные-черные, и кажется, что-то в них зажжено.

— Что дальше, Людмил? — спрашивала Варя, быстрым шагом идя рядом с ним.

— И вот, когда близко ударил выстрел, совсем близко совсем за спиной, она оглянулась...

— Ну?

— Она оглянулась. И видит — Радослов лежит в узкой траншее лицом в снег. Одна рука выброшена, будто кажет «Наперед!» Будто и мертвый он призывает: «Наперед!» На снегу натекло пятно крови, снег был красный от крови. Пуля попала Радослову в затылок. Он не успел вскрикнуть и упал молча, убитый...

— Э-эге-ге! — катился под сводами сосен голос Ромы

Низкий, гулкий, где-то за бором протяжно возник звук и повис в воздухе и долго не гас — это шел по Оке теплый дождь.

— Э-э-ге! Мы здесь! — приложив ко рту трубкой ладоши, отзывался на Ромин голос Людмил.

Какой белый у него лоб! Глаза горят. Вот что, он похож на Радослова! Гордого Радослова!..

— Удивительно, Людмил, как ты наизусть запомнил Записки! — сказала Варя.

— Когда у нас в классе кто-нибудь вступает в комсомол, я рассказываю. Такой у нас обычай вспомнить Шипку! После Шипки Болгария стала Болгарией. Мал труд запомнить! Если хочешь знать, у комсорга есть потруднее дела.

— Ты комсорг? Наверно, ты хороший комсорг.

— Обычный. Когда ты приедешь к нам в Казанлык... Что? Ты не знаешь, что такое Казанлык? Мы живем в Казанлыке. Я учусь в Казанлыке.

— А Долина Роз?

— Долина Роз начинается от Казанлыка. Не знала?

— Конечно, нет. Откуда мне знать? Людмил, мы на-шлись. А чего-то жалко, Людмил...

Они торопливо шли и говорили спеша, словно боясь не успеть сказать что-то самое важное, и время от времени покрикивали Роме: «Э-эй!»

— Поезд в восемь утра, — пробормотал Людмил, глядя на часы. — Завтра в Москве. Послезавтра в шесть вечера поезд на Софию...

Что он? Что он? Что он, Людмил?! Что он высчитывает?

— Послезавтра в шесть, — повторял он, сведя брови-шнурочки.

У Вари упало сердце. У Вари перехватило дыхание.

— Ха-ха-ха! Ты деловой, оказывается! — засмеялась она. — Здорово рассчитал! Смех! Как пастоящий бухгалтер. Людмил, стоишь ли тебе поступать в институт Горького? Поступай на бухгалтерский, ха-ха! Будешь вести бухгалтерию, ха-ха!

— Ты досадно смеешься, невесело, — удивился Людмил.

— Нет, я веселюсь! — крикнула Варя. — А на поезд успеешь, не беспокойся, успеешь...

И, распахнув руки, она побежала между соснами, пальтишко ее раздувалось и летело за ней, как голубое облачко.

— Наши, наши, где вы, наши?

Она бежала зигзагами, огибая сосны, и вдруг наскочила на агронома. Он был, как вчера утром, в высоких сапогах, соломенной шляпе и прорезиленной куртке на «молнии». За плечом у него было ружье. Все это придавало ему романтичность.

— Рома! Вездеглаз! — взвизгнула Варя и, с разбегу повиснув у него на шее, вlepила поцелуй в пeбpигую щeкy.

— Здоpóво, пионер! — сказаl он. — Здоpóво, Болгаpия!

Маленькая Сима-Серафима вынырнула из-под его локтя, в старом ватнике по верх розового платья, босая, держа в руках туфли на шпильках.

— Невредимые! Целые! — взмахивая туфлями, вопила она. — Нашлись! Не утопли!

— Глупости! — свирепо оборвал агроном. — Для чего им тонуть?

Он снял с плеча ружье и три раза выпалил в воздух.

— Знак, что нашлись, — объяснила Серафима. — Клавдия по берегу ходит. Стрельнул три раза — значит, нашлись. Домой побегжала деда успокоить.

Агроном поставил ружье к ноге, оглядел Людмила и Варю, сдвинул шляпу на затылок и освобожденно вымолвил:

— Черти!

— Перепу-у-гу-у было! — подхватила Сима.

— Черти вы, черти! Ну черти! — ругался агроном.

Он достал из накладного кармана пачку «Беломора», вытащил папиросу, помял и закурил.

— Из-за вас, черти, курить научился, — даваясь дымом, сказал он. — Напили время экскурсии затевать! Чья самодеятельность?

— Что это?.. А! — догадался Людмил. — Это я... говорю Варс...

— Ах, какое благородство! Он берет на себя! — перебила Варя. — Рома, не верь, заливаает!

— Что это «заливаает»? — спросил Людмил.

— Ха-ха-ха! — смеялась Варя. — Рома, это я увлекла его за Оку, я, презрепная, я!

Рома бросил недокуренную папиросу, притушил сапогом, вдавил в землю и, поглядывая из-под соломенной шляпы на Варю, сожалеющим тоном спросил:

— Конфликт?

— Предположим.

— Предположим? — Он сдвинул шляпу на затылок. — Конфликт между вами не есть просто конфликт, а есть международный конфликт. Что грозит... — он надвинул шляпу на лоб, — срывом нашей политики мира. С целью предотвратить мировой пожар призываю стороны не дать разгореться... Дошло? Алле!

Он снова сдвинул шляпу на затылок, взял на плечо ружье и энергично зашагал в лес, в сторону, откуда они с Симой явились.

— Алле! — махнула Сима-Серафима туфлями на шпильках.

Из гостеприимства она засемила возле Людмила: зарубежный как-никак гость!

— Наша колхозная молодежь с энтузиазмом сошла в клуб на доклад, — рассказывала Сима. — Исключительно волнующий получился доклад, даже овации были! После обмена мнений товарищ Хадживасилева, откликаясь на просьбу колхозников, выступила по-болгарски. Незабываемое впечатление!

— Да? — полувопросом вежливо ответил Людмил.

Варя шла сзади, сунув руки в карманы голубого пальтишка. «Вот и все. Вот и все. Вот и все!» — повторялось у Вари в душе. Она слушала бор. После недолгого сна в бору пробуждалась жизнь. Что-то ворочалось, возилось в кустах. Стучал дятел. Молодо, страстно высвистывала птица: фью-фью, тю-лю-лю! Вдали по-утреннему звонко кукувала кукушка. На востоке желтело небо...

Коротко охарактеризовав Людмилу выступление его матери в клубе, Сима-Серафима от него отстала. Симе хотелось поделиться впечатлениями с Варей. Людмил, что ни говори, представитель иностранной державы, Сима немного перед ним тушевалась. С Варей Симе было свободнее.

— Как волнующе! Как все волнующе! А после доклада вопросы посыпались. Исключительно острые, председатель предвидеть не мог, какие острые посыплются вопросы, такая накаленная создалась атмосфера, наш председатель то и дело в колокольчик звонит. Ну, докладчица ничего, вышла из положения. А если вникнуть, наша колхозная молодежь хоть и любит каверзные вопросы постороннему лицу задавать, а самая трудящаяся и передовая среди стран всего света! Так и товарищ Хадживасилева в заключительном слове признала! До полночи обменивались мнениями. Пожилые женщины и те не расходятся. Петухи полночь запели, тут Рома шепотом из клуба меня вывел и говорит: тс-с, говорит, без паники, наши пропали, говорит. Я с перепугу туфли домой не успела забросить, так на шпильках и побежала за Ромой на Оку вас искать.

Сима-Серафима поглядела на Варю. Варя шла молча,

с напряженным лицом. Если взглядеться внимательнее, Варя шла с невеселым лицом.

— Варя! — позвала Сима-Серафима. — Я иной раз из-за своего Ромки расстроюсь, — тихо и деликатно, как и следует говорить о сердечных делах, заговорила она, — расстроюсь, расстроюсь, изведусь от расстройства, один остается выход — разрыв! А проанализируешь причины: ничего и нет! В твоём, к примеру, случае что за причина?

— Он... высчитывать стал, через сколько дней ему уезжать...

— Высчитывать стал? А ты?

— Обиделась.

— Обиделась? Что дни высчитывать стал?

Сима умолкла, видимо анализируя причину разрыва.

— Склочная ты, Варвара! — авторитетно сказала она, видимо не сочтя причину серьёзной. — Наплачешься из-за своей склочности. Первоспитывайся, Варя, по-товарищески, как комсомолка, советуйся. У нас в роду вон какие Варвары бывали! А ты?

— Что я? Обиделась.

— Заладила одно! Идеиных расхождений нет между вами?

— Не-ет.

— Если идеиных разногласий нет, возьмусь уладить. Улажу, берусь! Не допущу до разрыва. Косу-то заплети, растрепалась!

Она сама заплела Варю растрепанную косу. Ленточку из косы Варя потеряла где-то в лесу.

— Варяха-растеряха! — подразнила Сима, взяла Варю за руку, и они побежали к Оке, где над обрывом уже стояли агроном и Людмил.

Ока была сонная, серенькая. У того берега, где тянулись яблоневые сады Привольного, поднимался дымком неплотный туман. У этого берега, под обрывом виднелась тихая темная глубь. Пахло сыростью. Подогнанные к берегу, стояли две лодки. Одна большая, рыбацкая; другая та, которую Варя и Людмил увели от мостков, дурнушка линяло-кирпичного цвета.

— Хозяин лодки хватился, — рассказывала Серафима. — Мы и смекнули, где вас искать. Весь берег обшарили, пока на лодку не наткнулись. А уж там догадались — в лес путь.

— Живей, пионер! — крикнул Рома. — Поезд дожидаться не станет. Они волка видели, — сказал он Серафиме.

— Неужто? — ахнула та.

— Подумаешь! — ответила Варя. — Наверно, это и не волк, а просто собака, а мы с перепугу за волка приняли. А это собака, подумаешь!

— Ну, все-таки. Молодцы все-таки! — сказал агроном.

Варя первой стала спускаться вниз. Она чувствовала, Людмил смотрит, как она спускается, ей было неловко, она была связанной. Из-под ног сыпался песок, с шорохом ка- тились мелкие камешки. Зачем она обиделась на Людми- ла? Зачем? Теперь она не знает, как выпутаться, теперь она Серафиму в свой конфликт вовлекла.

Серафима обогнала Варю, вскочила в лодчонку линияло- кирпичного цвета. Лодчонка накренилась, едва не зачерп- нула воды через борт.

— Людмил! Сюда! Разговор есть, сюда!

— Отчаливайте, — велел агроном, садясь за весла в ры- бацкой лодке.

Варя села с ним в рыбацкую лодку.

Вода журчала у бортов, за кормой бежала волнистая узкая лента.

— Молодцы все-таки, — повторил агроном, с любопыт- ством глядя на Варю. — Волк или пет, важно — не стру- сили.

— Как раз и струсили, — ответила Варя.

Когда они пристали к мосткам, Людмил и Сима были уже на берегу. Людмил выпрыгнул из лодки и поднимался на горку. Там, на горке, под белыми яблонями дождался агронома его испытанный лазерный «газик», готовый в новое странствие.

За Окой из-за леса вырвалось солнце и пронизало все небо.

— Здорóво, светило! — сказал агроном. — В путь, братцы! За мной!

Он стал энергично взбираться на зеленую горущку, до- гоняя Людмила.

— На станцию вас отвезу, а оттуда прямо в поля, в дальние бригады, не спавши из-за вашей экскурсии. Ухло- пал на вас ночь!

Серафима приложила палец к губам, сигнализируя Ва- ре: «Отстань от людей, есть разговор».

— Что? — спросила Варя, отставая.

— «Что, что!» Они, болгары, самолюбивые, вот что! У них на первом плане — как бы гордость не уронить. Я ему свое, а он мне свое: что, мол, никакого между вами конфликта. Наплачешься ты, Варвара, через его скрытный характер... Гляди-ка, кто там идет?

Серафима прислонила ладонь козырьком над глазами. Песчаной полосой вдоль Оки торопливо шла женщина в накинутой на плечи бордовой шали. Кисти шали качались.

— Клавдия! — узнала Сима.

— Мама! — крикнул Людмил.

И стремглав побежал под горку.

— Что она вернулась? Ей по выстрелам дома надо бы быть, — с беспокойством сказала Сима-Серафима.

Варя в тревоге смотрела, как Клавдия бежит по песку вдоль Оки. Тяжело бежит по песку... Подбежала к Людмилу, положила голову ему на грудь, постояла. И пошла к Варе.

— Варя, — сказала Клавдия, отводя со лба ее волосы и не глядя в глаза, — Арсений Сергеевич заболел. Идем, Варя, что-то дед заболел...

14

«Газик» без гудка остановился в проулке против Климановых. В том, что он остановился без гудка, было тревожное. Все вылезли.

— Идем! — позвала Клавдия Варю.

Варя делала все, что велят, не спрашивая ни о чем. Она потеряла свою волю.

Клавдия за руку вела ее к дому, тихонько рассказывая:

— Из клуба вернулись — вас нет. Он молчит. Я маятником в избу из избы, в избу из избы! Роминого ружья дожидаясь, как условлено. Рома с того берега три раза пальнул, я домой. Прибежала, кричу про вас, что нашлись. Оп, как услышал, побелел и медленно-медленно на бок и повалился... Спасибо, Авдотья Петровна дома, укол сделала...

Они подошли к крыльцу. Варя взялась за перильце. Ступенька жалобно скрипнула под ногой. Варя представила деда с безжизненным лицом, как он днем лежал на кушетке. Стало страшно, так страшно, она не могла сделать шагу.

Вдруг из распахнутого окна донесся его живой голос.

— Спасибо, спасибо! — летел из окна его грозный голос. — Сделайте милость, не лечите! Дожил до семидесяти с лишним без докторов...

— Легкомыслие! Дикость! Извольте лечь, товарищ полковник! — услышала Варя докторшу.

— Не укладывайте, товарищ доктор, не лягу.

— Ложитесь!

— Не лягу.

— Ну и губите себя, губите, если из ума выжили, губите себя, если жизни не жалко! — услышала Варя, и на крыльце появилась Авдотья Петровна в белом докторском халате, гневно засучивающая рукава по локоть. — Варвара! — увидела ее докторша. — Иди к деду. А вы погодите, — приказала она Клавдии с Людмилом. — Вы ждите, пока позову. Иди, Варя, к деду, из ума выжил дед!

Она подтолкнула Варю в избу. Окна в избе были открыты, но после улицы, где все чище и яснее разутривалось, после прохлады реки здесь казалось душно и темно. Дымчатый кот сидел на лавке, таинственно щуря на вошедших зеленые черточки. Дед стоял у стола, опираясь о край согнутыми пальцами. Он изменился за ночь. За одну ночь все в нем изменилось: серые щеки запали, морщины прочертились глубже, странно и пристально глядели на Варю посветлевшие глаза.

— Дед, ты заболел, — сказала Варя, пугаясь перемене в нем.

— Ничего, ничего, — принялась успокаивать докторша, поглаживая Варе плечо. — На тебя сердится. Хватит вам, Арсений Сергеевич, сердиться, такими ли баловницами нынешние девчонки растут! Ваша-то что! Ваша примерная!

— Где ты была? — спросил дед, неестественно раздельно выговаривая слова, и опустил на лавку, протянув на столе худую длинную руку.

Варя увидела его худую длинную руку со вздувшимися сипими жилами, у нее заняла душа.

— В лесу были. Мы лесника встретили. Потом волка встретили, а он от нас убежал, — низким голосом ответила Варя. С голосом она не могла справиться. Голос ее выдавал.

— Волка для эффекта ввернула! — сердито сказала докторша.

— Нет. Он убежал. Вильнул за дерево и скрылся. А может, говорят, это собака была. Здорово похожа, в точности волк. Дед, отчего ты не слушаешься Авдотью Петровну?

— Собирайся в Москву. Где рюкзак? — сказал дед.

Варя вопросительно поглядела на докторшу.

— Нельзя ему в Москву, — сказала докторша.

— Готовь рюкзак! — стоял на своем дед.

— Арсений Сергеевич!..

— Семьдесят с лишним лет Арсений Сергеевич. некогда мне здесь нежиться. Дома дела.

— Погодят ваши дела!

— Не погодят.

— Арсений Сергеевич! Не маленький, понимать надо, — просительно сказала докторша.

Он не ответил. Он откинул голову и оперся о стену затылком, худая рука с толстыми жилами безжизненно протянулась на столе.

— Уговаривай, — шепнула докторша, подталкивая Варю к деду. — С ума он сошел!

— Дед, давай останемся, а? — сказала Варя.

— Застряли! Заехали куда-то... бессмыслица.

— Полный смысл, что застряли, — спорила докторша. — Воздух чистый. Молоко неснятое. Изба просторная. Доктор свой. Решили?

— Не решил, а сдался.

— Не сдался, а здравый рассудок все-таки осилил. Поїду гостям объявлю. У них план, им от плана нельзя отступиться.

Она вышла из избы, легко и поспешно неся немолодое грузное тело.

— Варя! — позвал или про себя сказал дед.

Он внимательно глядел на нее. Глядел и не видел, а видел что-то другое.

«Иные мысли меня влекут, иные цели»...

Это слова из Записок. Он о них думает. Здесь, в Привольном, все ему напоминает о них. Горько, жалко, что не осталось надежд, не вернуться Записки...

— Дед, не волнуйся. Тебе вредно волноваться, дед.

— Возможно. Если я успею дописать книгу, вот что будет стоять в заключении. Война против турецкого ига, рязанские, тульские мужики в солдатских шинелях, по плечи в снегу, под ледяным ветром Шипки на передовых

позициях... Гражданская война против капитализма и помещиков, внуки шипкинских солдат на передовых позициях. Отечественная война против фашизма, правнуки шипкинских солдат...

Вернулась докторша, привела Людмила и Клавдию.

— Ты, Клавдия, вещички собирай, поезд не ждет, по расписанию следует. А ты, Людмил, простись с Арсением Сергеевичем, да надо вам, Арсений Сергеевич, послушаться лекаря, лечь, — сказала докторша.

Людмил снял с руки часы марки «Победа». Часы безмятежно бежали: тик-тик, тик-тик. Пора их было вернуть.

— Благодаря ви за ваш часовник, — сказал Людмил. — Желаю вам очень быть здоров!

Когда Людмил волновался, на язык ему приходили болгарские слова. Он повторил:

— Желаю вам очень быть здоров!

Он тоже испугался, какой у деда был больной вид.

— Постараюсь быть здоров, — ответил дед, сияясь улыбнуться. — А ты Россию помни.

— Буду помнить.

— И Болгарию свою береги.

— Буду беречь!

Людмил стоял, опустив руки, не зная, что делать дальше.

И вдруг Варя поняла, что Людмил уезжает. Они с дедом остаются в Привольном, а Клавдия и Людмил уезжают. И не будет двух дней в поезде и в Москве...

— А как же... о Долине Роз ты не успел рассказать!

У Вари нечаянно это вырвалось. Ведь она понимала, что ничего уже нельзя успеть, уже поздно. Но у нее нечаянно вырвалось...

— Эх, незадача! — с искренним сокрушением сказала докторша.

— Пока я в дорогу сложусь, прогуляйтесь, деточки, напоследок по саду, — певуче протянула Клавдия.

Дед глядел на Варю и все понимал. Не сбудутся два дня в поезде и в Москве, не будет двух дней! Не успел Людмил рассказать Вале о Долине Роз... Дед все понимал. Но у них с Варей не были приняты нежности, и он сказал, по возможности, твердо:

— Слушать приказа! Приказываю: весело прогуляться напоследок по саду!

И Варя вытянулась, как положено, и бодрым тоном ответила:

— Есть весело прогуляться по саду!

Дед закрыл ладонью глаза. Дед болен. Надо деду послушаться докторшу, лечь.

А они вышли в яблоневый сад. В саду еще не сошла после ночи роса. На солнце сверкали крупные прозрачные капли. Трава на тропе была мокрой. Варя до колен намочила ноги. Мимо уха с тонким звоном пролетела пчела. Пролетела прямо к цветку.

— Людмил, я не сержусь на тебя, — сказала Варя. — Я просто набитая дура.

— Я тоже... Ты не можешь проводить нас хоть до станции? Хоть до поезда?

— Нет, не могу. Нельзя его оставлять. Буду сидеть около него... Очень хочется вас проводить, но нельзя, очень боюсь за него. Ты заметил, какой он стал серый? Слушай, Людмил, сегодня, когда ты приедешь в Москву, сходи к нам, посмотри на ее портрет.

— Обязательно! Я сразу пойду к вам. Знаешь, Варя, там, в Записках, рассказывается, Радослов погиб, а через несколько дней началось наступление. Через несколько дней турки были разбиты... Но подпоручик Лыков не мог идти в наступление. Ему отрезали ногу. Когда в тот буран его занесло на Шипке и он обморозил ногу и ему отрезали в лазарете в Габрово, она записала в Записках: «Никогда, никогда Сергей не услышит от меня недоброго слова, никогда, никогда не увидит хмурого взгляда!» Так там написано. Варя, я хочу подарить тебе что-нибудь на память, чтобы ты не забыла... — Он стал шарить в карманах. — Что-нибудь, какой-нибудь блокнот или значок... Ничего нет. Где же блокнот? А, вот что есть, карандаш! Син карандаш с наконечником, на память.

Он вытащил синий карандаш с наконечником, и из кармана под ноги ему выпала лента. Голубая лента из Варинной косы валялась у него под ногами.

Людмил поспешно нагнулся схватить ее. Он стал красный, как огненный уголь, и сунул ленту в карман. Варя отвела глаза. Она ничего не сказала. Она только покраспела, как он. Даже слезинки выступили у нее на глазах от смущения. Сквозь слезинки Варя увидела в траве цветы с золотисто-желтыми венчиками. На ночь цветы скла-

дывали венчики и до утра скучно стояли метелками, но вот взошло солнце, и золотистые венчики стали раскрываться.

— Гляди, Людмил, раскрываются цветы. Ты когда-нибудь видел, как они раскрываются?

Нет, он никогда не видел. У них в Казанлыке есть сад, но ему ни разу не случилось увидеть такое...

— Ну-ка, скажи еще раз то стихотворение про лодку, — попросила Варя. — Ага, забыл!

— Лучше я скажу другое. Вот. Мы стоим утром в саду, и желтые цветы, уснувшие на ночь, раскрывают венчики, почувствовав солнце.

— Ну? Дальше?

— Все.

— Хорошее стихотворение... — сказала Варя. — Уж очень далеко ты уезжаешь, Людмил. Казанлык. Казанлык. Не знала, что на свете есть Казанлык. Людмил, сегодня, когда ты приедешь в Москву, ты можешь зайти в мою школу. Зайди просто так, поглядеть...

— Зайду.

— Мой класс седьмой «А» на втором этаже. Встретишь там наших ребят...

— Охота мне увидеть ваших ребят!

— А мне охота увидеть Болгарию, горы и ваш Несебр, маленький полуостров с каменной ветряной мельницей и узенькими улочками, как в сказке... и белые сейнеры в бухте.

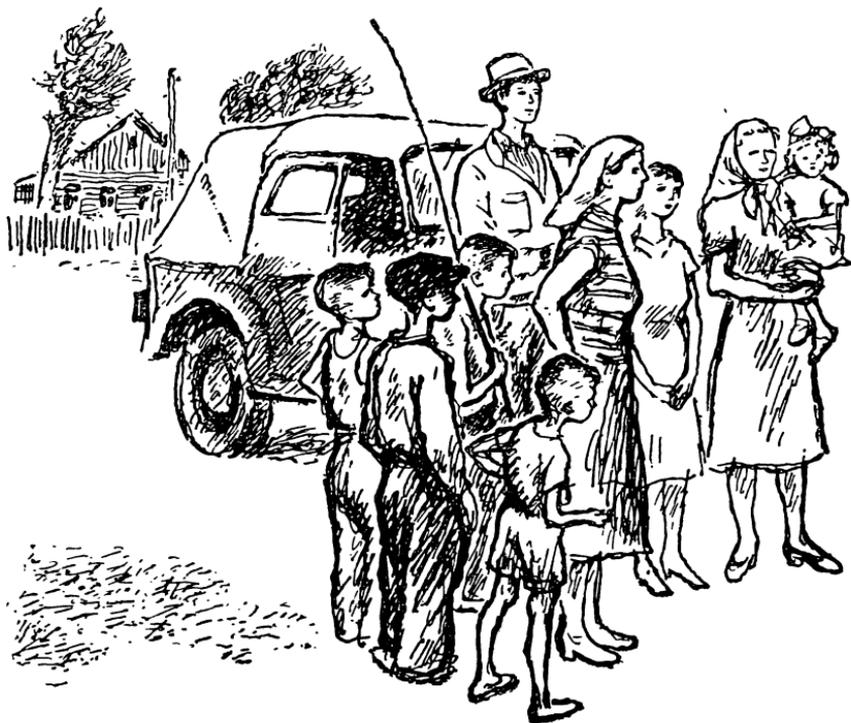
— Приезжай, Варя, с дедом в Болгарию, съездим на Шипку. Шипка недалеко от нас. Ты думаешь, там просто памятник, обычный, как все? Нет, не обычный. Нет, когда взойдешь на вершину, там большое здание, и внутри... торжественно и гордо как-то, все входит молча. Посредине стоит саркофаг, а возле стены, склонив головы, стоят два солдата, два воина. Один — болгарский ополченец, другой — русский. Защитники Шипки. У саркофага цветы или ветки. Кто-нибудь всегда принес с гор...

— Мы тоже принесли бы, Людмил.

— Эге! — раздалось из проулка. — Людмил, эге! — звал Ромин голос.

— Пора вам уезжать, — сказала Варя.

— Знаешь, что я высчитывал, Варя? Сколько дней остается...

— Я так и поняла, что тебе хочется побольше рассказать о Болгарии...

— Да. А знаешь что, Варя? В этом саркофаге похоронят последнего шипкинского воина. Он живет. У нас в газетах писали, в России жив один солдат с Шипки. Он к нам приезжал в Болгарию, его видели люди.

— Неужели, Людмил? Людмил... пусть бы он долго-долго жил, этот солдат!

— У нас в газетах писали, он старый, но совсем еще крепкий, почти как молодой.

— Хорошо бы! — сказала Варя.

Они пошли в проулок. Там возле лазоревого «газика» собралась вся компания, все, кроме деда. Тут были и «девчата», подруги Клавдии: Маруся в красной кофточке, Катя и Зина и еще какие-то женщины. Вчерашний коренастый мальчонка без передних зубов стоял тут же, держа у живота, как блюдо, круглую ржаную лепешку.

— Мамка прислала, — свистя, сказал он при виде Людмила. — Теплая. Сейчас из печки. Мамка прислала в дорогу. Цай, у вас в Болгарии таких не пекут.

Все женщины, как по команде, стали вытирать глаза концами платков.

— Спасибо, милоч! — сказала Клавдия, осыпая поцелуями мальчонку, глядя его вихрастую голову.

Мальчонка старался увильнуть от ее ласк. Вытер лицо пятерней, на щеке осталось пять полос, следы пальцев.

— С утра чумазый! — неодобрительно заметила докторша. — До свиданья, гости! Кланяйтесь своей Болгарии! Не поминайте лихом. Да и пишите, а то уедете — и нет!

Она сблизилась Людмила, а Клавдию поцеловала в щеки три раза. Клавдия громко всхлинула.

— Диковинная ты, Клавдия! — сказала докторша. — Перемешано в тебе: и слез хватает и смелости. Пойду. Прощайте. Большой там у меня. Ох, нелегонький больной, ох, годочки немалые!

И она, не оглядываясь, заспешила в избу.

Началась суета. У Клавдии оказались какие-то вещи, узелки, узелочки. Рома засовывал их в машину и багажник. Все помогали, но без толку, только увеличивали суету.

Всем хотелось шуметь, что-то говорить, двигаться, и было грустно.

— Готово! Другари, занимайте места! Отчаливаем! — объявил Рома.

Женщины заплакали, Маруся в красной кофте горше всех.

— Прощай, — сказал, протягивая Людмилу руку, беззубый мальчонка. — Меня Степкой зовут, — сказал он. — Станешь писать, пиши: «Привольное, Рязанской области, Степке Ухватову», ежели письмо падумаешь из Болгарии слать...

— Занимайте места! — торопил агроном. — Счастливо оставаться, пионер!

Это относилось персонально к Варя. Варя одна среди них пионер. Счастливо оставаться? Нет, лучше уезжать, чем оставаться! Лучше, когда тебя зовут вдаль дороги. Пусть опасны, трудны дороги...

— Людмил, помнишь, когда мы плыли в лодке... Что я хотела сказать? Да, что я хотела... Мы приехали с дедом в Привольное искать Записки...

— Я пришло тебе Записки, — ответил Людмил.

— ...а встретили тебя, твою маму, Авдотью Петровну, Степку, всех! Как я рада, что мы приехали в Привольное!

«Он не знает, что Записки пропали, — подумала Варя. — Пусть не знает».

— Пусть пока не знает, — шепнула Клавдия, обнимая Варю. — Третья ты моя!.. Деда береги.

— Другари, отчаливаем! — решительно скомандовал Рома.

Он стоял возле своего «газика», как на карауле, пока все усядутся. В последний момент Сима-Серафима надумала ехать провожать гостей к поезду. После поезда — с Ромой в дальние бригады. В обеденный час проведет там беседу на тему о дружбе народов...

Все уезжают. Остаются Степка и Варя. Да «девчата», подруги Клавдии.

Лазоревый «газик» негромко гуднул и покатил. В не-

которых избах отворились окна, люди смотрели вслед лазоревому «газику». Сейчас он завернет из проулка, пошлет прощальный гудок и скроется из глаз. Вдруг он остановился.

— Авария! — радостно взвизгнул Степка.

Лазоревый «газик» остановился, дверца распахнулась. выскочили Людмил, Клавдия, Сима. Все махали руками, что-то крича. Варя понеслась к ним с замирающим сердцем.

— Они не пропали! — кричал Людмил.

— Я так и думала, так я и думала, так я и знала! — Варя подбежала. Остановилась, задыхаясь.

— Они не пропали! — громко кричал Людмил, словно она была далеко.

— Не пропали, не пропали! — всплескивая руками, вопила Сима.

Рома высунулся из «газика», сдвинул шляпу на затылок и в крайнем удивлении сказал:

— Целы! Фантастика!

— А все я! Кабы я не завела разговор, в неведении так и остались бы!

Сима-Серафима ухватила Варю за отворотик ее голубого пальтишка, трясла, грозя оторвать.

— Это я про Записки вопрос подняла! Говорю Людмилу: непростительная вина, говорю, что таким историческим Запискам затеряться дали безвестно. Тут он и подскочил! Тут все и разъяснилось.

— Да что разъяснилось-то, что? Да скажите же толком, что они, где они? — умоляющим голосом спрашивала Варя.

Клавдия всхлипнула.

— Мне бы, когда Записок перед отъездом хватилась, сказать бы Людмилу, а я, глупая, промолчала. Думаю: зачем парня зря расстраивать? А он как раз и причина всему...

— Я их в сундуке у матери взял, — возбужденно перебил Людмил. — Я их отдал одному парню, товарищу... Я ему дал почитать...

— Варюшка, милушка! — всхлипнула Клавдия. — Беги к деду, скажи деду, пришлю вам Записки! Не пропадали Записки. Людмил товарищу дал почитать.

Дед теперь выздоровеет! Дед теперь выздоровеет! —

твердила Варя. — Верно? Да? Он от радости выздоровеет. Это ему полезно — лекарство. Верно? Да?

«Газик» протяжно загудел: пора, расставайтесь!

— Людмил, зайди к нам сегодня в Москве... Людмил, погоди.

Варя сняла свой пионерский шелковый галстук. Вот что она надумала: сняла свой галстук и повязала Людмилу. Расправила концы у него на груди, на его черном свитере.

— Ты похож на Радослова, Людмил!

— До виждане, Варя!

— Гляньте, как чужие прощаются! Напоследок-то хоть поцелуйтесь, бесчувственные! — всхлипнула Клавдия.

И всё. Дверцы в машине захлопнулись. «Газик» полетел полным ходом.

— Помни, Людмил! До виждане, Людмил!

— Помню, помню, до свидания, Варя!

Цена **31** коп.